

ТАЙНЫ

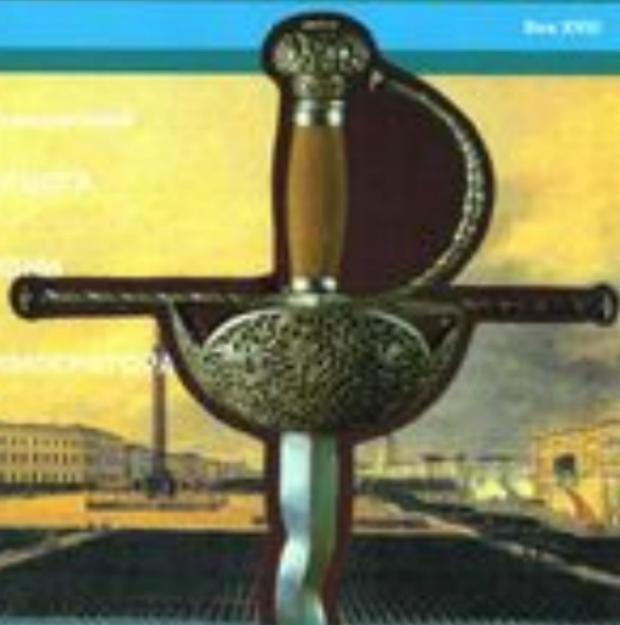
Вып. XVI

М. И. Дьяченко

ВРЕМЯ ПОИСКА

ДВА ВОЙНЫ

СЛУГА ИНОСЕРВИСА
ПЕЛЛА

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

Михаил Волконский

Слуга императора Павла

Роман «Слуга императора Павла» посвящен рассказу о попытке предотвратить заговор и спасти Павла I.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	0005
ГЛАВА ПЕРВАЯ	0014
ГЛАВА ВТОРАЯ	0076
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	0131
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	0199
ГЛАВА ПЯТАЯ	0265
ГЛАВА ШЕСТАЯ	0328
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	0372
ЭПИЛОГ	0397

Михаил Волконский
Слуга императора Павла

ПРЕДИСЛОВИЕ

До сих пор еще не имеет настоящего серьезного описания кратковременное царствование императора Павла Петровича.

Так называемую павловскую эпоху избирали для своих романов многие авторы, и имя этого императора довольно часто повторялось на страницах исторической беллетристики. Но те исторические монографии, которые относятся к его царствованию, далеко еще не исчерпывают предмета со всех сторон и не дают представления о времени Павла Петровича и его управления.

Оттого ли, что мы слишком близки этому времени и оно не отошло еще для нас в историческую перспективу, или оттого, что наша историческая наука разрабатывалась до сих пор под углом зрения немцев, имевших основание не любить Павла Петровича, но мы пока лишены еще настоящей русской истории императора Павла.

Наиболее претендующая из них на полностью биография Шильдера «Император Павел Первый» чрезвычайно односторонняя и напи-

сана с предвзятой целью, чтобы не без налета своего рода суеверия доказать, что преждевременная кончина Павла Петровича была как бы логическим следствием «злого дела», как говорит Шильдер, совершенного в 1742 году лишением престола несчастного малютки Иоанна Антоновича.

Конечно, в такие фантастические отвлечения не должен вдаваться серьезный историк, обязанность которого — изучить описываемое им время, дать верное представление о действовавших тогда исторических лицах и угадать чутьем научного прозорливца связь разбираемого им прошлого с последовавшими и будущими затем событиями. А этого-то и нет, в особенности в труде Шильдера, оказавшегося неспособным снять с себя очки рутины, заведомо предрешающей, что все, что делалось в царствование Екатерины II, было велико и превосходно и потому должно служить мерилom для оценки всех данных русской истории.

Внешний рост и роскошь екатерининского царствования, слепившие глаза своих современников, до сих пор еще действуют одурма-

ниваяще на людей, неспособных отрешиться от навязанных, предвзятых мыслей, несмотря на то что эта пресловутая роскошь и блеск Екатерины Великой стоили таких нелепых и безумных расходов России, что сделанный тогда государственный долг послужил началом того экономического бремени, которое и до сих пор лежит на нас.

Было принято как нечто неопровержимое, что политика Екатерины II отличалась необыкновенной мудростью, но опять-таки только теперь, в самое последнее время, становится ясно, какой обузой было для нас политическое наследие, оставленное нам этой императрицей.

Достаточно упомянуть о вражде к нам Франции и уничтожении самостоятельности Польши и ее разделе.

Слишком поспешные завоевательные действия Потемкина в Турции были, конечно, очень славны и покрыли несомненным блеском русское оружие, но в дипломатическом отношении они оказались совершенно неподготовленными и послужили к раздражению естественной, как оказалось впоследствии,

нашей союзницы Франции, на долгое время ставшей враждебной нам помехой в наших отношениях с Оттоманской империей. При Екатерине мы старались ладить с Австрией, заботились о целостности этой случайно собранной из несродных друг другу частей империи и враждовали с Францией, которая помнила эту вражду до самых наших дней. Воюя с турками, мы пренебрегали французскими интересами и тщательно охраняли австрийские. Уничтожением самостоятельности Польши и разделом ее мы также способствовали лишь расширению и увеличению могущества Пруссии и Австрии, являющимися на деле нашими исконными врагами.

Где же здесь политический гений, и не вправе ли мы наконец сказать, что всей неурядицей наших международных отношений, вплоть до императора Александра III, повернувшего эти отношения на истинный национальный путь, мы обязаны ошибками екатерининского царствования?

К чему приводят сейчас нас переживаемые великие исторические события? Волей-неволей убеждают они, что нам необхо-

димом теснейшее единение твердого союза с Францией и создание вновь так называемого «государства-буфера» из отданной на кормление немцев Польши. Ныне приходится нам в союзе с Францией восстанавливать разделенную Екатериной Польшу, причем к этому мы пришли столетним опытом и жестокою войною с теми самыми немцами, которых мы в течение этих ста лет лелеяли и оберегали.

Император Павел Первый царствовал всего четыре года, но он как бы пророчески предвидел, что рано или поздно, хотя бы через сто лет, необходимо будет прийти к совершенно обратному тому, что делала его родительница. И он, несмотря на все свое отвращение к идеям французской революции, вступил в союзные отношения с первым консулом Французской республики Бонапартом и первый громко заявил о том, что раздел Польши был ошибкой, которую он не может поправить лишь потому, что это зависит не от него одного, а и от короля прусского и императора австрийского, а они никогда не согласятся на то, чтобы Силезия и Саксония отошли от Пруссии, а Краков — от Австрии.

Преждевременная смерть прервала дни Павла I, и «блестящее» наследие Екатерины Великой с его непомерным долгом и неестественно несоответствующими выгодам России международными отношениями дошло до нас почти во всей своей прелести, и мы, беспомощно разводя руками перед громадностью нашего государственного долга и враждуя с революционной Францией, продолжали прославлять блестящее правление Екатерины, желая подобострастно подражать ее будто бы «политическому гению».

Нужно было, чтобы настоящий русский гений императора Александра III, порвав с немецкими традициями, заключил союз с Францией и чтобы дикий разгул немецкой разнузданности открыл нам наконец глаза на необходимость самостоятельной Польши.

Император Павел I сто лет тому назад понимал и то, и другое, а ему в исторической науке не хотели отвести то место, которое ему подобает, и даже люди, симпатично относившиеся к нему, рисковали лишь «оправдывать» его, стараясь выставить тягости, перенесенные им нравственно в детстве и юно-

сти. Теперь сами события, в их историческом развитии, оправдывают Павла I, и нет сомнения, что явится настоящий историк, который поймет, что в Павле Петровиче Россия потеряла великого императора.

Насколько Екатерина Вторая была счастлива в людях, ее окружавших, настолько Павел Первый был неудачлив в выборе своих сподвижников.

Соображение, что Екатерина Вторая умела выбирать людей, а Павел Петрович — нет, в корне опровергается выбором Екатериною бездарного Зубова, которому она поручила в конце своего царствования ведение всей иностранной политики. В сущности, Екатерина никого не выбирала, а, наоборот, ее выбирали энергичные и талантливые люди, возведшие ее на престол и затем помогшие ей утвердиться.

Нужно ясно представить себе ту распущенность и тот хаос в государственном управлении, которые существовали при Екатерине, чтобы понять, какой труд должен был нести Павел Петрович и какую ломку пришлось проделать ему для того, чтобы ввести государ-

ственный строй в определенное русло.

Чиновники при Екатерине не ходили на службу вовсе, военные одевались в модные кафтаны и с собольими муфточками разъезжали в каретах цугом; беспорядок в финансах дошел до того, что Потешный дворец в Москве содержался на доходы с почтового двора. Начало царствования Павла ознаменовано целым рядом указов именно хозяйственного характера.

Само собою разумеется, что нововведения Павла I порождали недовольство, и чиновники, обязанные являться на службу к шести часам утра, и офицеры, принужденные бросить свои муфточки и перестать кататься в экипажах, были возмущены и роптали.

Этот ропот питался сплетнями, и они распространялись по Петербургу, а оттуда разносились по всей России. На Павла Петровича лгали с остервенением, с нескрываемым злорадством, и эта ложь заносилась в записки досужих людей и до сих пор принимается многими за якобы подлинное свидетельство.

Между тем порядок внутреннего управления, установленный Павлом Петровичем,

явился настолько прочным и настолько соответствовал нашему духу, что, при всех своих недостатках, происшедших от поспешности, с которой был введен, устоял неизменно в главных своих чертах до наших дней и позволил России развиться и укрепиться, остаться великодержавным государством.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

В доме Сергея Александровича Проворова случился сильный переполох.

Плотно и с большим аппетитом поужинав, встал он из-за стола веселый и радостный, поцеловал свою молодую жену и прошел к себе в кабинет, а через некоторое время она, войдя к нему, застала его лежащим в бессознательном состоянии на диване. Что случилось с ним, нельзя было понять. Лежал он не двигаясь, с закрытыми глазами.

Послали за доктором. Пришел какой-то врач, старый немец, живший случайно поблизости, и, определив удар, сказал, что необходимо как можно скорее пустить кровь.

В эту минуту вернулся домой брат молодой Проворовой.

— Клавдий! — встретила та его. — У нас несчастье — у Сергея удар!..

— Что за глупости! — спокойно возразил Клавдий. — Не такие его годы, чтобы с ним могло случиться нечто подобное!

— Однако доктор говорит...

— Какой доктор?

— Не знаю. Я послала за первым попавшимся... тут живет какой-то немец поблизости. Он говорит, надо пустить немедленно кровь.

В это время в кабинет, где лежал Проворов, слуга пронес таз, воду и полотенце.

— Ничего этого не надобно! — воскликнул Клавдий и быстрыми шагами прошел в кабинет.

Там доктор засучивал рукава, торопясь приступить к операции.

Клавдий осмотрел зятя, попробовал у него пульс и твердо заявил доктору:

— Оставьте меня одного с ним!

Немец, по-видимому не ожидавший такого решения, удивленно и вместе с тем презрительно посмотрел поверх очков и также не без твердости ответил:

— Если я был призван к больному, я не имею права оставить его без помощи медицины! Больному надо пустить кровь...

— А я вам говорю, что здесь ваши услуги не нужны, по крайней мере сегодня, — продолжал настаивать Клавдий. — Получите за

визит и оставьте нас в покое!

Клавдий сдвинул брови, взглянул на доктора и сделал рукой знак. Последний произвел на немца немедленное действие: доктор опустил глаза, взялся за лоб правой рукой и, больше не рассуждая, молча поклонился и вышел из комнаты.

— Унеси все это прочь! — приказал Клавдий слуге, указав на таз и полотенце. Тот немедленно исполнил приказание, и когда Клавдий остался один с сестрой возле лежащего без движения ее мужа, то, как бы думая вслух, тихо произнес:

— Однако господа масоны слишком уж скоро занялись нами! Не ожидал я, что они так поспешат.

— Ты думаешь? Разве это масоны? — с растановкой спросила его сестра.

— Несомненно. И этот немец-доктор — тоже масон, и, не сделай я ему повелительного масонского знака, он, пожалуй, мог бы натворить бед.

— Клавдий... ради Бога... случилось что-нибудь серьезное?

— Слава Богу, ничего. Смотри, видишь,

твой Сергей переходит уже в состояние нормального сна.

И действительно, щеки Проворова порозовели, дыхание стало определенным и ровным, и на диване теперь лежал просто спокойно спавший человек.

Клавдий вздохнул, как вздыхает человек, только что преодолевший большое внутреннее усилие, и сказал, понизив голос до полного шепота:

— Теперь надо оставить его в покое, пусть хорошенько выспится. Надо, чтобы все было тихо вокруг него, чтобы случайный шум не нарушил резко его сна.

— Что же это с ним было? — тоже шепотом спросила его сестра. — Ты говоришь, масоны?

— Потом, потом, — остановил ее Клавдий. — Когда Сергей проснется, я все объясню. Будь совершенно спокойна: ничего серьезного нет, а пока пойди и распорядись, чтобы прислуга в доме ходила на цыпочках и чтобы дети не нашумели, лучше всего сама займи их, а я останусь возле Сергея, когда будет нужно, я позову тебя.

Проворова, видимо, верила брату и по-

слушно последовала его совету.

Когда она ушла, Клавдий запер дверь кабинета и, оставшись один с Проворовым, встал у его изголовья, а затем, протянув над ним руки, стал делать магнетические пассы.

Это потребовало от него нового усилия, и он с настойчивостью продолжал свое дело, как бы борясь с какой-то силой, шедшей извне, издали. Изредка губы его шевелились, и он произносил какие-то непонятные слова. Наконец он выпрямился и, соединив указательные пальцы обеих вытянутых вперед рук вместе, громко сказал, точно приказывая кому-то невидимому: «Я так хочу!» Через минуту он опять глубоко вздохнул, опустил почти в изнеможении в кресло, стоявшее рядом с диваном, где лежал Проворов, и лоб его покрылся крупными каплями пота.

II

Клавдий Чигиринский, шурин и приятель Проворова, только что сделал с его семьей длинное и долгое путешествие из Крыма в Петербург.

Они ехали всем домом на долгих, то есть на своих лошадях, оставив в Крыму новое,

только что налаженное хозяйство. Проворов усердно занялся им как один из первых ревнителей русского дела в новой провинции Русского государства и, если бы не важное дело, ни за что не оставил бы своего имения и не потащился бы на север.

Его жена, Елена, посвященная во все его дела, не захотела отпустить его с братом одного и настояла на том, чтобы ехать вместе. Но раз ехала Елена, надо было взять с собой и детей, которых у Проворова было двое, и дети-то, главным образом, и послужили задержкой в пути. Сначала пришлось остановиться в Харькове, а затем дети заболели в Москве, так что Проворовы должны были там нанять квартиру и прожить довольно долго. Наконец они снова двинулись в дорогу и доехали до Петербурга уже по санному пути в трех купленных в Москве возках. Был уже январь 1797 года на исходе.

Остановились Проворовы в доме, доставшемся Елене по наследству от ее тетки, фрейлины Малоземовой. Этот дом был хотя не особенно пышен, но довольно приличен, поместителен, удобен и уютен.

Чигиринский занял три отдельные комнаты в нижнем этаже.

Обморок с Сергеем Александровичем случился дней через семь после того, как они приехали в Петербург.

Масоны, которых Чигиринский обвинил в происшедшем с Проворовым, тогда снова подняли голову в России с воцарением императора Павла Петровича, относившегося к ним весьма благосклонно еще в бытность свою цесаревичем. Те из них, которые были сосланы Екатериной II, получили прощение, а те из приближенных к новому императору, которые принадлежали к братству вольных каменщиков, считались в большой силе.

Мистический ум Павла Петровича и давнишние его сношения с оккультными обществами были всем хорошо известны, и теперь общее мнение было таково, что с восшествием на престол императора Павла вступила в полную силу власть масонов.

И действительно, эта власть казалась настолько полной, что надо было быть очень сильным человеком, чтобы решиться противоборствовать ей.

Однако Чигиринский с Проворовым были противниками масонов, имея твердые основания считать их вредными для государства вообще и для России в особенности.

Они принадлежали к числу тех необъявленных скрытых врагов масонства, которых (они знали это) много среди православных на Руси и которые, не составляя не только секты, но даже общества или кружка, действуют каждый в отдельности, не зная и часто не подозревая друг о друге, но тем не менее действуют упорно и настойчиво и в полном единомыслии.

Кроме того, у Проворова с Чигиринским была в руках возможность нанести масонам серьезный вещественный удар, и ради этой-то цели они явились в Петербург с воцарением Павла I, предприняв свое далекое путешествие.

В данном случае главным действующим лицом был Чигиринский, обладавший необыкновенной силой внушения, то есть силой так называемого теперь гипнотизма. Эта сила дала ему в прошлом возможность войти в масонские круги и в качестве масона проти-

водействовать всему, чему не сочувствовал он в деятельности масонов.

Он знал по опыту, что вольные каменщики, делящиеся на множество степеней, бывают в известных степенях и добродетельны, вроде, например, известного в то время в

России Новикова, но эти добродетельные люди так и остаются в масонской иерархии на своей степени и дальнейшего посвящения не получают, воображая, что достигли пределов знаний своего общества.

Чигиринский давно проник в руководящие масонские круги, знал, что они такое, а также и то, насколько ими обмануты порядочные люди, попавшие в их среду.

Проворов, не обладавший никакой особенной силой, бывший просто честным, порядочным, чисто русского склада человеком, являлся единственным его помощником вместе со своей женой, которую даже в мыслях не мог отделить от себя.

И вот они втроем явились теперь в Петербург для борьбы с будто бы всемогущими масонами и, по-видимому, в первые же дни своего пребывания здесь подверглись нападе-

нию тайной силы, руководимой вольными каменщиками.

Когда после минут сорока спокойного и крепкого сна Проворов очнулся, не отходивший от него Чигиринский позвал сестру и стал объяснять им, как он понимает случившееся.

— Вот видите ли, — заговорил он спокойно, не торопясь, с полным сознанием правдивости того, что сообщает, — вам, конечно, известно, что естество человека в его целом состоит из трех частей или так называемых элементов: духа, нашего материального видимого тела, и тела просвещенного, или астрального, не материального, но все-таки тела, соединенного с материей особым аппаратом, называемым в официальной медицине селезенкой. В официальной медицине существует мнение, что селезенка в человеческом теле — совершенно излишний орган, действующий лишь тогда, когда человек голоден. Совершенно верно, что, когда человек голоден, материальное тело ощущает известный ущерб, а астральное начинает проявляться к деятельности, и деятельность эта обнаруживает-

ся прежде всего, конечно, на звене-селезенке, соединяющем астральное и материальное тела. Если человека оставит его друг, то есть высшее руководящее начало в нем, то он делается душевнобольным или сумасшедшим, и два его тела — материальное и астральное, — не разъединенные, но уже не управляемые и не направляемые, будут жить, то есть проявлять внешние человеческие отправления, но человека уже существовать не будет. Когда же с материальным телом разъединяется не только дух, но и астральное тело, то наступает смерть, иначе говоря, то, что мы называем этим словом. Материальное тело остается безжизненным, лишается поддержки, и мы видим, насколько оно непрочное, так как часто в течение трех дней начинает разлагаться, обращаясь, по слову Писания, в ту землю, из которой создано.

III

Чигиринский говорил, а Проворовы слушали его внимательно, сидя в обставленном новой мебелью кабинете. Этот кабинет был единственной комнатой, которую отделали для себя новые хозяева, оставив все осталь-

ные в прежнем виде, как были они при фрейлине Малоземовой. Большая карельская лампа под абажуром разливала мягкий свет, пол был покрыт ковром, двери и окна завешены тяжелыми гардинами.

— Мир внешний, физический, — продолжал Чигиринский, — имеет дело с телом материальным, которое надо поддерживать посредством питания предметами вещественного мира; если не давать этого питания, человек будет ощущать голод или жажду; кроме того, можно каким-нибудь внешним ударом причинить боль этому телу и нанести такую рану, что будет нарушена связь его с духом и наступит смерть. Все эти эффекты видимы для нас и определенно ощутимы. Но дело в том, что можно также особыми способами воздействовать и на астральное тело. Оно может также получать удары и должно также пользоваться своего рода питанием. Поэтому и астральному телу можно нанести смертельный удар, лишив его питания или дав ему отраву. Кроме того, можно подчинить это астральное тело воле другого человека, и тогда последний будет всецело властвовать над

тем, чье астральное тело у него в подчинении. Усыпив материальное тело, можно разговаривать с астралом и требовать от него тех или других действий. Можно на известное время отделить искусственным путем внушения астрал от материального тела, тогда материальное тело человека будет лежать как бы в глубоком обмороке, похожем на полную смерть, а его астрал в это время на довольно далеком расстоянии может даже материализоваться, то есть принять хотя и не осязаемые, но все-таки видимые очертания. Так вот, с Сергеем сейчас проделали такую штуку: он впал в обморок, а его астральное тело в это время было отвлечено в другое место.

— Куда же? — воскликнули с оттенком испуга в один голос Елена и Проворов.

— В заседание великой ложи Астреи. Хорошо, что я с первого же дня нашего приезда следил за господами масонами и знал, что сегодня вечером назначено заседание верховной для России ложи Астреи. Когда я увидел Сергея в обмороке и хлопчущего возле него доктора, ответившего на сделанный ему

мною масонский знак, мне сразу стало все ясно: я знал, где собирается ложа, и направил в ту сторону свою волю, которая оказалась сильнее масонской цепи, попытавшейся распорядиться астралом Сергея. Я вернул его и сделал над ним пассы, которые необходимы, чтобы предупредить и на будущее время подобное масонское предприятие. Теперь с этой стороны Сергей совершенно обеспечен.

— Но ведь это же ужасно! — воскликнула Елена. — Ведь масоны могут придумать что-нибудь новое!

— Единственно опасное из всего, что есть у них в распоряжении, — возразил Чигиринский, — только и было вот это так называемое насильственное раздвоение астрала с материальным телом. И в этом мы оказались сильнее их. Признаюсь, я сам не ожидал, что обладаю таким током. Как бы то ни было, теперь с этой стороны мы в полной безопасности, и нам только остается благодарить судьбу и масонов за то, что они уже заняты нами и слабее нас. Значит, нам надо, в свою очередь, исполнить свой долг, а затем, не задерживаясь долее в Петербурге, отправиться на-

зад, подалее от масонов и их лож.

— Так что, ты думаешь немедленно же начать действовать? — спросил Проворов.

— Именно немедленно, — подтвердил Чигиринский, — то есть с сегодняшнего же вечера.

— Даже с сегодняшнего вечера?!

— Да, сию минуту, не выходя из этой комнаты. Чигиринский улыбнулся, протянул руку по направлению к двери и повелительно произнес:

— Спи!

Вслед за этим за дверью послышалось падение тела.

— Ну да, я так и думал! — усмехнулся Чигиринский. — Это Нимфодора подслушивала нас, и мы начнем с того, что узнаем, делала ли она это просто по своей давней привычке, из любопытства, или же это ей поручено и она шпионит за нами.

Нимфодора была одной из двух старых приживалок покойной фрейлины Малоземовой, оставшейся в наследство Проворовым вместе с домом и проживавшей теперь там.

— Встань, отвори дверь и входи к нам! —

приказал Чигиринский, опять протягивая руку.

Через минуту дверь отворилась, и Нимфодора с открытыми, но неподвижными, как у лунатика, глазами появилась, послушно повинуясь, видимо, не своей, а чужой воле.

— Мое вам почтение! — насмешливо произнес Чигиринский, но Нимфодора остановилась, продолжая без выражения глядеть перед собой.

— Скажи, тебя кто-нибудь подговорил следить за нами и подслушивать?

— Да, — произнесла как-то беззвучно Нимфодора.

— Тебе за это платят?

— Нет.

— Значит, только еще обещали заплатить? Да? Сколько?

— Триста рублей.

— Ого! — воскликнул Чигиринский. — Значит, ради нас не скупятся на расходы!

— Он сказал мне, что и еще даст, если только я буду аккуратно приносить ему сведения.

— Кто же это «он»?

— Доктор Пфаффе.

— Это тот немец, который приходил лечить Сергея Александровича?

— Да.

— Он живет поблизости? Ты его давно знаешь?

— Да, он лечил покойную фрейлину, нашу благодетельницу.

— Отлично! Когда ты должна прийти с отчетом к доктору Пфаффе? Сегодня же вечером?

— Нет, сегодня вечером его не будет дома. Завтра утром.

— Хорошо. Теперь ты забудешь навсегда все, что узнала, подслушивая тут у дверей, а завтра утром отправишься к доктору Пфаффе, как он сказал тебе, и заявишь ему, что Сергей Александрович после его ухода очнулся очень не скоро и весь вечер и ночь чувствовал себя нездоровым, а я оставался при нем до двенадцатого часа, и ты видела, как в двенадцатом часу я оделся в шубу и, никому не говоря, ушел из дома. А теперь вернись к себе в комнату, ляг в постель и спи до завтрашнего утра! Ступай!

Нимфодора повернулась и пошла, точно была неживым человеком.

— Ну, а теперь мне пора! — сказал, вставая, Чигиринский.

— Куда же ты? — удивился Проворов. — Ведь теперь еще девятый час, а ты сказал ей, что выйдешь в двенадцатом?

— Сегодня у масонов после заседания ложи Астреи, в двенадцать часов, назначено совещание главарей, и до этих пор мне надо успеть сделать так, чтобы масоны и не подозревали этого.

— А потом?

— А потом я отправлюсь на собрание главарей. Дай мне шкатулку с документами! Я хочу сегодня же закончить наше дело здесь в Петербурге с тем, чтобы можно было ехать хоть завтра.

— Что же ты хочешь делать?

— Это мое дело!

— Ты хочешь действовать один? Может быть, я могу помочь?

— Нет, пока не нужно. Вот если я сегодня не вернусь, тогда дай знать, куда я отправился. Подробный адрес и список главнейших

масонов и другие данные, чтобы меня разыскать, вот в этом пакете. В случае надобности распечатай и прочти! — И Чигиринский вынул из кармана пакет и передал его Проворову.

Сергей Александрович видел, что у его шурина уже составлен определенный план действий и спрашивать его совершенно напрасно, потому что он все равно ничего не расскажет. Поэтому он отворил сделанный в стене над диваном потайной шкафчик и вынул оттуда тяжелую несгораемую шкатулку, отпер ее секретным ключом и достал перевязанные черной лентой с треугольной масонской печатью документы.

Чигиринский взял их и бережно спрятал не только под камзол, на груди, а и под панцирь, который носил под камзолом.

— Ну, помогай тебе Бог! — сказал ему Проворов прощаясь, а Елена крепко поцеловала брата и молча перекрестила его.

IV

Чигиринский спустился к себе в комнаты, достал свою старую форму Конногвардейского полка, в котором служил, и быстро пере-

оделся. Мундир показался ему только немного узким, но от этого он только плотнее облегал его фигуру. Плотно закутавшись в плащ, Клавдий вышел на улицу и быстрыми шагами направился к Зимнему дворцу, до которого было недалеко, так как дом Малоземовой был поблизости, на Миллионной.

На углу у дворца стоял часовой, и Чигиринский сразу решил, что, по-видимому, ему везет; часовой был конногвардеец, значит, караулы в Зимнем дворце нынче держал Конный полк, а это было настолько на руку Чигиринскому, что лучше этого он и сам бы придумать не мог.

Он подошел к солдату. Тот вытянулся, отдавая честь саблей.

Чигиринский оглянулся. Кругом никого не было; покрытая снегом широкая площадь перед дворцом тоже была пуста и тонула в полумраке, освещенная одними только звездами.

Чигиринский, желая испытать свою силу не вслух, а мысленно, приказал часовому спать, только устремив на него пристальный взгляд, и сейчас же увидел, что лицо часового

приняло определенное выражение лунатика.

— Стой смирно! — шепотом приказал ему Клавдий. Если бы кто-нибудь увидел их так, то подумал бы, что просто офицер разговаривает с солдатом, и только, но даже этого некому было подумать.

— Какой пропуск? — опять, не повышая голоса, прошептал Чигиринский.

Губы часового шевельнулись, и он ясно и послушно произнес:

— Благодать.

— Как зовут офицера, который сегодня в карауле?

— Князь Манвелов, ротмистр...

Чигиринский знал Манвелова, который был при нем еще фендриком.

— Когда я отойду от тебя, — приказал он часовому, — ты проснешься и будешь стоять на часах как ни в чем не бывало.

Вслед за тем, дунув солдату в лицо, он пошел по направлению главных ворот дворца, сказал пропуск и беспрепятственно прошел во внутренний двор.

В свое время Чигиринскому приходилось не раз дежурить в карауле во дворце, и все

входы и выходы здесь он знал превосходно.

У маленького подъезда стоял опять часовой, что было, очевидно, нововведением Павла I, потому что при Екатерине охрана казалась вовсе не такой строгой. Однако сказанный Чигиринским пропуск дал ему возможность пройти и мимо этого часового, и, войдя во дворец, он без ошибки направился по коридору самым коротким путем к караульному помещению.

Прежде, бывало, эти коридоры были полны народа, по ним сновала придворная челядь, а наряду с ней и придворные кавалеры и дамы, жившие в самом дворце. Теперь их выселили.

Шаги Чигиринского гулко раздавались по каменным плитам пустого коридора; он шел открыто, не стесняясь, потому что было весьма естественно, что в караульное помещение направлялся офицер полка, несшего в этот день караул.

Чигиринский знал, что дежурная комната примыкает к этому коридору и вход в нее через этот коридор. Подойдя к двери, он остановился и прислушался.

В караульной комнате царило молчание, значит, Манвелов был там один. Чигиринский из-за двери приказал ему спать, и так был уверен, что приказание его будет исполнено, что отворил дверь и вошел. Действительно, Манвелов спал, сидя у стола, по-видимому в той самой случайной позе, в какой застало его приказание.

Караульное помещение было все то же самое, как и несколько лет тому назад, когда приходилось здесь дежурить Чигиринскому. Та же висячая лампа с потолка, тот же стол ясеневого дерева, и пыльный шкаф, и изразцовая печка с фигурным карнизом.

Чигиринский запер за собой дверь на ключ и, оставшись один в комнате со спавшим Манвеловым, не стесняясь, придвинул к печке стул, достал из-под панциря на груди пачку документов и кинул их за фигурный карниз на печку.

Убедившись, что пакет брошен удачно и что снизу его не видно, он поставил стул на место, спокойно отпер дверь, вышел в коридор и, плотно закутавшись в плащ, смело пошел обратно к выходу. У самого выхода он

приказал издали Манвелову проснуться и, миновав часового, отдавшего ему честь, через внутренний двор направился в главные ворота.

Очутившись снова на площади, Чигиринский вздохнул не без облегчения. Главная и, может быть, самая опасная часть задачи была им выполнена вполне благополучно, без всякой помехи. Судьба как будто благоприятствовала ему.

На площади он повернул по направлению к Невскому, бодро шагая по снегу. На Невском было болеелюдно. Тут были свободные извозчики. Чигиринский подозвал одного из них, сел и велел ему ехать на Канатную улицу.

V

На Канатной улице стоял дом Мятлева, в котором жил теперь князь Платон Зубов.

Отношение императора Павла Петровича после восшествия его на престол к князю Платону Зубову оказалось поистине рыцарским. Из Зимнего дворца бывшему фавориту, конечно, пришлось переехать, но для него был куплен дом Мятлева на Канатной улице, причем и за этот дом было заплачено 100 тысяч

рублей из кабинета его величества.

Когда князь переехал в новое свое помещение, император Павел посетил его в сопровождении императрицы, причем произнес достопамятные слова: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Когда подали шампанское, государь сказал: «Сколько здесь капель, столько желаю тебе всего доброго! — Затем, обращаясь к императрице, добавил: — Выпей все до капли!» — и, выпивши сам, разбил бокал. Платон Александрович кинулся императору в ноги, но был поднят с повторением слов: «Я тебе сказал: кто старое помянет, тому глаз вон». Потом подали самовар. Государь сказал супруге: «Разлей чай, ведь у него нет хозяйки».

Однако долго князю Зубову не пришлось пользоваться милостями Павла Петровича. После него оказались такие упущения и такой беспорядок в денежных делах по тем отраслям, которыми он заведовал, что было назначено следствие, и князь Зубов уволился в отставку. Теперь он жил в своем новом доме, никуда не показываясь, отягченный постоянными объяснениями, которые вынужден был

давать по всем своим прежним промахам.

Чигиринский в прежнее время бывал у Мятлева и хорошо знал его дом. Он лихо подкатил к подъезду на своем извозчике и, щедро заплатив ему, вошел прямо в вестибюль парадной лестницы.

Здесь сразу уже почувствовалось, что над хозяином тяготеет гнет неблагоприятия. Дом был плохо освещен, на лестнице горела всего одна сальная свечка; ни гайдуков, ни лакеев, обыкновенно теснившихся у входа в хоромы важных господ, не было, и один старый швейцар преспокойно храпел в большом кожаном кресле у колонны.

Чигиринский когда-то был с Зубовым сослуживцем по Конному полку и, конечно, мог велеть доложить о себе с расчетом быть принятым, в особенности теперь, когда князь Платон Зубов, еще сравнительно недавно недостижимый, был в унижении и в очень тяжелом положении. Но при виде сонного швейцара Чигиринскому пришло в голову явиться к Зубову без доклада.

Он снял свой плащ, повесил его на вешалку и поднялся по парадной, устланной ков-

ром лестнице.

Подъезжая, он заметил, что на фасаде дома светились только три окна большого парадного кабинета, знакомого Чигиринскому. Ему, для того чтобы попасть сюда, надо было пройти зал и две покрытые коврами гостиные.

Чигиринский не встретил никого из прислуги и появился в кабинете неслышно, пройдя по коврам. Кабинет был освещен двумя большими канделябрами, стоявшими на большом покрытом сукном столе, а за столом сидел Зубов, предаваясь своему любимому занятию, к которому пристрастился во время своего могущества. Он сидел и пересыпал горстью драгоценные камни, наполнявшие эмалевый сундучок. Камни пересыпались и, играя светом канделябровых свечей, искрились самоцветными огнями. Это было так красиво, что Чигиринский тоже залюбовался.

Князь Платон поднял глаза, вздрогнул и протянул руки над сундучком с камнями, как бы защищая его от нападения.

— Брось, чего ты испугался? — остановил его Чигиринский.

— Батюшки!.. Чигиринский, это ты? — воскликнул Зубов, обрадовавшись не столько старому товарищу, сколько тому, что его появление, очевидно, ничем не грозило и причин для страха никаких не было. — Но как же ты вошел?

— Ну, это все равно, как я вошел. Слушай, Платоша! Я тебя буду называть так, по-старинному. Дела твои, кажется, очень плохи?

Зубов нервно, суетливо захлопнул сундучок, отодвинул его в сторону и, размахивая руками и беспокойно бегая глазами, заговорил быстро-быстро:

— Видишь ли, собственно, все это — навел ты и клевета... Конечно, это мне будет стоить, но все-таки я не беспомощен. В конце концов я отчитаюсь, потому что... вот хоть бы, например...

— Постой! — перебил его Чигиринский. — Мне вовсе не интересно, как ты будешь отчитываться, и дело не в этом. Денежная отчетность, братец, всегда такова, что ею можно любого человека окрутить, как паутиной.

— Ну да!.. Вот и я то же говорю.

— Ну вот... Значит, если начать распуты-

вать, то это все равно что больше залезать в эту паутину. А хочешь ты сразу, одним махом покончить все?

— Разумеется, хочу.

— Так слушай, что я тебе скажу! Государь в эту минуту, по заведенному им обыкновению, пьет чай в маленькой гостиной и находится в отличном расположении духа. Сейчас же, как можно скорее, отправляйся во дворец и вели доложить о себе, сказав, что ты приехал по очень важному делу!

— Мне ехать сейчас к государю?!

— Да, и велеть доложить, что князь Платон Александрович Зубов имеет сообщить важное государственное дело. Государь примет тебя, а ты передашь ему, что в офицерской комнате караульного помещения за карнизом, на печке, лежат важные документы. Когда государь получит эти документы, он вернет тебе за них свое расположение. Тогда ты скажи ему, что болен, что силы у тебя плохи и что ты просишь позволения уехать за границу. Это единственный для тебя выход!

Зубов слушал, все пристальнее вглядываясь в Чигиринского и морща лоб, как бы с

усилием припоминая. Вдруг он вспомнил, побледнел и проговорил с дрожью в голосе:

— Постой... как же это так?.. Ведь ты же Чигиринский, тот самый, который был убит под Измаилом?

Князь Платон живо вспомнил, как пришло известие о взятии Измаила, какие были празднества по этому поводу и как во время этих празднеств при перечислении убитых называли бывшего его сослуживца по Конному полку гусара Воронежского полка ротмистра Чигиринского.

— Пустяки! — усмехнулся Клавдий. — Что ж такое, что я был убит? Это подробность, которая к делу не относится.

— Но как же ты пришел?

— Да вот так и пришел, как приходят с того света. Разве ты никогда не слыхал об этом? А вот ты вместо того, чтобы пучить на меня глаза, исполни немедленно, что я тебе говорил. Я тебе приказываю это...

С этими словами Чигиринский повернулся и вышел из комнаты.

Ни в гостиных, ни в зале, ни на лестнице опять никто его не встретил. В вестибюле он

снял свой плащ и благополучно миновал сонного швейцара, по-прежнему храпевшего в своем кресле.

VI

Непосредственно последовать за Чигиринским Зубов не осмелился, да к тому же он так был ошеломлен внезапностью этого появления и странностью разговора, что ему почудилось, будто Чигиринский не вышел из комнаты, а исчез на его глазах, как должно исчезать привидение.

Прошло некоторое время, пока князь Платон решил дотронуться до сонетки и так сильно дернул ее, что чуть не оборвал. Подождав немного, он задергал нетерпеливо и с раздражением крикнул появившемуся слуге:

— Куда вы все запропалились?

Слуга заверил, что все они были на своих местах и что, едва его сиятельство изволил позвонить, он и прибежал.

— Поди узнай, кто впустил ко мне без доклада ротмистра Чигиринского! — неуверенно приказал Зубов.

Эти розыски ни к чему не привели. Лакеи и швейцар клялись и божились, что они все

время безотлучно находились на своих местах и что никто не проходил мимо них. Они уверяли, что все время бодрствовали и ручаются своей головой, что никто не проходил.

Причиной упорной лжи лакеев была, конечно, неуверенность, с которой Зубов делал свои расспросы.

Все это кончилось тем, что князь твердо уверился в действительном появлении умершего Чигиринского и с суеверным страхом немедленно приступил к выполнению его приказания.

Он заторопил, приказывая как можно скорее подать карету, и оделся с совершенно несвойственной для него поспешностью. Руки его дрожали, он не находил того, что было нужно, и, кое-как снарядившись, вздохнул только в карете, дыша ее холодным воздухом.

«Конечно, это был убитый Чигиринский! — рассуждал он. — И вероятно, документы, которые он велел передать императору, весьма важны, если надо было прийти с того света, чтобы сообщить о них».

И князю казалось, что иначе он не мог поступить, как в точности повинувшись воле вы-

ходца с того света.

«Но только при чем тут я? — недоумевал он. — Почему непременно я избран для сношения загробного мира с императором?»

На этот вопрос он сейчас же со свойственным ему себялюбием ответил успокоительно: конечно, судьба, благоприятствовавшая ему до степени того возвышения, до которого он был уже вознесен, теперь послала ему в затруднительном положении помощь и поддержку, совершенно ясно и определенно научив, что ему надо было делать для того, чтобы сразу выпутаться из всех этих надоедливых счетов и отчетностей. Он успокоился и подкатил к Зимнему дворцу, окрыленный надеждой и мечтами.

Между тем Чигиринский, выйдя от Зубова, опять нашел извозчика и вернулся на нем на Дворцовую площадь. Здесь он стал ходить, выжидая.

Его расчет хотя и казался ему верным, но все-таки мог и не привести к желанному результату. Однако других — лучших — средств у него не было. Необходимость требовала, чтобы документы были доставлены сегодня

же, иначе масонская организация примет свои меры, побороть которые, пожалуй, он не будет в силах.

Явиться лично к императору Павлу для Чигиринского было немыслимо, потому что император не знал его в лицо и, значит, никакой таинственности в этом его появлении нельзя было создать. Другого же, кроме Зубова, или, вернее, более подходящего в данном случае, Чигиринский не знал.

Конечно, целый ряд возможностей мог явиться помехой: прежде всего, решится ли Зубов отправиться так вдруг в Зимний дворец, затем, будет ли он там принят? Впрочем, если только он решится, то все остальное, вероятно, пойдет как по маслу.

Чигиринский знал порывистый и своевольный характер императора Павла и его склонность ко всему необычайному; поэтому он рассчитывал с несомненной уверенностью, что, как только Зубов доложит, что сверхъестественным появлением с того света известился о нахождении важных документов на печке в караульной, государь заинтересуется этим делом и сейчас же сам отпра-

вится в караульное помещение и велит достать себе документы.

Итак, самое худшее, что могло случиться, — это то, что Зубова не приняли бы или что он не решился бы исполнить данное ему поручение.

Для этого-то Чигиринский и сторожил теперь, ходя по площади. Он решил, что если Зубов не приедет во дворец, то ему нетрудно будет опять прежним путем и способом проникнуть в караульное помещение и взять оттуда документы совершенно так же, как он положил их туда.

Однако через некоторое время Чигиринский увидел подкатившую к подъезду дворца богато запряженную шестерней цугом карету с гайдуками на запятках и ливрейным лакеем на козлах. Затем дверца кареты отворилась, из нее вышли, и она захлопнулась. После того карета шагом отъехала от подъезда, сделала полукруг и остановилась несколько поодаль.

Чигиринский выждал время, которого было за глаза достаточно для того, чтобы Зубову выйти назад, если бы он не был принят, затем

приблизился к карете и по нарисованному на дверце огромному гербу убедился, что карета действительно принадлежала Зубову.

Расчет его оказался верен: Зубов не только исполнил послушно его приказание и приехал во дворец, но и был принят там. Чигиринский, успокоившись с этой стороны, мог действовать дальше.

VII

До двенадцати часов ночи, когда назначено было совещание главарей масонства, времени еще оставалось много, и Чигиринский отправился туда пешком. Ему было известно, что главари собираются на Петербургской стороне, в маленьком домике, принадлежавшем статскому советнику Аркадию Федоровичу Поливанову.

Этот Аркадий Федорович Поливанов официально в рядах масонов не занимал никакого положения, и никто не знал, что он играет какую-нибудь роль в главной ложе Петербурга. А на самом деле в его маленьком домике на Петербургской стороне собирались главнейшие масоны, руководившие в России делом братства вольных каменщиков.

Среди них не значилось ни одного вельможи, ни одного высокопоставленного лица, тут не было ни одного мастера и ни одного масона, носившего явно высокие знаки ордена. Все эти высокопоставленные лица, вельможи и разные мастера пользовались орденскими знаками, сидели на почетных местах в заседаниях лож, и перед ними делали вид, что они имеют власть и значение, на самом же деле русским масонством руководили собиравшиеся у Поливанова братья, тайно посвященные в высшие степени. Собирались они туда без всяких знаков и обрядов, просто будто бы у доброго холостяка статского советника сходились его приятели, чтобы провести приятно вечер.

Чигиринский отправился туда пешком через Неву и шел настолько не торопясь, что, когда приблизился наконец к дому Поливанова, там уже все главари были в сборе. Войти ему, пустив опять в ход силу своего внушения, не представляло никаких затруднений, и он внезапно появился в маленьком зале, где происходило заседание. Масоны сидели за столом (их было девять человек), и в первую

минуту внезапность его появления поразила их.

— Это Чигиринский!.. Это Чигиринский!.. — полушепотом воскликнули некоторые из них.

— Да, это Чигиринский! — подтвердил занимавший председательское место. — Это Чигиринский, — повторил он как-то особенно торжественно громко, — тот самый, которого судить собрались мы здесь и которому, как вы видите, внушено, чтобы он явился к нам на суд. — Этого председательствующего Чигиринский не знал и видел впервые. Некоторые же из присутствующих были ему знакомы. Тут сидели сам Аркадий Федорович Поливанов, господин Тротото, век свой не выходявший из камер-юнкерского звания и потому прозванный «вечный камер-юнкер». Было еще несколько знакомых, но председательствующий был неизвестен Чигиринскому.

Слова, которыми тот встретил его, были довольно самоуверенны, и Чигиринскому захотелось сейчас же испытать свою силу над ним. Он тихо мысленно попробовал приказать ему сделать, в сущности, нелепость —

встать и погасить одну из восковых свечей, горевших на столе в канделябре. Председательствующий немедленно встал, дунул на свечку и потушил ее. Он подчинился так легко, что Чигиринский, увидев его слабость, вполне успокоился, а то угроза какого-то неожиданного суда над ним в первую минуту встревожила его.

«Во всяком случае, — подумал он, — вышло довольно удачно, что я попал на их судбище! Теперь посмотрим, это будет даже очень интересно и занятно! »

— Вот так же, как я загасил эту свечку, — снова заговорил председательствующий, — погаснут всякая вражда против братства и всякое злодеяние, направленное против него. Этот неожиданный для нас приход обвиняемого служит совершенным доказательством силы нашего братства. Не вы ли еще вчера сомневались, удастся ли нам вызвать на суд этого человека? И что же мы видим? Он явился к нам для того, чтобы дать ответ во всех своих тяжких проступках. Брат-обвинитель, прочти вины этого человека!..

Эти слова были обращены к Аркадию Фе-

доровичу Поливанову, видимо исполнявшему роль обвинителя. Тот заглянул в лежавшие перед ним бумаги и начал читать бесстрастным ровным голосом:

— «В середине июня 1789 года в Петербурге приехал из-за границы человек, носивший высокое звание в масонской иерархии и именовавшийся доктором Германом. Он был встречен тобою в Петергофе, в доме, принадлежавшем члену нашего братства, и там в подвале ты его убил, скрыл в землю его труп, а одежду его надел на себя и явился к петербургским братьям под видом доктора Германа». Признаешь ли ты в этом себя виновным?

Чигиринский улыбнулся и спокойно ответил:

— Нет!

— Видишь ли, — продолжал обвинитель, — напрасно ты будешь заператься и отнекиваться: следствие велось тщательно и кропотливо в течение многих лет, и все твои деяния установлены самым подробным образом, и в наших руках неопровержимые факты.

— Какой же факт доказывает, что я убил

доктора Германа?

— Труп его был найден в земле, зарытым в подвале.

— Но из этого еще не следует, что он был убит мною. Дело было в том, что этот доктор Герман стал испытывать надо мною силу своего гипноза, но завладеть моим астралом ему не удалось: он не вынес своего напряжения и упал мертвым, а я его не убивал!

— Пусть будет так, — произнес председатель, — хотя доказать свои слова тебе нечем. Убийство доктора Германа не исчерпывает всех твоих злодеяний. Ты воспользовался тем, что доктор из-за границы и никто из нас не знал его в лицо. Переодевшись в его одежду, ты выдал себя за него и обманул братьев самым наглым образом!

— Вольно же братьям было поддаваться моему обману! — усмехнулся Чигиринский.

— Да, но зато теперь мы не поддадимся твоей лжи и не поверим никаким твоим оправданиям.

Чигиринский закинул голову и, прищурившись, посмотрел на председательствующего, после чего ответил медленно, с расста-

НОВКОЙ:

— Я не унижусь настолько, чтобы оправдываться перед вами, а тем более лгать. Неужели вы думаете устранить меня? Если бы я боялся вас, то, конечно, не только не пришел бы к вам сегодня сам, но и не приехал бы вовсе в Петербург! А между тем вы видите, что я стою перед вами, и все вы, девять человек, сейчас силитесь воздействовать на меня, я же говорю вам: напрасно! Доктор Герман был несравненно сильнее вас, но все же умер с натуги. Советую бросить и вам, а то, чего доброго, и с вами что-нибудь случится.

При этих словах некоторые отвернулись, а камер-юнкер Тротото нагнулся так, чтобы канделябр закрыл его.

Чигиринский был доволен произведенным впечатлением и спокойно добавил:

— Так что, вы видите, о внушении мне не может быть и речи. Я по собственному желанию пришел к вам и рад, что застал вас как раз за этим судьбищем, и буду говорить вам и отвечать не потому, что этого желаете вы, а потому, что я так хочу.

Голос его звучал строго и властно.

Присутствующие на заседании с удивлением посмотрели на него.

VIII

— Да, когда передо мной в таинственном подвале масонского дома в Петербурге умер приехавший из-за границы доктор Герман, я зарыл его труп и воспользовался его бумагами и одеждой и разыгрывал его роль, — продолжал Чигиринский, по очереди рассматривая сидевших перед ним масонов и изучая их лица.

— Это сознание мы занесем в протокол, — заявил председатель и, обратившись к Аркадию Федоровичу, добавил: — Продолжайте, брат-обвинитель!

Поливанов опять нагнулся к своим бумагам и снова стал читать, обращаясь к Чигиринскому:

— «Под видом доктора Германа ты принял верховное управление в главной ложе российской Астреи и похитил оттуда документы, привезенные из Франции доктором Германом и удостоверяющие участие масонов во Французской революции».

— Вы дознались до того, что эти докумен-

ты похитил я? Что ж, я и это не буду отрицать! — усмехнулся опять Чигиринский.

— «Документы были похищены тобой, — читал между тем обвинитель, — с целью представить их царствовавшей тогда государыне Екатерине Второй, но ты не успел сделать это, так как внезапно был отправлен вместе со своим товарищем по полку Проворовым в действовавшую против турок армию. Там вы оба очутились под Измаилом, а ты продолжал все ту же игру, то есть, будучи офицером, изредка переодевался в доктора Германа и делал вид, что будто помогаешь братьям масонам найти пропавшие документы. Игра твоя была хитро рассчитана и очень сложно обставлена. У тебя был расчет запутать братство и погубить его. Под Измаилом, после его штурма, ты, как офицер Чигиринский, пропал без вести и тебя сочли умершим, на самом же деле ты продолжал действовать под видом доктора Германа. Документы ты будто бы оставил своему приятелю Проворову, а потом в качестве доктора Германа достал их и отправил с камер-юнкером Тротото за границу».

— Ну, так в чем же дело и в чем же вы меня обвиняете? — переспросил Чигиринский, опять обводя масонов долгим взглядом.

Ответил ему председательствующий:

— Мы долго не могли понять, зачем тебе нужно было разыграть всю эту историю и похитить документы; сделать самому же вид, что ты нашел их, чтобы отправить за границу...

— Ну, и что же, додумались вы до чего-нибудь?

— После тщательного изучения присланных за границу документов оказалось, что они были довольно искусной копией, иными словами, чтобы успокоить братство, ты вернул им подложные документы, а подлинные оставил у себя.

Чигиринский весело рассмеялся.

— Однако вы долго решали эту задачу, но решили ее совершенно правильно. Ну, конечно, подлинные документы сохранил я у себя, и вам их никогда не получить обратно.

— Мы их получим! — настойчиво произнес председательствующий.

На это Чигиринский ответил одним толь-

КО СЛОВОМ:

— Попробуйте!

— Ты не должен забывать, — проговорил председательствующий, — что теперь, здесь, ты в нашей власти и что мы можем силой заставить тебя отдать документы. Они слишком важны, чтобы мы остановились перед чем-нибудь!

— Ах, как вы наивны! — покачал головой Чигиринский. — Неужели вы думаете, что, идя сегодня к вам, я так-таки и принес документы с собой?

— Этого мы не думаем, но мы можем заставить тебя сказать, где они находятся.

— Заставить?.. Употребить силу?.. Как это все низменно, грубо и ничтожно! Повторяю вам, если бы я вас боялся, то не пришел бы к вам! Значит, испугать вас меня нельзя. Да оно и не нужно: без всяких угроз с вашей стороны я вам откровенно скажу, где теперь документы, о которых вы хлопчете.

Глаза масонов впились в него, и все сидевшие за столом затаили дыхание, вытянув вперед шеи.

— В эту минуту документы находятся в ру-

ках императора Павла Петровича.

Эти внушительно произнесенные слова имели действие нечаянно разорвавшейся гранаты. Масоны отшатнулись и с беспокойством стали переглядываться.

Из всех один председательствующий сохранил хладнокровие. Он успокоительно помахал собранию рукой и сказал Чигиринскому:

— Возле императора Павла, весьма благосклонно относящегося к нашему братству, есть много наших братьев, и они следят за ним неустанно. Будь документы в его руках, мы бы это знали...

— Завтра вы узнаете это! — произнес Чигиринский.

IX

— Завтрашний день еще не пришел, — возразил председательствующий, — и о том, что мы узнаем завтра, теперь нам неизвестно. Но если документы действительно переданы императору, то это лишь отягчает твою вину, и за одно желание предать братство, если даже оно останется невыполненным, ты подлежишь" самому строгому наказанию.

— Не хотите ли вы этим сказать, что лишите меня жизни? — усмехнулся Чигиринский, не выказав ни малейшей робости.

— Ты должен сам знать статут нашего ордена: за измену полагается смертная казнь. Брат-палач найдет тебя, если даже ты сумеешь увернуться сегодня от нас, и исполнит свой долг.

— И вы думаете, ему удастся это?

— Мы в этом уверены.

— Но вы забыли одно очень важное обстоятельство, а именно, что я уже лишен жизни и принял человеческий облик лишь для того, чтобы иметь удовольствие беседовать с вами.

Большинство масонов почувствовало себя очень неловко, а камер-юнкер Тротото нагнулся так низко, что совсем ушел под стол.

— Пустые сказки! — опять махнул рукой председательствующий. — Мы отлично знаем, что твоя смерть под Измаилом была фиктивная и что ты потом продолжал действовать под именем доктора Германа, выдавая себя за Клавдия Чигиринского, будто бы двойника и как две капли воды похожего на умершего Ивана Чигиринского. Все это могло об-

мануть разве очень наивных людей, но не нас! Мы знаем, что теперь ты живешь в доме Проворова под именем Клавдия Чигиринского.

Чигиринский задумался. Все это было совершенно верно, и масоны были осведомлены очень подробно.

Минута наступала более или менее решительная. Но у Чигиринского уже был составлен план действий. Свою силу над председательствующим он уже знал и, внимательно изучив остальных во время этого якобы суда над ним, убедился в достаточной их слабости, чтобы они поддались массовому внушению. Он внезапно шагнул вперед, вытянул руки, сделал два сильных пасса и, собрав всю свою силу воли, приказал им впасть в полный сон. Он даже не ожидал такого быстрого результата: все девять масонов, как один человек, остались неподвижны, почти не изменив своего положения.

Тогда Чигиринский не спеша подошел к столу, взял лежавшие перед братом-обвинителем бумаги, по которым тот читал свое обвинение Чигиринскому, а затем внушитель-

ным голосом произнес отдельно, как бы роняя слог за слогом:

— Вы проснетесь завтра утром и, когда проснетесь, забудете все, что узнали про меня через свое расследование; вы будете уверены, что подлинные документы хранятся у вас за границей в тайниках, и что сегодня вы видели перед собой призрак умершего Ивана Чигиринского, и что брат его, близнец Клавдий, очень похожий на него, живет в доме Проворова.

Проговорив это, Чигиринский пожелал проверить степень подчинения этих господ своей воле.

Председателю он приказал влезть на стол, упереться руками в бока и сесть на корточки; сидевшему рядом с ним почтенному масону он велел высунуть язык и взять председательствующего за нос. Они немедленно выполнили это. Камер-юнкера Тротото он поставил на четвереньки под стол, а самого обвинителя Аркадия Федоровича Поливанова заставил сесть верхом на стол и показывать нос всей честной компании. Так он расставил всех девятерых масонов, а одному из них, по-

следнему, велел помочить палец в чернильнице и написать на белой стене комнаты большими буквами: «Дурачки».

Устроив все таким образом, Чигиринский удалился и, закутавшись в свой плащ, зашагал обратно через Неву домой.

Хотя сегодня все кончилось благополучно, но относительно будущего ему все-таки пришлось крепко задуматься. Оказалось, что осведомленность масонов была все-таки довольно подробна, и в те несколько лет, в течение которых он скрылся с их горизонта, они сумели произвести о нем тщательное расследование и не только разузнать более того, что было желательно Чигиринскому, но и вообще докопаться до всей, что называется, подноготной.

Конечно, эти девять человек, которых он оставил в доме статского советника Поливанова, будут послушно исполнять его волю, стоять на том, что он внушил им, но ведь могли быть еще другие члены братства вольных каменщиков, которым стало известно все это расследование. Таким образом, дело осложнилось, и было о чем подумать Чигиринскому.

Поглощенный этими мыслями, он вернулся домой.

Там, несмотря на поздний час, его ждали. Парадная лестница была освещена, и несколько слуг встретили его на ней.

— Что такое? Отчего вы не спите? — спросил Чигиринский, недовольный, что слуги видели его одетым в мундир конногвардейского офицера.

Ему ответили, что Сергей Александрович приказал ждать его и сам с барыней тоже не ложился спать и ждет наверху, в столовой.

— Случилось что-нибудь? — уже с беспокойством опять спросил Чигиринский, помня происшедший сегодня с Проворовым случай.

— Нет-с, слава Богу, ничего не случилось! — ответил лакей. — Велели подать ужин и сидят за столом, разговаривают.

Успокоенный Чигиринский быстро пошел вверх по лестнице вместо того, чтобы идти к себе.

Х

— Наконец-то ты пришел! — радостно встретил шурина Проворов. — А уж мы беспокоились...

— Что ж, и не ложились спать? — спросил Чигиринский, садясь к столу.

— Да где же тут спать? Если бы ты еще промедлил полчаса, я поднял бы тревогу. Ну, что же, по крайней мере, все сделал, все обстоит благополучно?

— Постойте! — возразил Чигиринский. — Дайте мне сначала поесть чего-нибудь. Я сделал два больших конца пешком и, надо правду сказать, проголодался.

На столе стоял холодный ужин. Чигиринский взял кусок сочной жирной ветчины, налил красного вина в стакан и принялся с удовольствием есть. Потом, утолив голод, он стал подробно рассказывать свои сегодняшние похождения и сообщил все подробно до самого последнего, то есть как он расставил масонов после их заседания.

Елена не могла не рассмеяться, представив себе фигуры этих господ в их несуразных позах.

— Воображаю себе, как проснутся они завтра и какие сделают лица, увидев друг друга в таком смешном положении! — сказала она. — Но, во всяком случае, я очень рада, что ты сде-

лал все, что было нужно, и что мы можем уехать из этого скверного Петербурга опять назад в Крым, в наше имение, где так спокойно и хорошо.

— Вы поезжайте, — ответил Чигиринский, — а мне, к сожалению, надо еще остаться здесь!

— Остаться? — удивились в один голос Елена и Проворов. — Зачем тебе оставаться?

— Для этого есть много причин, — как-то уклончиво ответил Чигиринский, очень усердно принимаясь чистить румяное яблоко.

— Я одного не понимаю, — проговорил Сергей Александрович, подливая еще вина в стакан шурина. — Зачем ты, умея так отлично переодеваться и изменять свой облик, сейчас вот ходишь по Петербургу в своем виде, то есть так, что тебя могут узнать все, которые помнят тебя как конногвардейского офицера? Ведь объяснение, что ты — родной брат-близнец будто бы умершего Ваньки Чигиринского, Клавдий, во-первых, очень сложно, а во-вторых, не совсем вероятно.

— Э, брат! Люди настолько просты, что чем невероятнее рассказывай им истории, тем

они охотнее будут верить.

А кроме того, ты видишь, хотя бы по сегодняшнему вечеру, мое появление у Зубова в виде призрака сыграло свою роль и принесло пользу.

— Ну хорошо, что сделано, то сделано! Но не лучше ли тебе теперь преобразиться опять в какого-нибудь старика доктора вроде того Германа, которого ты так прекрасно разыгрывал?

— А что, нас тут никто не может подслушать? — перебил Чигиринский и, встав, осмотрел двери. Так как там никого не было, то он вернулся к столу и, принявшись опять за свое яблоко, сказал, сильно понизив голос: — Без переодевания, конечно, обойтись будет нельзя, и я выберу себе какую-нибудь фигуру для того, чтобы бывать в среде масонов и приглядывать за этими господами, чтобы обезопасить их для нас.

— Ну и отлично! — сказал Проворов. — Если хочешь, я возобновлю прежние знакомства в Петербурге и представлю тебя в новом виде, как вновь приезжего из-за границы.

— Все это так, но прежний свой облик я

окончательно терять не намерен!

— Да почему же, если это грозит совершенно ненужными осложнениями? — воскликнул Проворов.

— Да видишь ли... тут дело выходит такое... то есть это мое личное дело... Третьего дня я так же, как сегодня вечером, шел через Неву на Петербургскую сторону, чтобы точно узнать дом, где собирались масонские главы. С этой разведки надо было начать! Ну, и тут произошел случай, не совсем обычный для меня.

— Случай?

— То есть не случай, а вернее — встреча. Да, впрочем, это неинтересно!

— Как неинтересно, если это касается тебя? — стал возражать Проворов.

— Да это все очень просто. Я шел и увидел, что навстречу мне неслась запряженная в маленькие санки лошадь, очевидно взбесившаяся, а в санках была девушка, которая, не потеряв присутствия духа, помогала кучеру натягивать вожжи. Это было одно мгновение. Я кинулся, схватил лошадь под уздцы, и мне удалось задержать ее. Ну, и представь себе,

что девушка в санках сохранила полное присутствие духа и, когда я стал расспрашивать ее, смеясь, сказала, что это ничего, и интересовалась только, не пострадал ли я как-нибудь.

— И ты узнал, кто была она?

— В том-то и дело, что ничего узнать не мог, так как она не дала мне времени ни на какие расспросы. Я даже лица ее хорошенько не видел, только большие черные глаза блеснули на меня из-под капора! Да еще я знаю, что она говорила с сильным польским акцентом. Но полек много в Петербурге, и я боюсь, что не узнаю ее при встрече! Она же прекрасно видела мое лицо, освещенное луной, и мне хочется, чтобы она узнала меня в моем образе. Вот потому-то я и не хочу менять его.

XI

Через несколько дней, когда Чигиринский сидел внизу у себя в комнатах, к нему вбежал Проворов, оживленный и даже в некоторой степени и взволнованный.

— Представь себе, что я узнал! — заговорил он. — Из самых верных источников: масоны впали в немилость. Зубову же дан ре-

скрипт с позволением ехать за границу, а по дороге заехать в его литовские имения!

Чигиринский не торопясь поднял голову и, с улыбкой взглянув на приятеля, спокойно произнес:

— Что же тут удивительного? Я не сомневался, что это так и будет.

— Да, но все в недоумении, и никто ничего понять не может! Вызванный только что из Москвы масон Лопухин отправлен обратно, Новикову велено оставаться в своем имении, и вообще теперь все чураются братства вольных каменщиков!

— Ну а сами-то они что?

— Среди них самих царит полная растерянность. Они ожидали совершенно противоположного, они ничего не понимают, да и никто ничего понять не может. Все дивятся непостоянству императора Павла Петровича.

— Ну, мы-то с тобой знаем, что он действует в настоящем случае, как, впрочем, и во всех других, чрезвычайно последовательно.

— Да, никто и не подозревает, что до императора дошли подлинные, неопровержимые документы, уличающие масонов. Но ты себе

представить не можешь, кто теперь первый и громче всех кричит против масонства и ругает его!..

— Кто же? Вероятно, камер-юнкер Тротото?

— Ну да, он, конечно, он! Он теперь летает из одного дома в другой и наперебой, до охриплости кричит о вреде масонской организации.

— Ну что же! Это еще умнее всего прочего, что он делал до сих пор! Но, значит, действительно масоны обретаются не в авантаже, если камер-юнкер Тротото решился на открытое порицание их!

— Я же тебе говорю, и увольнение Зубова также никто не может понять!

— Какие же ты делаешь из всего этого заключения?

— Во-первых, для меня теперь несомненно, что расчет твой был верен и что документы действительно попали в руки государя через Зубова, так как он получил устраивающий его дела рескрипт, а песенка масонов у нас спета.

— По крайней мере, на время царствова-

ния императора Павла, продли Бог дни его жизни!

— Аминь! — заключил Проворов. — А мы, значит, можем теперь ехать! Ты все-таки решаешь остаться?

Чигиринский молчал, задумавшись и глядя мимо Сергея Александровича.

— Чигиринский, я тебя спрашиваю? Ты все-таки желаешь остаться здесь? — спросил его Проворов.

— Да, я так думаю!

— Это все из-за твоей польки? Послушай, ведь ты же видел ее мельком, да и то одним глазом! Ведь не мог же ты влюбиться в нее?

— Ну вот еще какой вздор: влюбиться!

— Отчего же? С тобой это может случиться, как и со всяким другим, но только нужно, чтобы для этого был подходящий, то есть достойный для тебя предмет, а нельзя же так, в самом деле, удовольствоваться лишь тем, чтоб на лету видеть глаза, не зная даже, кто их обладательница и что она такое?

— Ну уж если говорить серьезно, так кроме ее глаз я видел еще весь ее стан, тонкий и прекрасный, затем видел, как она безбоязнен-

но, стоя в санях, помогала кучеру удерживать лошадь. Судя по одежде и по закладке лошади, она должна принадлежать к знатной польской семье.

— Однако она ехала в открытых санях, в одиночку, без гайдуков, без всякого сопровождения?

— У поляков это допускается гораздо свободнее, чем у нас: парадные выезды у них очень пышны, а обыкновенно они ездят попросту.

— Ну хорошо! Ты хочешь отыскать ее во что бы то ни стало? Что же ты для этого намерен предпринять? У тебя есть какой-нибудь определенный план?

— Конечно, есть, и довольно несложный. Ты знаешь, что бывший король Польши Станислав Август Понятовский вызван в Петербург и с его приездом, вероятно, будут торжества и празднества, на которые явится все польское общество. Очевидно, там будет и моя паненка, я ее увижу и познакомлюсь с ней!

— А потом?

— А потом, вероятно, ничего. Мне просто

интересно познакомиться с нею, посмотреть, какова она; хочется, чтобы она меня узнала, вот и все; а после этого, вероятно, я поеду или назад с вами в Крым, или за границу.

— Ну, тогда мы с Еленой подождем тебя, если ты предполагаешь, что можешь поехать с нами.

— Конечно, вероятнее всего, я с вами и уеду! — заключил Чигиринский, вставая и потягиваясь после долгого сидения за книгами.

И они оба пошли наверх к Елене.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Отношения России к Польше при вступлении Павла Петровича на престол представлялись приблизительно в таком виде: Польша уже не существовала как самостоятельное государство; она была разделена Австрией, Пруссией и Россией. Последний ее король Станислав Август Понятовский был, в сущности, ставленником России и принадлежал к партии Чарторийских, враждовавших с партией Потоцких, которая была против России.

Мать Станислава Августа была из рода Чарторийских, а отец его, Станислав же по имени, был мазовецким воеводой. После уничтожения Польши и раздела ее Потоцкие и их приверженцы жили в Петербурге в качестве пленных. Этой же участи был подвергнут и знаменитый польский генерал и патриот Костюшко: Станислав же Август жил на свободе в Гродно.

Вскоре после своего восшествия на престол император Павел прибыл в сопровожде-

нии наследника-цесаревича в Мраморный дворец, где в нижнем этаже содержался — правда, под строгим присмотром — раненый пленный Костюшко.

Мраморный дворец служил прежде помещением для Григория Орлова и был выстроен Екатериной II для этого своего любимца. Над входом этого дворца во время пребывания там Костюшки еще красовалась надпись: «Здание благодарности».

Чтобы судить, насколько можно доверять разным якобы документам, дошедшим до нас от прежних времен, достаточно сказать, что посещение императором Павлом польского генерала изображено на гравюре того времени в мрачной темнице, ничего общего не имеющей с роскошным дворцом, в котором на самом деле жил Костюшко.

Павел I сказал этому герою Польши, что давно сожалел о его участи, но не мог ничего для него сделать, теперь же желает вознаградить пленника за все перенесенное им.

— Вы свободны! Я сам желал принести вам эту утешительную весть, — сказал император, а затем, вынув свою шпагу из портупей,

подал ее Костюшке, говоря: — Такому храброму воину неприлично быть без шпаги. Вот, возьмите мою!

Костюшко был глубоко растроган и в порыве волнения воскликнул:

— Призываю Бога в свидетели, что пожалованной мне шпаги русского царя я никогда не обнажу против русскихnote 1.

Павел Петрович подсел к Костюшке и продолжал разговаривать очень ласково.

Между прочим, Костюшко спросил, будут ли освобождены и другие польские пленные.

— Они будут также освобождены, — ответил государь, — хотя в моем совете многие высказались против освобождения Потоцкого и Немцевича! Но я отпущу и их, если вы мне дадите ваше слово, что принимаете на себя ручательство за их хорошее поведение.

Костюшко ответил, что за Немцевича он ручается, а относительно Потоцкого не может принять на себя какого-либо обязательства, не переговорив с ним предварительно.

Государь остался очень доволен этой осторожностью Костюшко и разрешил ему навестить Потоцкого, когда только он того поже-

дает.

Затем Костюшко попросил государя позволить ему удалиться в Америку. Император объявил ему свое согласие и обещал даровать ему средства для осуществления этого путешествия.

Присутствовавший при этом свидании великий князь Александр Павлович настолько был растроган этой сценой, что, прощаясь, со слезами на глазах несколько раз обнял Костюшку.

Император Павел лично отправился также и к Потоцкому и сказал ему:

— Я знаю, что вы много страдали, что вас долго оскорбляли и преследовали; мои министры решительно противились вашему освобождению, я один держался противного мнения. Господа министры желают водить меня за нос, но, к несчастью, его у меня нет! — сказав это, государь с улыбкой провел рукой по своему лицу, после чего добавил: — Обещайте мне оставаться спокойным! Рассудок должен указать вам на эту необходимость. Новые попытки могут только навлечь на вас новые несчастья. Я всегда был против раздела Поль-

ши и признаю его делом настолько же несправедливым, как и недальновидным и в политическом отношении. Теперь, однако, поправить ошибку нельзя! Для восстановления Польши необходимы содействие и согласие со стороны трех держав на возвращение отобранных частей. Но представляется ли вероятным, чтобы Австрия и в особенности король прусский отдали свои доли? Не могу же я один отдать принадлежащую мне часть и ослабить себя в то время, когда они усилились? Это невозможно! Или мне приходится объявить им войну, чтобы принудить их к восстановлению Польши! Но согласитесь, что это еще менее возможно, так как империя моя крайне нуждается в мире. Итак, вы видите, что вам следует подчиниться обстоятельствам и оставаться спокойными.

Потоцкий, тронутый откровенной и милой речью государя, дал ему с полным чистосердечием требуемое обещание.

Все пленные поляки были отпущены и покинули Петербург.

Костюшко направился через Швецию и Англию в Америку после прощальной ауди-

енции, данной ему в Зимнем дворце. Ему было пожаловано огромное состояние в тысячу душ, но, по его прошению, этот дар был заменен деньгами. Ему было выдано из кабинета его величества шестьдесят тысяч рублей и, кроме того, в расходных статьях личного счета императора показано «тысяча шестьсот сорок один рубль тридцать копеек за купленные для генерал-поручика Костюшки разные вещи, одежду и карету».

В то же время особым указом Сенату была объявлена амнистия всем вообще полякам, подпавшим под наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств. Император повелел: «Всех таковых освободить и отпустить в прежнее их жилище, а заграничных, буде пожелают, и за границу. Об исполнении сего Наш Сенат имеет учинить немедленно надлежащее распоряжение, предписав куда следует, чтобы со стороны губернских правлений и других земских начальств взяты были меры к наблюдению, дабы сии освобождаемые оставались спокойны и вели себя добропорядочно, не входя ни в какие вредные сношения под опасением тяг-

чайшего наказания».

II

Развенчанного короля польского Станислава Августа Понятовского, проживавшего со времени раздела Речи Посполитой в Гродно, Павел Петрович пригласил к себе в Петербург, и тот, прибыв в невскую столицу 27 февраля в карете, прямо направился в Мраморный дворец, назначенный для его пребывания.

Там высокого гостя ожидали император Павел I и великие князья Александр и Константин. Государь окружил безземельного короля царскими почестями и относился к нему с самым изысканным вниманием, тем более что в связи с его путешествием произошло довольно странное обстоятельство, поставившее русское правительство в несколько неловкое положение.

Дело состояло в следующем. Так как путь Станислава Августа в Петербург лежал через Ригу, то ему там была приготовлена торжественная встреча. На улицах была поставлена почетная стража из рижских бюргеров, в доме Черноголовых назначен был парадный

обед. Увы! Всем этим почетом воспользовался Платон Александрович Зубов, ехавший через Ригу за границу, а не Станислав Август, который в назначенный день в Ригу не приехал, а прибыл позднее и потому не был почтен встречей.

Как потом выяснилось, все это было подстроено не без умысла; рижские немцы не хотели признать развенчанного короля и поставили на своем — им было приказано приготовить торжественную встречу, приготовить они ее приготовили, согласно приказанию, но встретили не Станислава Августа Понятовского, а князя Зубова. Бюргеры в качестве почетной стражи на улице отдали ему честь, а дворянство накормило его в доме Черноголовых обедом.

Император, узнав об этом, сильно разгневался и подписал на имя барона Петра Александровича фон дер Палена, представителя лифляндского дворянства, распоряжавшегося всей встречей, рескрипт грозного содержания: «Господин генерал-лейтенант Пален, с удивлением уведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезде князя Зубова через

Ригу. Из сего и я делаю сродное о свойстве вашем заключение, по коему и поведение мое против вас соразмерно будет. Сие письмо можете показать генерал-лейтенанту Бенкендорфу».

Христофор Иванович Бенкендорф занимал в то время место военного губернатора в Риге. Он был женат на баронессе Шиллинг, подруге детства императрицы Марии Федоровны.

По случаю происшествия с князем Zubовым генерал Бенкендорф получил 2 февраля высочайший выговор в рескрипте: «Известясь обо всем происшедшем в Риге, в проезде князя Zubова, удивляюсь, как вы могли допустить все сие сделать и, видя из сего слабость исправления должности вашей, делаю вам за сие выговор».

Рижскому губернатору барону Кампенгаузену император Павел писал от того же числа: «С удивлением известился я о встрече и других почестях, сделанных мещанством рижским князю Zubову при проезде его через Ригу. Как подобные почести никому из частных людей не принадлежат, то я и требую от вас ответа, для чего вы допустили делать

оное мещанство, в поступке коего видится одна лишь подлость, что вы им и объявите».

Относительно Бенкендорфа и Кампенгаузена Павел Петрович ограничился этими письмами, но о Палене последовал указ, по которому «генерал-лейтенант фон дер Пален за почести и встречи, делаемые партикулярным людям, как то при проезде князя Зубова, и за отлучку без увольнения в Митаву для провожания его же, выключен из службы».

Гордость напыщенного барона была уязвлена до крайности. В последовавшей за его самовольство каре он видел не только для себя унижение, но прямое оскорбление. Он рассчитывал, что его умышленная ошибка пройдет незамеченной и он избавится таким образом от необходимости ему, немецкому барону, встречать какого-то поляка, ставшего королем из простых смертных и затем развенчанного. Он даже думал, что даст этим тонкий урок императору Павлу Петровичу, что нельзя-де заставить немецкое баронство делать то, что ему неудобно. Ни он сам, ни кто-либо из немецкой знати не ожидали, что в Петербурге решатся на крутые меры «из-за та-

ких пустяков». Они были приучены в предыдущее царствование совсем к иному. Император Павел не побоялся баронства и приобрел вследствие этого в бароне Петре фон дер Палене смертельного врага, затаившего против него злобу.

III

Станислав Август довольно быстро освоился в Петербурге. Вокруг него сгруппировались поляки из партии Чарторыских, и таким образом создано подобие маленького двора.

Большого штата прислужников Понятовский иметь не мог, потому что денежные дела его были очень плохи. Этими его делами заведовал камердинер Рикс, давнишний его слуга и доверенное лицо. Он умел угодить своему господину и потому пользовался его доверием и беспредельным значением.

Сам Станислав Август по характеру был человек равнодушный, неспособный увлекаться. Он любил роскошь, и в бытность его королем польским двор его в Варшаве считался одним из блестящих и по изяществу, царившему там, и по легкомыслию нравов. Станислав Август был равнодушен и к женщинам

совершенно так же, как и ко всему остальному; и, может быть, оттого они в бытность его королем наперебой старались ему понравиться. Стать метрессой или фавориткой короля считалось тогда в Варшаве большой честью, и знатные польки добивались этой чести, чего бы это им ни стоило. По четвергам у короля бывали собрания, на которых сходились вместе с польской аристократией и поэты, и писатели, и художники.

Когда Станислав Август был лишен престола и переехал на скромное житье в Гродно, он отнесся к этому так же безучастно, как относился к недавнему блеску своего двора. Ни жалоб на свою участь, ни отчаяния он не выказал. Может быть, это происходило оттого, что он верил в свою судьбу и спокойно рассчитывал, что она позаботится о нем. Когда пришло известие в Гродно о том, что вновь взошедший на престол император вызывает его в Петербург, Понятовский это принял без волнения, собрался и поехал так просто, как будто ничего особенного не случилось.

Теперь, поселившись в Мраморном дворце, он ходил по его роскошным комнатам,

останавливался у окна, глядя на покрытую снегом широкую Неву, и думал о том, что, пожалуй, ему все-таки нужно дать бал, тем более что обласкавший его император Павел требовал от него, чтобы он держал себя, как владетельная особа. Да и надо было собрать вокруг себя общество. Таким образом, необходимость бала вытекала из самих обстоятельств.

Понятовский позвонил и вошедшему на его звонок лакею велел позвать к себе камердинера.

Через некоторое время пришел старый Рикс и застал Станислава Августа стоящим у окна в бесстрастном созерцании белевшей своим снежным покровом Невы. Камердинер, войдя и, по-видимому, не особенно чинясь, со своего рода ласковой развязностью спросил, спрятав одну руку в карман:

— Что угодно вашему величеству?

— Нужны деньги, — не оборачиваясь, ответил Станислав Август.

— Деньги... деньги! — повторил Рикс, переступив с ноги на ногу. — А если спросить, за чем вам деньги, так этого никто не знает.

— Нет, на этот раз мне серьезно нужны деньги.

— У вас всегда серьезно, а потом окажется пустяки! А впрочем, попросите у императора: он вам, вероятно, даст.

Станислав Август, прищурившись, посмотрел на Рикса и не торопясь направился в смежную комнату, служившую ему кабинетом.

— Не могу же я просить у императора Павла деньги для того, чтобы устроить бал для него же! — проговорил он на ходу.

Рикс прошел за ним в кабинет.

— Вашему величеству угодно дать бал?

— Ах, мне все равно! — ответил Станислав Август, опускаясь в кресло и зевая. — Но этого требует приличие!

Рикс, вероятно, не мог не согласиться с этим доводом. Его расчетливый ум сейчас же взвесил положение и сообразил, что, действительно, со стороны бывшего короля требовалось если не вполне, что называется, показать себя, то, во всяком случае, соблюсти более или менее достойно приличия.

— Ведь роскошью никого не удивишь в Пе-

тербурге!.. Здесь в прошлое царствование привыкли к таким празднествам, что после них ничего не может уже быть заметным! — начал говорить Рикс, как бы соглашаясь. — Да и нынешний император терпеть не может мотовства!

— Ну так вот, мне нужны деньги! — подтвердил Станислав Август.

— А чем мы платить будем?

— Ах, какие пустяки! Впрочем, если не хочешь, тогда и не надо! — И Станислав Август, облокотившись на руку, стал смотреть перед собой, как будто уже думая совсем о другом.

«Положим, — продолжал мысленно рассчитывать Рикс, — теперь, ввиду отношения к нему императора, есть кому заплатить долги. А для того, чтобы они были заплачены, надо поддержать это отношение, а чтобы поддержать его, нужно представительство».

— Хорошо! — проговорил он наконец вслух. — Надо будет постараться достать денег. Только много я не обещаю.

— Постарайся, чтобы хватило! — не спеша добавил Станислав Август, продолжая глядеть перед собой.

Рикс постоял еще некоторое время, подо-ждал, не скажет ли король ему что-нибудь, но тот молчал, и он ушел, озабоченный этими денежными хлопотами, которые вечно взваливал на него господин.

IV

В Польше, в особенности ко времени ее падения, было очень развито масонство, принимавшее близкое и деятельное участие в раздорах всяких политических партий этой лишенной крепкого правительства страны.

Рикс, как близкое к королю лицо, был замешан в братстве вольных каменщиков и сохранил с ними сношения и после падения Станислава Августа.

Большинство денег, которые он доставал за своим ручательством для своего господина, происходило от масонов, никогда не жалевших золота, чтобы держать в руках выдающихся политических лиц. А то, что пренебрегать таким человеком, как Станислав Август, им не было расчета, доказывал хотя бы прием, оказанный ему Павлом Петровичем. Поэтому Рикс так легко обещал достать нужные Понятовскому деньги, вполне уверен-

ный, что достанет их для него у масонов.

Свои сношения с братством Рикс поддерживал в Петербурге через родную сестру свою пани Юзефу, жену бывшего на русской службе поляка. Теперь, приехав в Петербург, он, разумеется, мог через сестру вступить и в непосредственные личные сношения с масонами и, конечно, поспешил сделать это. Сестра познакомила его с немцем — доктором Пфаффе, который, по ее словам, играл в петербургской ложе Астреи хотя и далеко не главную, но все-таки деятельную роль. Между Риксом и немцем было условлено, что, как только будет надобность, доктор будет приглашен в Мраморный дворец как бы для того, чтобы навестить больного.

После своего разговора с королем о деньгах Рикс послал к Пфаффе нарочного, и тот явился немедленно, напялив на себя свой лучший кафтан и приняв облик серьезного ученого мужа. Его встретил старый камердинер и, к некоторому разочарованию немца, сказал, что не король нуждается в его совете, а только он, его камердинер. Пфаффе поджал губы, но все-таки последовал в отдельную комнату,

куда провел его Рикс.

Тут они сделали друг другу тайные масонские знаки своей степени, и Рикс в немногих словах изложил, в чем дело. Немец подумал — кажется, больше для важности, чем для необходимости, — и, наморщив лоб, проговорил тоном прорицателя:

— Я думаю, то есть я полагаю, даже, могу сказать, уверен, что это можно будет сделать и помимо братства: у меня есть знакомый состоятельный человек, и, за верным поручительством, у него можно будет достать необходимую сумму.

— А что вы называете верным поручительством?

— А хоть бы ваша подпись, господин Рикс!

— Что же, я согласен! Только где и как мне найти этого вашего человека?

— О, это вполне порядочный человек! — стал рассказывать Пфаффе. — Он — статский советник, Аркадий Федорович Поливанов. У него свой небольшой дом на Петербургской стороне. Если вы хотите, мы отправимся к нему, и все будет сделано очень скоро. Мы можем поехать хоть сейчас.

Это понравилось Риксу, который не любил откладывать дел.

В его распоряжении во дворце была карета, он велел заложить ее и отправился с Пфаффе на Петербургскую сторону к Поливанову, о принадлежности которого к масонскому ордену не подозревал не только Рикс, но и Пфаффе, имевший с ним давнишние дела.

Как немец и предсказывал, Поливанов был очень стоворчив и легко ссудил тысячу рублей развенчанному польскому королю под ручательство его камердинера.

На возвратном пути Рикс с Пфаффе заехали к пани Юзефе, чтобы напиться у нее чая.

— Я нарочно заехал к тебе, — сказал, между прочим, ей брат, — чтобы предупредить тебя, что в эти дни у меня будет много хлопот и поэтому не будет времени видеться с тобой.

— Хлопот? Каких же это именно? — стала спрашивать любопытная Юзефа. — Или, может быть, это тайна?

— Нет, никакой тут тайны нет. Просто король хочет сделать у себя вечер, и мне надо будет заняться приготовлениями.

— Вечер!.. Вот оно что!.. Тогда я надеюсь,

что Рузя будет приглашена? О себе я, конечно, не говорю, но мне хочется, чтобы моя дочь была на вечере у польского короля, и ты можешь это сделать для своей племянницы!

— Знаете, господин Рикс, — деловито и внушительно произнес Пфаффе, — у меня есть тоже к вам одна просьба: я очень желал бы, даже больше... я стогаю нетерпением тоже быть приглашенным на вечер к его величеству королю Польши.

V

На другой день утром в приемной прусского посла графа Брюля сидело несколько просителей, невзрачных немцев; среди них доктор Пфаффе тоже ждал своей очереди быть принятым. Просители входили один за другим в дверь посольского кабинета, приглашаемые туда молодым чиновником.

Пфаффе, которому следовало идти в кабинет после почтенного курляндского пастора, наконец дождался, что тот, остававшийся довольно долго у посла, вышел. Доктор, очевидно, был уже не в первый раз на приеме и, как свой человек, ответил полупоклоном на приглашение чиновника войти.

Посол сидел в своем кабинете за большим круглым столом и, взглянув на вошедшего, не здороваясь, коротко спросил:

— Что нового, господин доктор?

Пфаффе склонил голову набок, заложил руки за спину и не без некоторой развязности доложил, стараясь быть как можно короче в выражениях:

— Новости, ваше сиятельство, небольшие, но интересные! Камердинер бывшего польского короля, старый Рикс, обратился ко мне, как масон к масону, с просьбой достать ему денег для устройства вечера, который хочет сделать бывший король для приема государя и петербургского общества.

— И вы пришли ко мне за этими деньгами? — хмурясь, проворчал граф Брюль.

— О нет! — быстро подхватил Пфаффе. — Я обошелся на этот раз без масонского братства!

— И достали деньги? У кого?

— У меня есть знакомый, статский советник Аркадий Федорович Поливанов, он живет в своем доме на Петербургской стороне...

Брюль быстро глянул снизу вверх на Пфаф-

фе и произнес одно только слово:

— Глупо!

— Но что же тут глупого, экселенц? — упавшим голосом произнес доктор. — Я думаю, масонскому братству выгодно заручиться связью с таким лицом, как Станислав Август?

— Послушайте, мой добрый Пфаффе, — заговорил посол, — вы очень аккуратный и исполнительный человек, когда точно действуете согласно данным вам приказаниям, и в этом отношении я вас очень ценю, но только — раз навсегда — бросьте предпринимать что-нибудь самостоятельное!

— Неужели я должен был отказать? — удивился доктор.

— Вы должны были прийти ко мне и спросить, — пояснил Брюль. — Дело в том, что теперь масоны в Петербурге лишились своего значения и вам нужно, впредь до новых обстоятельств, удалиться от них. Мы должны иметь в виду одну только пользу нации. Ну а для нас, немцев, вовсе не нужно, чтобы какой-то шляхтич, ставленник русских, бывший польский король, окружал себя в Петер-

бурге каким-то ореолом и задавал приемы! К тому же вы напрасно воображаете, что достали деньги частным образом. Разве вы не знали, что этот ваш статский советник Аркадий Федорович Поливанов, так же, как и вы, принадлежит к масонскому братству и имеет в нем даже довольно высокую степень?

— Аркадий Федорович Поливанов?! — всплеснул руками Пфаффе. — Кто бы это мог думать!..

— Ну да! И он дал господину Понятовскому, конечно, не свои, а масонские деньги. А вот если бы вы вовремя пришли ко мне и спросили, я запретил бы вам идти с этим Делом к Поливанову и помочь таким образом соединиться Риксу с одним из серьезных масонов.

— Но я даже не знал, что он член братства!

— Ну вот теперь знайте и заметьте себе этот случай на будущее: ничего не делайте, не доложив об этом мне.

— О, будьте спокойны, ваше сиятельство, теперь в будущем я ничего не сделаю, не доложив об этом вам!

— Погодите! — остановил доктора

Брюль. — Вы пройдете к господину Фелькерзаму и скажете ему от себя... Вы, надеюсь, знаете господина Фелькерзама?

— Господин Фелькерзам — посланник саксонского двора. О, я его знаю очень хорошо, и он меня знает также!

— Ну вот пойдите к нему и скажите от себя, что Станислав Август устраивает у себя вечер и что необходимо, чтобы саксонский посланник был на этом вечере. Только ни слова о том, что это я вас послал!

Пфаффе склонился и совсем уже молитвенным шепотом произнес:

— Слушаю, экселенц!

— А затем побывайте у Рикса и скажите ему, чтобы он не забыл послать приглашение на вечер мне и господину Фелькерзаму. Я предпочел бы, чтобы этого вечера у господина Понятовского вовсе не было, а уж раз состоится, нам волей-неволей нужно быть там.

— Я тоже там буду! — не без гордости вырвалось у Пфаффе.

Но Брюль остановил восторг немца.

— Я думаю, что это будет лишнее! Вы там окажетесь не нужны.

Пфаффе с усилием подавил вздох сожаления и покорно произнес:

— Хорошо, экселенц! Я не пойду на этот вечер.

VI

Мраморный дворец был настолько великолепно обставлен и снабжен таким обилием утвари и посуды, что требовалось очень мало усилий для того, чтобы дать в нем бал или вечер. Поэтому никаких значительных приготовлений со стороны Рикса не потребовалось для задуманного Станиславом Августом праздника. Нужно было только нанять музыкантов, сделать покупки для угощения и достать потребное количество прислуги.

Оркестр искать в то время в Петербурге не приходилось, потому что в любом богатом доме имелись свои крепостные музыканты и всегда была возможность их нанять. Магазинами разной гастрономии, сластей и фруктов Петербург тоже был богат, и за деньги можно было достать все что угодно, а прислуга имела в Зимнем дворце, и Станиславу Августу можно было воспользоваться ею.

Приглашения были разосланы всему чи-

новному и знатному Петербургу. На вечер ждали самого государя, и потому в назначенный день съезд в Мраморный дворец оказался такой значительный, что кареты далеко еще от него на набережной должны были становиться в очередь и подвигаться шаг за шагом.

Елена и Проворов наотрез отказались ехать на этот вечер, но Чигиринский отправился на него с твердой уверенностью, что увидится там с незнакомой ему полькой. С этой целью он приехал как можно раньше, в шелковом, расшитом гладью кафтане, чувствуя себя не совсем привычно среди петербургского общества в статском платье. В военном мундире, к которому он привык издавна, ему было бы легче, но он, числясь в отставке, не имел права носить форму.

Придя заранее, он остановился на площадке входной лестницы, внимательно вглядываясь в каждую входившую даму и девушку и стараясь узнать ту, которая поразила его своими глазами при мимолетной встрече посредине Невы.

Мимо него промелькнуло много блестя-

щих, радостных, красивых, задорных и всяких других глаз, но ни одни из них не были похожи на те, которые он искал встретить.

Он нашел немало знакомых, которых знал, когда гвардейским офицером несколько лет тому назад много выезжал в Петербурге. Однако большинство проходило, не обращая на него внимания, а те, которые замечали и узнавали, не выказывали никакой радости, и он со своей стороны тоже рассеянно и равнодушно здоровался с ними, сосредоточивая все свое внимание на одном желании — найти во что бы то ни стало красавицу польку. Но ее не было, хотя много полек, которых сразу можно было отличить и по платью, и по манерам от русских, проходило по лестнице и поднималось в зал.

Наконец, по мере наполнения бесконечной анфилады дворца, приезжающие стали все реже и реже; в зале почувствовалось движение, блестящая толпа прихлынула к дверям и вновь отхлынула от них.

На верхнюю площадку лестницы, где в углу продолжал стоять Чигиринский, высыпали гурьбой знатные персоны в мундирах, и

показался сам хозяин, Станислав Август. Все осматривали себя, одергивались и переговаривались сдержанным шепотом. Очевидно было, что сейчас приедет государь. Вскоре снизу на лестницу вбежал как-то особенно прыткими для старика шагами Рикс и издали сделал выразительный знак Понятовскому. Тот одернул себя и пошел навстречу приехавшему императору.

Чигиринского так давили и теснили в его углу, что он хорошенько не мог рассмотреть, как вошел государь; он только видел группу людей, прошедших довольно быстро между расступившейся толпы, а затем в зале сейчас же раздались торжественные звуки полонеза. Площадка лестницы опустела, можно было вздохнуть свободно.

Чигиринский положительно и твердо знал, что среди прошедших мимо него ее не было. А между тем он всем своим существом предчувствовал, что должен увидеть ее сегодня, что она будет тут.

По лестнице, крадучись и озираясь, поднялось еще несколько запоздалых гостей, но среди них ее опять не было!

Чигиринский ждал до тех пор, пока наконец стало ясно, что приезд закончился и что дальнейшее стояние на лестнице будет совершенно праздным занятием. В зале польский танец, с которого обыкновенно начинался бал, давно уже кончили и танцевали краковяк.

Чигиринский вошел в зал и как-то сразу увидел всех вместе, всех танцующих девушек и женщин, увлеченных и раскрасневшихся, но ни одна из них все-таки не обладала теми глазами, которые помнил и искал Чигиринский.

Он медленно и осторожно пробирался между парами, стараясь держаться настороже, чтобы не мешать танцующим, и вдруг словно удар почувствовал в сердце, как бы подтолкнувший его посмотреть направо.

Он оглянулся. У стены, прижатая к ней танцующими, стояла паненка в белом платье с нежно-палевыми лентами и смотрела прямо на него.

«Это она!» — сказал себе Клавдий и, не думая о том, что делает, направился прямо к ней.

Лицо девушки по внешности оставалось бесстрастным, ни улыбкой, ни движением брови она не выдала себя, но Чигиринский по ее взгляду видел, что она узнала его.

«Это она! Это она!» — повторял он себе, когда подошел к ней: и, прежде чем он успел проговорить ей обычное приглашение на танец, она двинула рукой, чтобы поднять ее ему на плечо, словно ждала именно его и была уверена, что он ее найдет и пригласит танцевать.

Почувствовав ее близость, Чигиринский как-то особенно удачно сейчас же поймал такт, и они пошли по залу, чувствуя оба, что даже сердце у них бьется в такт музыке, и, когда, делая фигуру танца, приходилось расходиться,

Чигиринский, отойдя, не отделялся от своей дамы, а в лад ударял ногами об пол, притопывал и чувствовал, как она ударяет и притопывает своими ножками, как будто в этом огромном, полном народа зале никого не было, кроме них двоих, а когда фигура требовала сходиться, он не ища шел прямо к своей партнерше и она — к нему.

VII

Император Павел Петрович был в отличном расположении духа, с радостным лицом смотрел на танцующих и милостиво беседовал с хозяином вечера Станиславом Августом.

Их окружала группа почтительно склоненных придворных, жадно ловивших не только слова, но взгляды императора.

Несколько вдали, не смешиваясь с этой группой, однако так, чтобы иметь возможность слышать, что говорилось там, держались два человека в посольских, расшитых серебром мундирах. Это были граф Брюль, прусский посол, и саксонский посланник Фелькерзам.

Они стояли в амбразуре окна и, не спуская взора с государя и окружавших его лиц, вполголоса перекидывались отдельными фразами, и им, как представителям немецких государств, неприлично было, по их мнению, вернуться возле отставленного польского короля. С Польшей, разделенной при Екатерине, для немцев было покончено, и теперь они с неудовольствием смотрели на «выходки», как они называли это, императора Павла по отно-

шению к Станиславу Августу.

Фелькерзам донес уже своему правительству совершенно определенно:

«Император считает раздел Польши политической ошибкой со стороны России и не скрывает своего мнения об этом. Он даже заявил Станиславу Понятовскому, что считает страшной несправедливостью все, что было сделано в Польше, и никогда не одобрял этого, и что, не будь в этом деле замешаны другие государства, он охотно восстановил бы польское королевство. А в письме, которым государь на латинском языке пригласил бывшего короля в Петербург, он несколько раз повторил ему: „Не забудь, что ты — гех, то есть король“.

Понятно, что на восстановление Польши немецкие дипломаты смотрели враждебно, потому что это, с одной стороны, должно было грозить отторжением отошедших к немцам польских земель и потому было невыгодно для них, а, с другой стороны, было выгодно для России, так как отделяло ее буфером от западных соседей.

И Фелькерзам с Брюлем, сочтя по долгу ди-

пломатических представителей необходимо явиться в Мраморный дворец на вечер к Станиславу Августу, недовольно следили из амбразуры окна за тем, как был милостив император к бывшему польскому королю и как поэтому придворные увивались вокруг Станислава Августа.

— По-моему, в этом нет никакого смысла, — проворчал Брюль так, чтобы его мог слышать только один Фелькерзам.

— Это совершенно противоречит пользе государства! — поддакнул ему тот.

— Если так пойдет дальше, то может кончиться очень плохо!

— О да! — протянул Фелькерзам, отлично понимая, что это «кончится плохо» относится к пользе тех правительств, представителями которых они являлись.

— Вообще, я должен сказать, — заметил Брюль, — что не в одном только польском вопросе, но и во всем остальном русская политика становится на самостоятельный путь.

— И притом бессмысленно безобразный!

— А вы знаете, отчего это? Оттого, что от двора удалены все бескорыстные, преданные

делу люди! Нет ни одного, понимающего истинную пользу государства!

Брюль, произнося эти слова, не сомневался, что его собеседник иначе не мог их понять, как в том смысле, что тут речь идет об истинной пользе немецкого государства.

Фелькерзам пожал плечами.

— Что же вы хотите, если императрица, несмотря на свое немецкое происхождение, не желает или не умеет приблизить ко двору настоящих немцев? Для нее фрейлина Нелидова — гораздо более милый друг, чем умнейшие соотечественники, которые были бы в состоянии дать императору Павлу мудрые советы.

— Но в таком случае наше дело, — делая серьезное лицо, сказал граф Брюль, — постараться удалить фрейлину Нелидову и приблизить к императору честных, добрых немцев, которых найдется немало в России, хотя бы в Прибалтийском крае.

Фелькерзам был деловой человек и отлично сознавал, что этот отрывочный разговор имеет существенное, серьезное значение. Поэтому он, как бы понимая не только то, что

ему говорили, но и что хотели сказать, прямо спросил:

— Вы имеете уже кого-нибудь в виду?

— Отчего же нет? Вот взять хотя бы, например, барона Петра Палена...

— Это тот, который пострадал в Риге за встречу князя Зубова вместо Станислава Августа?

— Да. Великолепная история! — усмехнулся Брюль.

— Прекрасно! — согласился Фелькерзам. — Такие добрые немцы нам были бы очень нужны здесь, в Петербурге!

— Значит, будем стараться.

— Наша обязанность, граф, заботиться о пользе государства, при котором мы аккредитованы.

— Дай Бог, чтобы наши старания увенчались успехом!

VIII

Вернувшись домой с бала, Чигиринский испытывал странное и небывалое для него чувство чрезвычайного душевного подъема и такой легкости, словно он не ходил, а все еще носился по залу в увлекательном и задорном

такте размашисто-веселого краковяка.

И главное — он не мог отдать себе совершенно отчет, почему у него было такое ощущение, чем, собственно, вызывалось оно, так как, в сущности, на балу ничего особенно знаменательного не случилось.

То, что он встретил и нашел свою паненку, было весьма естественно, так как она, конечно, должна была быть на чисто польском вечере Станислава Августа; в том, что он протанцевал с ней недурно краковяк, тоже не было ничего особенного, так как он всегда танцевал хорошо, а его дама была грациозна и обворожительна по природе.

Но все, что случилось потом, должно было вызвать скорее разочарование и неудовлетворенность, потому что, когда кончился краковяк, паненка скрылась так быстро, словно исчезла из глаз, растаяв, как видение, и дальнейшие поиски оказались тщетными. Как ни старался Чигиринский, он больше найти ее не мог и должен был удовлетвориться одним краковяком и сказанными во время этого танца несколькими отрывочными словами. Кто она и даже как ее зовут — для него оста-

лось неизвестным, потому что они расстались, прежде чем он успел спросить свою даму об этом.

И, несмотря на все это, Чигиринский чувствовал себя на седьмом небе, радостно следил за биением своего сердца и, закрывая глаза, видел заинтересовавшую его девушку, носившуюся вместе с ним по освещенному залу под звуки увлекательной музыки.

О сне он и думать не мог и, несмотря на поздний час, когда в доме давно уже были потушены огни и все спали, он с застывшей блаженной улыбкой на лице, сняв бальный костюм, надев шлафрок и туфли и куря одну трубку за другой, то ходил из комнаты в комнату, то опускался на первый попавшийся стул или кресло, потом вставал и опять ходил. Он растопил камин, подкладывал дрова и следил за разгоравшимся пламенем.

Сначала все ему доставляло необыкновенное удовольствие, но потом мало-помалу он начал думать осмысленно и последовательно.

«Что за глупость! — сказал он себе. — Ну, она хороша... ну, я ее встретил... мне блесну-

ли ее глаза... потом мы встретились на балу и протанцевали краковяк! Но неужели этого довольно? Ведь я даже толкового слова не сказал с ней и решительно не знаю, не только какова она, но и как ее зовут... Ведь, в конце концов, что это такое? Тут дело идет исключительно об одной внешности: мне понравились ее глаза, приглянулся ее красивый облик (а она красива! очень красива!), и получилось физическое раздражение, влечение тела... Это похоть! — нашел он наконец подходящее слово для названия того, что совершалось в нем, — и больше ничего. Если поддаться этой похоти, то возьмет она верх, и закружишься, и полетишь вниз, а зачем? Из-за чего? Из-за мимолетного удовольствия протанцевать краковяк!.. Нет!.. Надо не поддаваться!»

И, несмотря на то что его рассуждения казались ему совершенно справедливыми и он отлично понимал, что не было никакого разумного основания для его восторга, все-таки, когда он вспоминал танцевавшую с ним польку, его охватывал этот восторг, и он чувствовал, как будто у него вырастают крылья,

которые поднимают его над землей.

Наконец Клавдий заснул, сидя в кресле, и в этом положении его и застал слуга, пришедший, по обыкновению, будить его в половине восьмого утра.

Поднявшись наверх к чаю, Чигиринский застал Елену и ее мужа с детьми уже за самоваром. Они встретили его очень весело и стали расспрашивать о вчерашнем.

Клавдий рассказал все подробно, главным образом потому, что в этом рассказе ему захотелось снова пережить вчерашние впечатления, а затем прибавил, обращаясь к Проворову:

— Понимаешь ли, я теперь не знаю, как быть. Поставить себе целью во что бы то ни стало отыскать паненку и оставить все дела мне кажется несерьезным и даже как будто изменным, а махнуть рукой и забыть ее я тоже не имею оснований. Да и зачем это делать, если думать и вспоминать о ней доставляет мне удовольствие?

— Хочешь ли ты знать мое мнение? — спросил Проворов, блаженно улыбаясь и мельком взглядывая на жену. — Видишь ли,

или это оттого, что я с Еленой так счастлив, но только я на твоём месте ни за что не отказался бы от своего счастья.

— Да кто же знает, действительно ли тут заключается для меня счастье или это просто случайность? — воскликнул Чигиринский.

— И потом, ты говоришь: «Бросить дела». А какие дела у тебя теперь? Главное ты сделал, документы доставлены, и мы знаем, что они произвели должное действие. Ну что же? Займись своим личным делом!

Чигиринскому не хотелось, чтобы этот разговор замолк, и потому он стал возражать:

— Но теперь не такое время, чтобы можно было предаваться так исключительно своим личным делам! В воздухе чувствуется тревога.

— Знаешь что? — перебила его Елена. — Ты слышал о прорицателе Авеле?

— Да, слышал.

— Попробуй сходить к нему. Говорят, у него поразительный дар прорицания.

IX

Прорицатель Авель был одним из тех пророческих лиц, которые во все времена выдвигались

гаются в русской жизни и иногда имеют на нее влияние как чисто бытовое, особенно свойственное русской жизни явление. Иногда же они, вдруг неизвестно как и откуда явившись, промелькнут, оставив тем не менее свое имя в исторических хрониках. Авель был именно таким вот промелькнувшим.

Дар предсказания он имел замечательный, и это подтверждено многими вполне достоверными свидетельствами. Так, незадолго до кончины императрицы Екатерины II он предсказал это событие весьма определенно и был за это посажен в Шлиссельбургскую крепость. По воцарении Павла I он был немедленно выпущен и затем, живя в Александро-Невской лавре, пользовался довольно широкой известностью в Петербурге, но, когда предрек и самому Павлу Петровичу близкую внезапную кончину, был снова отправлен в крепость и заточен там.

Елена посоветовала брату пойти к прорицателю как раз во время разгара его славы, когда имя Авеля было почти у всех на устах.

Чигиринский отправился в Александро-Невскую лавру, желая повидаться с Аве-

лем не потому, что рассчитывал сообразовать свое дальнейшее поведение с предсказаниями прорицателя, а потому, что его влекло любопытство посмотреть, что это за человек и насколько справедлива ходившая про него молва.

Он подъехал к лавре на извозчике и слез у ворот, в которые свободно пропустил его служка-привратник. Здесь он стал спрашивать: можно ли увидеть Авеля и как пройти к нему.

— Вам угодно к Авелю? — приблизился к нему невысокого роста человек с густыми, копной торчавшими во все стороны волосами. — Пожалуйте за мной, я вас проведу.

Чигиринский последовал за ним, и тот повел его по проложенным среди сугробов дорожкам, по лабиринту которых, казалось, без проводника трудно было пройти незнакомому.

Наконец они попали в сводчатый каменный, мощный плитами коридор, и спутник Чигиринского, отворив одну из выходивших в коридор одностворчатых маленьких дверей, ввел в жарко натопленную маленькую

каморку с широкою из украшенных синими разводами изразцов печью с лежанкой.

Маленький человек с пышными волосами набожно перекрестился на висевшие в углу с горевшей перед ними лампадой образа и, ласково глядя на гостя, негромко произнес:

— Ну вот вы и у меня!.. Милости прошу.

— Так это вы и есть Авель? — удивился Чи-гиринский, и ему невольно пришло в голову, что этот маленький человек с большими волосами гораздо более похож на Авессалома, чем на Авеля. — Вот какой странный случай! — добавил он.

— Это вы насчет того, что я вас встретил? — проговорил Авель. — Так тут никакого случая нет. Я ждал, что вы придете ко мне, потому что нужно было, чтобы вы пришли.

— Вы меня ждали? Но ведь вы меня не знаете и никогда не видели!

— Да, я вас не знаю, то есть не знаком с вами и никогда вас не видел, а все-таки ждал и настолько был уверен, что вы должны прийти, что вышел навстречу к вам к воротам. Ну, да суть не в этом, а в том, что вам от Господа дана огромная сила. Почему это так — не нам

с вами судить — пути Господа неисповедимы, а только берегитесь, чтобы не погибнуть.

Авель говорил так просто, что явно было, что он не желал производить никакого впечатления, а говорил только то, что считал серьезным и важным.

И Чигиринский, недоумевавший, когда шел сюда, как ему заговорить с Авелем и с чего начать, сразу увидел, что все сомнения у него отлетели, и с первых же слов Авель начинает разговор, затрагивающий самую суть.

— Да, — согласился он, — я знаю, что не должен употреблять свою силу в личных целях и извлекать из нее выгоду для себя, а если сделаю это, то мне грозит гибель.

Авель пристально поглядел на него, как бы не то дивясь, что он так быстро понял, не то дожидаясь, не скажет ли еще чего-нибудь Чигиринский. Но тот замолчал. Поэтому заговорил Авель:

— Гибель не в этом, то есть не в этом существо ее, а в том, что не надо, чтобы тело брало верх над душой. Надо гнать от себя восторги телесные; это большой соблазн, охватит восторг — человек думает, что он над зем-

лей возносится, ан глядь, это телесный восторг, а тело-то из земли создано и есть земля, и к ней человека тянет.

— Так что же? Значит, мне оставить увлечение женщиной? — спросил Чигиринский, давая этим вопросом понять, что он, в свою очередь, понимает значение для себя вещей слов прорицателя.

Тот как-то неопределенно покачал головой.

— Уж что вам делать, вы сами будете знать, а только помните, что надо для души жить и тело свое ей подчинять, не давать, чтобы верх на его стороне был.

— Но для этого мне надо иметь определенную цель, знать свое предназначение, — произнес Чигиринский. — Я так полагал, что уже исполнил свое дело, и исполнил совсем бескорыстно, потому что никто не знает об этом, даже и сам государь.

— Служите, служите государю-царю! — вдруг, блеснув глазами, вдохновенно произнес Амель. — Будьте верным слугою ему, он нуждается в этом. Вокруг много зла и всякой нечисти; надо беречь государя, а сам он не бе-

режется, не исполняет прямых указаний.

— Прямых указаний? Каких?

У Чигиринского на миг явилось сомнение, не делал ли Авель каких-нибудь предостережений императору, на которые тот не обратил внимания, и недоволен ли именно этим Авель. Но это сомнение сейчас же бесследно исчезло. Нет, Авель не о себе говорил.

— Императору Павлу, — пояснил он, — было знамение, чтобы он выстроил собор архистратига Михаила, а он на этом месте стал строить замок, дворец, жилище, правда, с церковью Михаила-архангела, но и с театральным залом!

Х

Авель упоминал о хорошо всем известном случае, послужившем основанием для начала постройки Михайловского замка. Часовому, стоявшему у старого летнего дворца, явился в лучезарном свете Михаил-архангел и велел идти к государю и доложить, чтобы тот немедленно начал строить на этом месте церковь.

Когда государю доложили об этом, он ответил:

— Я знаю.

Что послужило поводом к такому ответу со стороны государя и было ли и ему какое-нибудь явление, осталось неизвестным, но только Павел Петрович действительно с невероятной быстротой приступил к постройке на месте бывшего Летнего дворца, возведенного Анной Иоанновной, нового замка, названного Михайловским.

Это был замок с церковью, но не церковь, как было сказано в видении часовому.

— И это принесет ему смерть, — проговорил Авель. — Царствование его кончится в этом замке, и так скоро, как не ожидают. Руки злодеев еще не подняты, но уже поднимаются. Ах, зачем он не бережет себя!

— Но, может быть, его можно предупредить, спасти?

— Уж если он не послушал прямого явления, так что же наши человеческие предупреждения?

— Но, зная это, нельзя же оставаться спокойным и бездеятельным! — воскликнул Чиgirинский.

— Да, ты знаешь теперь, — подхватил

Авель, — и не оставайся бездеятельным, на то дана тебе сила: будь слугой царю.

— Хорошо, только все-таки я бы желал знать, как мне быть и что делать. Мысли у меня затемнены и рассеянны; я не могу найти пути в себе...

— А ты хочешь этого? Да? Ну, тогда соблюди себя; главное, прежде всего над собой поработай!

— Хорошо. Я готов от всего отказаться, лишь бы это послужило на благо.

— Будет ли благо или нет, этого никто сказать не может! Одно только верно, что зла не будет, то есть зла для самого тебя, а и это уже много, очень много.

— То есть что же? Значит, своей службой государю я не принесу пользы?

— Судьбы Господни не в наших руках, а все-таки мы должны исполнять, что довлеет нам. Слушай, что я скажу тебе: смирай себя, берегись змея гордости, а таланта своего не зарывай в землю. Смирись, сложишь и поезжай!

— Ехать? Куда же мне ехать? — переспросил Чигиринский, удивляясь, что Авель под-

сказывает ему то, что было у него самого на уме и что он не хотел сделать только вследствие своей встречи с красивой полькой.

— Да, смири свою гордыню и поезжай! — подтвердил Авель. — Не думай, что я, мол-де, такой, что всякий искус выдержу, ибо силы у меня таковы. Это великий соблазн. Не надо поддаваться ему, а бежать, бежать от него...

— Куда же ехать?

— В чужие края, к немцам; от тех, которые из них ученые, научишься тому, что не открыто еще тебе. Уезжай на три года, сократи себя!

Пораженный этим точным среди неясных слов указанием времени, Чигиринский широко открыл глаза.

— Уехать на три года, когда здесь нужна моя служба? — воскликнул он. — Уж это я совсем понять не могу!.. Как же это так?

— Служба твоя понадобится через три года; если ты сможешь что-нибудь сделать, то только через три года, а пока жди, смиряйся и, если надо терпеть, терпи. О себе не спрашивай! Не надо, не надо! — вдруг замахал руками Авель, как бы перебивая самого себя. —

Положись на волю Божью, а теперь поезжай! Ровно через три года приезжай назад, будет дело. Не бойся, что долго ждать... Сто лет еще будем ждать... через сто лет будет великая битва с немцами, а потом, Бог даст, с Его благодатью будет построен на указанном свыше месте храм Михаила-архангела... Бедный, бедный Павел!.. — несколько раз повторил Авель, как бы раздумывая вслух, и вслед за тем другим, обыкновенным голосом обратился к Чигиринскому: — Ну, а теперь идите, поговорили!.. Довольно! Простите, если что сказал неладно или не так. Простите грешного!

XI

Авель опять проводил Чигиринского до ворот, и тот, только сев на извозчика, ждавшего его, вспомнил, что, прощаясь, не дал ничего прорицателю, но сейчас же отогнал эту мысль, поняв, что это не надо было делать.

«Нет, не надо!» — повторил он себе, чувствуя необыкновенную душевную легкость и умиленность после беседы с Авелем.

Вспоминая ее, фразу за фразой, Чигиринский видел, что ничего нового, из ряда вон выходящего не было ему сказано. Таких по-

учений говорилось много, и все это он сам знал и прежде, но никогда до сих пор не вникал в сокровенный смысл этих поучений, не углублялся в них, а теперь вдруг понял, сколько тут было глубины, словно открылся перед ним совершенно новый, неведомый мир. И ему стало очень хорошо.

По мере того как он медленно подвигался на извозничьей клячонке, мысли его приходили все в большую и большую ясность, и наконец, подъезжая к дому, он совершенно точно и определенно сознавал уже, что действительно ему нужно ехать и что это будет удобно во всех отношениях.

Дома у себя на столе он нашел сложенную записку на синей бумаге, запечатанную, по видимому, перстнем с масонским треугольником.

Записка была адресована на его имя.

Чигиринский поморщился и с недовольным видом взял записку и распечатал ее. Надпись на адресе была сделана измененным почерком, но сама записка была написана нескрываемой женской рукой и очень поспешно: «Пусть мы больше не увидимся, но

как можно скорее уезжайте из Петербурга. Здесь вам угрожает серьезная опасность».

Чигиринский, продолжая хмуриться, задумался.

Печать на записке свидетельствовала об источнике, из которого она происходила. Вместо подписи стояла одна только буква «Р».

Что же это было? Действительное предупреждение или какая-нибудь ловушка?

Чигиринский обезопасил себя от собиравшихся у Поливанова главарей, но не знал, существовали или нет в Петербурге еще масоны, посвященные в высшие степени и способные заинтересоваться его деятельностью.

Записка говорила о грозящей опасности, и первым чувством, которое испытал Чигиринский, были задор и неременное желание побороть эту опасность.

«Если так, — мелькнуло у него в голове, — тогда посмотрим, кто кого! »

Но только тут же сразу рождалось недоумение: как же это так? Если масоны желали строить ему козни, то зачем же им предупредить его об этом? Очевидно, в масонской среде у него был друг, который счел своим

долгом предупредить его.

Клавдий сейчас же произвел строгое расследование среди прислуги о том, кто принес эту записку, но прислуга вся единогласно заявила, что никто не приносил.

«Нимфодора! » — вспомнил и сообразил Чигиринский.

По расспросам оказалось, что один из лакеев видел, как, действительно, бывшая приживалка прежней владелицы дома входила в комнату Чигиринского.

Для Чигиринского связь Нимфодоры с доктором-немцем, масоном Пфаффе, была установлена, и этого было вполне достаточно, чтобы найти должную нить.

«Ну что же, тем лучше! — повторял он себе. — Посмотрим! »

И он уже составлял себе план действий, как вдруг ему вспомнились слова Авеля: «Смирись, не поддавайся искушению! »

Да, именно гордость, самодовольство заставляли его остаться для того, чтобы принять вызов опасности с твердой уверенностью в своих силах, то есть что никакая-де опасность ему не страшна, вот он какой чело-

век!

И, сознав это, Чигиринский почувствовал в себе омерзение и, как бы в наказание за свою слабость, тут же решил оставить записку совсем без внимания и действовать так, как будто ее вовсе не было. Раньше он решил ехать из Петербурга за границу, значит, надо было остановиться на этом решении и привести его в исполнение, а во всем пусть будет воля Божья.

Чигиринский поднялся наверх к обеду и ни сестре, ни Проворову ничего не рассказал ни об Авеле, ни о записке, заявив только, что едет за границу.

Проворовы поняли, что он решил покончить историю с полькой, оборвав ее своим отъездом, и не стали расспрашивать, не считая себя вправе делать это, раз молчит сам Чигиринский. Да и они сами вздохнули свободно, когда это решение было принято, потому что с отъездом Чигиринского они могли тоже оставить Петербург и вернуться к себе в Крым.

Ровно столько времени, сколько потребовали приготовления к отъезду и формально-

сти для выезда за границу, оставался еще Чи-
гиринский в Петербурге, а затем один, без по-
путчиков, в зимнем возке выехал на три года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Прошло три года. Стоял ноябрь месяц, и Чигиринский подъезжал к знакомому дому Проворовых, возвращаясь из заграничного путешествия.

Он, и прежде часто и подолгу ездивший за границу, теперь пробыл там все три года, по преимуществу в Германии, переезжая из одного города в другой и занимаясь в различных библиотеках, делая иногда большие переезды для того лишь, чтобы достать какую-либо книгу.

С сестрой и Проворовым он поддерживал переписку, сообщал им сведения о себе и получал от них известия. Они списались и условились встретиться в Петербурге, куда Проворовы повезли старшего сына в кадетский корпус. Когда подъехал Чигиринский, они уже два месяца с лишком жили в Петербурге, отдав своего мальчика в корпус с осени.

В доме ничего не изменилось. Чигиринский нашел свои комнаты совершенно в том же виде, как оставил их, и они живо напо-

нили ему его последнее, недолговременное пребывание в столице.

Встреча была самая радостная. Проворов искренне любил приятеля, а сестра даже сама не знала, что так обрадуется его приезду. Она пополнела немного, но оставалась все такой же красивой, как была.

Чигиринского они нашли несколько похudevшим, как бы высушенным, и в манерах у него, и в лице, в особенности в появившихся складках губ, чувствовалось, что молодость его прошла и что он уже вступил в тот возраст, когда мужчина становится солидным.

Он привез всем чудесные подарки, и при первом свидании разговор шел урывками, касаясь главным образом мелочей и личной жизни. Только вечером, когда дети пошли спать, Проворов, закурив в кабинете с Чигиринским трубки, вопросительно глянул на него и проговорил:

— Ну что? Как же дела?

— Еще ничего не знаю, дай оглядеться в Петербурге, — раздумчиво ответил Чигиринский. — Ты уже тут, верно, повидал кого-нибудь и знаешь, что здесь делается?

— Да что же, я вижу только кое с кем из бывших наших! — ответил Проворов, подражывая под «нашими» бывших из их однополчан-конногвардейцев.

— Ну и что же?

— Да, на мой взгляд, очень тяжело.

— Так это правда, что всем вертит и орудует прежний барон Пален?

— Да! Теперь он графом стал! — подхватил Проворов. — А ты уже знаешь о нем?

— Я знаю, что этот граф Пален — несомненный агент прусского правительства!.. — чуть слышно произнес Чигиринский, наклоняясь к самому уху приятеля. — Только, конечно, об этом ни слова!

— Ты знаешь это наверное?

— У меня есть к тому серьезные данные, но, конечно, надо их проверить.

— Будь осторожен, граф Пален теперь военный губернатор Петербурга и держит его буквально на осадном положении. Шпионство развито до безобразия! Меня в полку так прямо и предупредили об этом. По вечерам, в девять часов, на улицах ставят рогатки, через которые пропускаются одни доктора да пови-

важные бабки, больше никто.

— Значит, немец делает что хочет?

— Старики сравнивают нынешнее время с бироновщиной и говорят, что, пожалуй, теперь хуже и — главное — теперь во всем виноват самого государя, потому что Пален распоряжается его именем.

— Значит, это действительно хуже бироновщины, потому что тогда немец Бирон творил бесчинства, но, по крайней мере, от своего имени, а теперь граф Пален остается в стороне.

— Просто ума нельзя приложить, каким образом завладел он государем! Представь себе: Нелидова удалена от государыни, все преданные Павлу Петровичу люди тоже удалены! Растопчин, Аракчеев — никого нет!.. Один Кутайсов, но он так недалек, что его присутствие ничему помочь не может.

— Да! — протянул Чигиринский, все более и более хмурясь. — Если уж Растопчина и Аракчеева нет, тогда дело плохо! На одного Кутайсова надежды мало! Но об этом я не знал! Это, значит, самая недавняя новость.

— У нас новости каждый день, и слухи но-

сятя самые невероятные. В воздухе такое напряжение, что верят всякому вздору.

— Немцы работают! — воскликнул Чигиринский, как бы отвечая не столько тому, что говорил Проворов, а своим роившимся мыслям. — Ты знаешь, — продолжал он, — я вот три года прожил среди них, видел их близко и прямо могу сказать, что бессердечнее народа нет.

— Однако они довольно ловко умеют устраивать свои дела!

— Ах, эта ловкость! — с раздражением произнес Чигиринский. — Какая-то низменная, пошлая, скорее, хитрость дикого зверя! Немец может орудовать до тех пор, пока не верят, что человек может проделывать то, на что способен немец. А нам-то, русским, следовало бы распознать наконец этих господ! Одного Бирона нам довольно. А разве один Бирон портил нам жизнь? Вот уже около ста лет, как всюду и везде у нас немец! Немудрено, что дожили до Палена. Ну да, впрочем, пока будет о нем! Дай мне оглядеться в Петербурге, а там посмотрим.

И Чигиринский задумался, грустно глядя с

потухшей трубкой в руке на догоравшие уголья слабо тлевшего камина.

II

Роль графа Палена при императоре Павле Петровиче вполне выяснена и доказана не только вполне точными историческими данными, но и в собственном его признании, изложенном до наглости откровенно в его разговоре с графом Ланжероном. Ни один историк еще не назвал этого господина его настоящим именем — предатель.

Граф Пален не только был по отношению к Павлу I предателем, но и откровенно хвастался этим и до сих пор еще не получил должного возмездия.

Эта снисходительность исторических изысканий по отношению к такого типа предателю, каким был граф Пален, может быть объяснена только тем, что наши научные изыскания до сих пор носили несомненный след немецкой учености, а она щадила немца Палена и если не вполне оправдывала его поступок, то, во всяком случае, находила ему извинения.

Для того чтобы извинить Палена, не жале-

ли теней для очернения императора Павла, и нет той сплетни, нет той клеветы, которые не были бы взведены с этой целью на несчастного императора.

Пален искусно удалил от императора Павла I всех преданных ему лиц и собрал шайку сообщников себе из людей, совершенно недостойных, подобных братьям Зубовым. В качестве военного генерал-губернатора он делал все возможное, чтобы возбудить недовольство против императора и затем с братьями Зубовыми и еще несколькими негодьями играл первенствующую роль вплоть до последнего дня царствования Павла Петровича, то есть его кончины.

Чтобы судить, что за человек был граф Пален, достаточно привести его собственный рассказ в откровенном разговоре с графом Ланжероном.

Чтобы снова увидеть в Петербурге троих братьев Зубовых, удаленных в деревню под надзор полиции, а также графа Беннигсена, Пален в ноябре 1800 года решил действовать.

«Я решил воспользоваться одной из светлых минут императора, когда ему можно бы-

ло говорить все что угодно, чтобы разжалобить его насчет участи разжалованных офицеров, — рассказывал впоследствии он сам графу Ланжерону. — Я описал ему жестокое положение этих несчастных, изгнанных из своих полков и высланных из столицы, которые видели карьеру свою погубленной, а жизнь — испорченной, умирающих с горя и нужды за проступки легкие и простительные. Я знал порывистость Павла во всех делах, я надеялся заставить его сделать тотчас же то, что я представил ему под видом великодушия. Я бросился к его ногам. Он был романтического характера, имел претензию на великодушие, во всем любил крайности... Два часа спустя после нашего разговора двадцать курьеров уже скакали во все части империи, чтобы назад, в Петербург, вернуть всех сосланных и исключенных со службы. Указ, дарующий им помилование, был продиктован им самим императором».

И как будто бы для того, чтобы не осталось сомнения в его предательстве, Пален с неизъяснимым цинизмом добавляет:

«Тогда я обеспечил себе два важных пунк-

та: заполучить Беннигсена и Зубовых, необходимых мне, и второе — еще усилить общее ожесточение против императора. Я изучил его нетерпеливый нрав, быстрые переходы его от одного чувства к другому, от одного намерения к другому, совершенно противоположному. Я был уверен, что первые из вернувшихся офицеров будут приняты хорошо, но что скоро они надоедят ему, а также следующие за ними. Случилось то, что я предвидел. Ежедневно сыпались в Петербург сотни этих несчастных, каждое утро подавали императору донесения с застав. Вскоре ему противела эта толпа прибывающих, он перестал принимать их, затем стал просто гнать и нажил себе таким образом непримиримых врагов в лице этих несчастных, снова лишенных всякой надежды и осужденных умирать с голода у ворот Петербурга».

Вполне достаточно приведенного отрывка собственного, подлинного признания графа Палена для обвинения его в предательстве.

В самом деле, он, обласканный императором Павлом, возведенный им до графского достоинства включительно, имевший огром-

ную власть в качестве военного генерал-губернатора Петербурга, то есть почти диктаторскую, употребляет свое влияние и власть на создание шайки заговорщиков и на то, чтобы, как он сам выражается, «усилить общее ожесточение против императора». Просто подумать страшно: человек получил от государя власть и усиливает общее ожесточение против царя, вместо того чтобы по своей должности, обязанности и присяге оберегать его.

Для всякой другой национальности это было бы чудовищно, но граф Пален действовал как «добрый немец». Политика императора Павла шла под конец его царствования вразрез с видами и желаниями Пруссии, и в действиях графа Палена нельзя видеть ничего, кроме желания доброго немца служить политическим видам забиравшего тогда силу и политическую мощь прусского государства.

Пора же сказать о нем настоящее слово, которое он заслужил своим поведением, — «предатель».

III

На другой день после своего приезда Чиги-

ринский начал свое расследование, как он мысленно называл это.

Первым делом он отправился в Александро-Невскую лавру, чтобы повидать Авеля или узнать о нем какие-нибудь сведения. Но Авеля он не видел и сведений о нем никаких не узнал. На все его расспросы в монастыре уклончиво, робко озираясь, отвечали, что не знают, где Апель, да его хорошенько и не помнят. Правда, жил, дескать, когда-то какой-то, но куда он делся — неизвестно, и никакого Авеля в лавре нет.

Потерпев эту неудачу с первого шага, Чиgirинский невольно вспомнил примету азартных игроков: «Если первая карта бита, то за этим непременно последует в конце концов выигрыш».

Ему, между прочим, хотелось также одним из первых дел выяснить, кто был тот друг в масонской среде, который прислал ему записку, предупреждающую об опасности перед его отъездом три года назад из Петербурга. Этот друг теперь мог быть ему полезным.

Он пропал из дома на целый день и вернулся поздней ночью, несмотря на заставляе-

мые рогатками с девяти часов вечера улицы. А на следующее утро он опять рано ушел.

В этот день Проворову подали записку «от господина Чигиринского», как ему доложил лакей. Чигиринский писал, что «податель сего Август Крамер, доктор философии, с которым он познакомился за границей, желал бы повидать и узнать русскую жизнь и потому Чигиринский просит Проворова заняться им».

— Эту записку кто принес? — спросил Проворов.

— Господин, прилично одетый. По-русски понимает плохо, — ответил лакей.

— Значит, все-таки понимает?

— Нет. Даже можно сказать, вовсе ничего не понимает.

— Ну, хорошо! — решил Проворов. — Попроси наверх, ко мне в кабинет.

Август Крамер оказался коренастым человеком среднего роста, типичной немецкой складки.

— Имею честь представиться, — заговорил он на немецком языке.

Проворов плохо мог изъясняться по-

немецки и, стараясь заменить недостаток слов любезностью выражения и улыбок, ответил, что он очень рад и все прочее. Он пригласил гостя сесть, тот скромно опустился на стул и попросил запереть дверь на ключ, потому что ему, по поручению господина фон Чигиринского, надо сказать господину Проворову несколько слов под большим секретом.

Когда просьба его была исполнена, Крамер пригнулся к Проворову и тихо произнес по-русски голосом Чигиринского:

— Так, значит, я хорошо преобразился, если и ты не узнал меня?

Проворов смотрел во все глаза и не верил им. Он знал умение приятеля изменять свой облик и знал, что тому известны все способы, каким образом переодеваются самые опытные в этом люди, но, если бы не слышал подлинного голоса Чигиринского, он прозакладывал бы все что угодно, что сидевший теперь против него человек был настоящий немец, ничего общего не имеющий с отставным конногвардейцем.

— Да неужели же это ты? — воскликнул он. — Да когда же ты успел переодеться?

— Ну, это нетрудно! — сказал Чигиринский. — Видишь ли, под этим обликом Августа Крамера я часто хаживал и в неметчине, когда мне надо было появляться в чисто немецкой среде. Сегодня утром я вышел из дома, закутавшись в плащ, так что никто из прислуги не мог разобрать, что вместо меня вышел немец, а затем купил себе в Гостином дворе готовую шубку, надел ее в магазине, вот тебе и весь сказ! В своем виде теперь мне неудобно являться в Петербурге, и все бумаги на имя Августа Крамера у меня в совершенном порядке.

— Так что, ты будешь жить у нас под видом приезжего немца? — сообразил Проворов.

— Это было бы, пожалуй, неосторожно.

— Согласен. Так что же ты намерен делать?

— С помещением я уже устроился: я нанял комнату тут поблизости, у доктора Пфаффе, к которому имел рекомендательные письма от германских масонов.

— Ну а вещи? Как же ты с вещами поступишь?

— Едучи сюда от заставы, я оставил сундук с вещами Августа Крамера на заезжем дворе. Сегодня съезжу туда, возьму сундук и перевезу его на квартиру Пфаффе.

— Так что, ты явился в Петербург, уже заранее все обдумав?

— Ну, тут обдумывать долго не пришлось! Все это очень просто.

— Так что, теперь прощай Чигиринский?

— И здравствуй Август Крамер! — рассмеявшись, весело воскликнул Чигиринский.

— Ну, а к нам-то ты будешь заходить?

— Ну да, смотря по надобности. А ты дай на всякий случай знать полиции, что я уехал в глубь России. А теперь нам надо условиться относительно общего положения, в котором я более или менее уже разобрался.

Проворов приготовился слушать, поудобнее сев в кресло.

IV

— Видишь ли, — продолжал Чигиринский, — в Пруссии теперь царствующий король Фридрих Вильгельм III ненавидит Францию всей душой. Боится ли он республики или органически не выносит характера фран-

цузов, но только ни за что не хочет согласовать свою политику с видами первого консула Наполеона, а, напротив того, делает все возможное, чтобы противодействовать им. Сам Фридрих особенно умом не выдается, но заслуживает уважения: роскошь он не любит, ведет довольно скромный образ жизни, и немецкие бюргеры довольны им как королем. Политику же, я говорю об иностранной политике, ведет Гаугвиц, человек ума и энергии, стремящийся к величию немецкого народа и желающий добиться его во что бы то ни стало. Для этого он не будет пренебрегать никакими средствами. Все они воображают, что обязаны продолжать дело Фридриха Великого.

— Вот я думаю иногда, — перебил Проворов, — в чем, собственно, заключается величие этого «великого» Фридриха? Исключительно только в одной удаче. Поистине — можно сказать — везло ему, и больше ничего! Хотя бы взять Семилетнюю войну: кажется, совсем ему была крышка, даже Берлин был занят нами, словом, будто все пропало, и вдруг смерть государыни Елизаветы Петров-

ны. И единственно по капризу Петра Третьего, преклонявшегося перед гением прусского короля, мы кончаем войну, отзываем наши войска из Берлина и восстанавливаем Пруссию во всей ее неприкосновенной прелести!

— А ведь ты прав! — согласился Чигиринский. — В самом деле, ведь мы были в Берлине господами положения и вдруг как-то так по-глупому ушли назад!.. Конечно, это наши внутренние немцы причиной этому. Ведь и до сих пор мы не можем отделаться от них, и теперь идет в Петербурге работа в пользу Пруссии.

— Неужели ты считаешь графа Палена способным передаться пруссакам?

— Да что же ему передаваться? Ему и незачем это делать! Он как был, так и остался немцем, больше ничего.

Граф Пален — добрый немец, действующий на пользу отечества и своего короля, который со времен этого Фридриха Великого сидит для каждого немца в Берлине. Конечно, никакого особенного личного величия в нем не было! Весь ум его заключался в цинизме и в доходившей до наглости смелости отрица-

ния. А вся деятельность его сводилась к самому беспросветному немецкому себялюбию. Вся политика Пруссии — сплошной эгоизм, и он поддерживается и теперь, не зная ни Бога, ни совести.

— Но все-таки Пален ведь на русской службе!

— И на русской службе каждый немец служит одному только этому самому немецкому эгоизму. Понимаешь ли, положение теперь таково, что политика России не только не одобряется в Берлине, но там прямо рвут и мечут против императора Павла.

— Не понимаю почему? Ведь мы их не трогаем и никаких покушений на прусские земли не делаем! Что у нас Прибалтийский край — так ведь его государь получил по наследству, и прибалтийские земли уж столько времени в нашем владении, что пора немцам привыкнуть к этому.

— Ну, к этому они никогда не привыкнут!

— Да ведь постой: в Прибалтике немцы были только насильниками. Это не природный их край. Там эсты, латыши; немцы только их захватили для того, чтобы давить местное на-

селение.

Чигиринский махнул рукой:

— Все это известно. Но немцы, раз что загребли себе в лапы, уже считают своим неотъемлемым, и завоевание нами Прибалтики они никогда не простят нам. Но в настоящее время дело не в ней. Раздражение прусского двора против государя началось с его отношения к польскому вопросу. В Берлине испугались слов императора Павла о том, что он желает восстановить Польшу. Понимаешь, ведь от Пруссии пришлось бы тогда оторвать солидный кусок.

— Но ведь государь, кроме вызова в Петербург бывшего польского короля, ничего не сделал в смысле приведения в исполнение своих слов. Мало того, он даже сам объяснял, что восстановить Польшу считает делом справедливым, но сделать это не может, потому что это зависит не от него одного.

— Да, но все-таки это угроза, которая уже не так неосуществима, как кажется, и в Берлине понимают это и боятся.

— Ты говоришь, осуществима? Каким же образом?

— А сношения наши с Францией? Франция в Европе — естественная наша союзница, потому что наши интересы только совпадают и отнюдь не противоречат друг другу. Государь с необыкновенной мудростью завел сношения с первым консулом Французской республики Наполеоном.

— Ты думаешь, из этих сношений может выйти что-нибудь?

— Несомненно, они укрепятся союзом, потому что это естественно. Что государь ведет эту политику неспроста и не случайно, видно уже из того, что он, самодержавный монарх, при всем отвращении своем к революции, вошел в дружеские сношения с представителем республиканской власти, вопреки всем пропискам и стараниям немцев, как наших домогоченных, так и заграничных. Немцы, кажется, исчерпали все свое влияние для того, чтобы помешать этому.

V

— А ты имеешь какие-нибудь данные к тому, что граф Пален в сношениях с прусскими властями? — спросил Проворов у Чигиринского.

— Прямых и непосредственных данных для этого у меня нет, — ответил тот, — но целый ряд указаний и несомненных улик, которые я имею, указывают не только на его сношения, но и на прямую связь. По крайней мере, он осведомляет Берлин собственноручными записочками, привозить которые из Петербурга поручает курьерам вместе с дипломатическими депешами. Таким образом, в Пруссии, кому следует, известно все до мельчайших подробностей, что делается в Петербурге. Нет, несомненных, прямых доказательств у меня нет, иначе, конечно, я не молчал бы, а давно изобличил бы этого графа Палена, но лично я уверен непоколебимо, что он — не что иное, в сущности, как агент в России немецкого правительства.

— То есть как? За деньги?

— Ну, этого я не думаю, потому что получает он достаточно и в России. А впрочем, кто их разберет, этих немцев? Они ведь расчетливы! Головы не дам на отсечение, что он и денег не получает из Берлина.

— Да, но ты сам говоришь, что немецкие происки остались до сих пор безрезультатны-

ми, значит, нечего опасаться и на будущее время.

— Как нечего опасаться? В том-то и дело, что они такой народ, который ни перед чем не остановится.

— Кто это — они? — переспросил Проворов, не поняв.

— Немцы. Убедившись, что влиянием и интригой ничего добиться нельзя, они, того гляди, перейдут от слов к делу.

— Что ты под этим подразумеваешь? Неужели ты допускаешь, что они могут дойти до насилия?

— Очень просто. От них можно ожидать всего, до насильственных действий включительно.

— И граф Пален, по-твоему, может решиться на крайние средства?

— А его теперешнее поведение разве не есть прямое приготовление этих крайних средств? Вы все тут в Петербурге заняты мелочами и из-за деревьев, что называется, не видите леса, а между тем генерал-губернатор, действуя именем государя, явно создает против него недовольных. Скажи, пожалуйста,

как ты думаешь, если бы он не рассчитывал наверняка, действовал ли бы он подобным образом?

— Но ведь это же ужасно!

— Разумеется, ужасно. Я знаю из достоверного источника, что указ о возвращении Зубовых — его рук дело.

— Зачем же ему нужны Зубовы?

— Зубов и его братья озлоблены против Павла Петровича, а мы с тобой знаем характер князя Платона, мстительный и неизменно мелочный. Он пойдет на всякую гадость. А Палену все-таки нужно, чтобы среди его сообщников были русские имена.

— Да, все это чрезвычайно важно и очень серьезно, — проговорил Проворов, невольно взглянув на дверь как бы для того, чтобы убедиться, заперта ли она. — Я и сам чувствую, что сидеть сложа руки нельзя, надо действовать. По-моему, необходимо сейчас же отправиться в полк и через старших довести обо всем до сведения великого князя.

Для Чигиринского было понятно, что Проворов говорит о бывшем их Конногвардейском полке, которым командовал великий

князь Константин Павлович. В верности присяге и преданности государю всех чинов полка, от младшего до старшего, он не сомневался.

— К несчастью, у нас нет для этого достаточных данных! — возразил он. — Надо сначала добыть их!

— И ты думаешь успеть в этом?

— Надо постараться добиться во что бы то ни стало. Попробую приглядеться к тому, что делается в масонских кругах.

— Ну а масоны при чем тут?

— Видишь ли, во Франции и Англии масоны имели довольно значительную силу, в особенности в Англии; во Франции же, как тебе известно, они приписывают себе главную деятельность во Французской революции, так что там они на самом деле влияют на правительство или, может быть, делают только вид. Ну а в Пруссии другое дело: там правительство, не обинуясь, взяло масонские организации в свои руки, и прусские масонские ложи — не что иное, как тайные органы немецкой же власти.

— А поляки?

— Польские масонские ложи теперь преданы исключительно оккультным наукам, убедившись, что их деятельность политическая ни к чему хорошему не привела, а способствовала лишь партийной розни и полному крушению королевства. Но здешние масоны-поляки соприкасаются с немецкими, и вот на них я надеюсь до некоторой степени. — Чигиринский посмотрел на часы и, внезапно преобразаясь снова в немца, не своим, а измененным голосом произнес по-немецки: — Однако мне пора, а то господин Пфаффе может подумать, что я неаккуратен.

И он стал прощаться с Проворовым.

— Когда же мы увидимся? — заинтересовался тот.

— Не знаю, авось, Бог даст, скоро.

— Я буду ждать все время дома; в случае, если нужна будет моя помощь, я готов всей душой.

— Поцелуй за меня сестру и кланяйся ей! — уходя, шепотом сказал Чигиринский.

VI

Чигиринский, поселившись под именем Августа Крамера у доктора Пфаффе, очень

быстро сошелся с ним, разыгрывая в совершенстве немца.

Три года, проведенные им безвыездно среди немцев, прошли для него не даром в смысле отличного изучения их повадок и обычаев. Кроме того, он привез доктору безукоризненные о себе рекомендации от немецких масонов и, сам посвященный в масонские тайны, производил на него большое впечатление, внушающее безусловное доверие.

Доктор Пфаффе считал себя большим знатоком людей и видел в своем жильце серьезного человека, посвященного в гораздо высшую, чем он, доктор, масонскую степень. Даже оставаясь наедине, Пфаффе подымал палец и сам себе произносил вслух:

— О-о! Это человек! Да, это есть человек!..

Он заявил Крамеру, что все его знакомства к его услугам, и, когда тот попросил познакомиться его с кем-нибудь из польских масонов, он сбегал к старому Риксу и вернулся с известием, что пан Рикс просит их обоих прийти к нему на другой день завтракать.

Бывший польский король Станислав Понятовский уже умер и был с царскими почестя-

ми похоронен в Петербурге, а его камердинер Рикс остался жить в русской столице частным человеком на свой капитал, который он нажил на службе у Понятовского.

Рикс был богатым человеком и мог устроить свою жизнь в полном довольстве. Жил он на Невском проспекте, в доме католической церкви.

Чигиринский, переодетый Крамером, и доктор Пфаффе отправились пешком, потому что день стоял солнечный и слегка только морозный, один из тех ясных зимних дней, которые редко бывают в Петербурге.

Пфаффе жил недалеко от дома Проворова, и им пришлось пройти мимо этого дома.

Чигиринский невольно оглядел окна и замедлил шаги.

— Вам знаком этот дом? — спросил Пфаффе.

— Да, — прямо ответил Чигиринский. — Я знаю, что здесь должны жить люди, неприятные братьям-масонам.

— Вам известно это? Но откуда же?..

— На этот дом мне было указано нашими заграничными братьями в Берлине, за ним

нужно следить, и это поручено, между прочим, вам, господин Пфаффе, если не ошибаюсь?

— О да! — подтвердил не без некоторого самодовольства Пфаффе. — За этим домом я слежу очень внимательно.

— У вас там есть кто-нибудь свой?

— Из братьев-масонов никого там нет, но есть одна старая приживалка, которой я плачу деньги, и она дает мне все сведения, которые мне нужны.

— Вы знаете всех обитателей этого дома?

— Да, я их лечу, то есть, когда им нужна помощь врача, они обращаются ко мне. Но опасен, собственно, не сам владелец этого дома и не жена его, а брат этой жены.

— Вот как? Чем же он опасен?

— В это я входить не могу, но только три года тому назад мне было поручено высшими братьями... — Пфаффе тут запнулся и продолжал, как бы нехотя выговаривая слоги:

— Ликвидировать его.

— Каким же путем?

На это Пфаффе ответил одним только словом:

— Сухим.

Чигиринский знал, что на особенном наречии «сухая ликвидация» означала, что человека отправили на тот свет без пролития крови.

— И вы бы рискнули это сделать? — равнодушно и вместе с тем строго спросил Чигиринский.

— Но это было необходимо.

— Как же вы это могли бы сделать?

— Конечно, сразу нельзя было; приходилось выждать удобного случая, он не замедлил бы, наверное, представиться, а тогда несколько капель в питье — и дело было бы кончено.

— А ответственность?

— Какая же может быть ответственность, если мне самому, как доктору, пришлось бы, вероятно, давать свидетельство о смерти?

Эти слова доктор Пфаффе произнес так бесстрастно, что посмотревший на него Чигиринский невольно удивился тому невинному и ясному виду, с которым шел рядом с ним этот немец Пфаффе.

«Да! — подумал он. — Этот человек глуп,

хитер и жесток и по своей глупости готов на всякую гадость. Масоны умеют выбирать нужных им людей. Этот доктор, вероятно, великолепен в роли отравителя. Интересно знать, многих ли он отправил на тот свет? »

— Теперь вы оставьте этот дом в покое, — проговорил Чигиринский, — я вас освобождаю от обязанности следить здесь. Ведь ваша «ликвидация» три года тому назад не удалась?

— Ну да! — поспешно стал оправдываться немец. — Этот человек так скоро тогда уехал из Петербурга и до сих пор не возвращался.

— А теперь?

— А теперь он вернулся, и я не знаю, как мне быть: должен ли я следовать данному мне три года назад указанию или у братства другие виды и предназначения?

— Ну вот я и освобождаю вас от этой заботы, дом Проворова я на себя беру.

— Ах, я этому очень рад! — произнес, по видимому совершенно искренне, Пфаффе. — Это все-таки неприятно!

Так что я завтра же предоставляю вам свою связь с этим домом, то есть познакомлю с

приживалкой и скажу, чтобы она уже обращалась к вам. Разумеется, значит, и деньги вы будете платить ей?

— Мне никакой приживалки не нужно, я сам вхожу в этот дом и, когда мне будет нужно, стану бывать там беспрепятственно. У меня к господину Проворову есть рекомендательные письма. Братство позаботилось об этом.

— Значит, все отлично! — обрадовался Пфаффе. — Главное, меня это тяготило потому, что я не знал наверное, как поступить, и боялся быть неаккуратным, а я больше всего боюсь быть неаккуратным, господин Крамер!

— О да! Вы добрый немец, господин Пфаффе! — произнес Чигиринский с чувством.

Теперь он знал, какова была та опасность, от которой предостерег его неведомый друг три года тому назад.

VII

Доктор Пфаффе так расхвалил Риксу Августа Крамера, что тот ждал их с большим интересом и удовольствием.

У Рикса в доме жила его племянница, дочь овдовевшей сестры его. Рикс любил ее, как родную дочь, и хотел приискать для нее соот-

ветствующую партию. Но все молодые люди, которых он знал до сих пор, не годились, по его мнению, в мужья для его прелестной племянницы. Он находил в ней всевозможные совершенства и непременно желал, чтобы муж ее соответствовал этим совершенствам.

Каждый раз, как ему приходилось узнавать о новом человеке, он невольно думал, не будет ли это подходящий жених, и потому очень охотно знакомился с людьми, которых ему рекомендовали с хорошей стороны. Пфаффе же дал такую рекомендацию господину Крамеру, что Рикс ждал его даже с некоторым любопытством.

Крамер, по словам Пфаффе, был, правда, не совсем молодой человек, то есть не молоко-сос, а солидный, уравновешенный господин, обладавший недюжинным умом и, несомненно, всеми добродетелями, которые только могут быть свойственны и безупречному масону. Несомненно также, что он располагает более чем достатком и что в будущем ему предстоит широкая карьера, на поприще которой он, несомненно, достигнет высоких степеней.

Рикс принял Пфаффе и его спутника в сво-

ем кабинете, и там они завели тихую, необыкновенно приличную беседу об отвлеченных предметах.

По обстановке кабинета, которая сделала бы честь любому средневековому алхимику, Чигиринский понял, что Рикс занимается поиском способа делать золото и предан этому до известной степени фанатизма. Достаточно было взглянуть на этот кабинет с ретортами, банками и старыми книгами в кожаных переплетах, чтобы сказать, что хозяин его проводит здесь долгие часы перед очагом, приготавливая снадобья, которые должны якобы решить проблему изготовления золота. Таким образом, нетрудно было найти о чем говорить с Риксом и как говорить, чтобы ему понравиться.

Чигиринский начал издали разговор об алхимии и выказал в нем такие знания, сообщив много интересных и остроумных сведений, что Рикс был уже в восторге от своего гостя, когда толстая, почтенная полька, сестра Рикса, пришла звать их к столу. Рикс с особенным удовольствием повел Пфаффе и Августа Крамера, представив его сестре, в столо-

вую.

Столовая была чисто выбеленная комната с белыми кисейными занавесками на окнах, двумя большими строгими гравюрами духовного содержания и простыми стульями с очень узкими высокими спинками, с решеткой из витых колонок. Стол был накрыт белой скатертью, сохранявшей еще ровные квадраты перегибов того, как она была сложена. Посуда на столе была самая простая, но ценная, старинная, и все тут — и комната, пол ее, мебель, занавески на окнах и сервировка стола — носило безукоризненный отпечаток чистоты и девственной свежести. Несомненно, здесь была видна женская рука.

Чигиринский взглянул и остановился. В дверь, противоположную той, в которую они вошли, одновременно с ними входила та самая паненка, которую он три года тому назад встретил на Неве, с которой танцевал краковяк на балу в Мраморном дворце у Станислава Понятовского. Чигиринский узнал ее с первого взгляда и видел, что она, взглянув на него, совершенно не узнала его.

Прежде всего это доставило ему удоволь-

ствие и послужило подтверждением того, что он так хорошо преобразился в немца Августа Крамера, а потом ему пришло в голову, как бы в утешение себе:

«Ну что же? Ведь не может же она три года помнить о какой-то мимолетной встрече!»

Он поглядел на девушку еще раз и окончательно убедился, что она не узнает его.

— Вот позвольте представить вам мою племянницу Рузю, — сказал Рикс.

Рузя церемонно присела Крамеру, тот отвесил ей вежливый поклон.

— Ну а с доктором Пфаффе ты уже знакома, — продолжал Рикс, с нежной ласковостью обращаясь к Рузе.

Та ничего не ответила и, едва удостоив доктора Пфаффе поклона, в продолжение всего разговора не проронила ни слова.

Рикс, его сестра и гости говорили по-немецки, а Рузя молчала, так что Чигиринский думал, что она не понимает этого языка. Но под конец завтрака она вдруг стала оспаривать с неожиданной для молодой девушки резкостью высказанное доктором Пфаффе мнение о том, что во имя долга нельзя совер-

шать преступление, потому что долг искупает всякое действие, направленное к его выполнению. В тоне возражений Рузи была та молодая раздражительность, которая ясно показывала, что она не любит Пфаффе и не только спорит против данных его слов, но вообще противоречит ему во что бы то ни стало, питая к нему враждебные чувства.

Старый Рикс посмеивался, делая вид, что ко всему, что говорила его племянница, нельзя, разумеется, относиться серьезно, но что все это очень мило с ее стороны.

А Чигиринский смотрел на нее и думал о том, что она стала красивее, чем была три года тому назад, что черты ее лица приняли более определенное выражение и что это очень шло ей. Она была в периоде полного развития девичества.

«Она не только хороша, но и умна!» — решил он и с удовольствием слушал страстные, но все-таки последовательные возражения Рузи доктору Пфаффе.

VIII

Вспоминая впоследствии этот свой завтрак у Рикса, Чигиринский все более и более

приходил к убеждению, что записку, предупредительную об опасностях, прислала ему Рузя. Прямых данных к этому у него, разумеется, не было никаких, но он всем своим существом чувствовал, что не ошибается.

Дядя Рузи принадлежал к масонам, и потому она могла так или иначе быть осведомленной о том, что делалось в кругах вольных каменщиков. Правда, это было не очень вероятно, потому что масоны едва ли бы охотно посвятили молодую девушку в свои сокровенные планы, но не невозможно: ведь Рузя могла как-нибудь случайно узнать о грозившей Чигиринскому опасности.

Но в дальнейшем все соображения окончательно спутывались. Каким образом Рузя, узнав случайно о грозившей Чигиринскому опасности, переслала ему записку при помощи того же самого доктора Пфаффе, который должен был явиться исполнителем злоумышления, как это уже знал Чигиринский? В том же, что записку доставил Пфаффе через Нимфодору, не могло быть сомнения.

Для того чтобы разъяснить эту путаницу, казалось необходимо, чтобы Чигиринский

увиделся с Рузей не под видом Августа Крамера, а в своем естественном виде. Но выполнить это было, пожалуй, еще труднее, чем разгадать происшедшее стечение обстоятельств. Кроме того, здесь был замешан личный его интерес, и он не считал себя вправе рисковать достижением поставленной себе общей цели ради этого личного интереса.

Но завязать теснейшую дружбу с Риксом было делом необходимым, и тут Клавдий без всяких колебаний постарался вступить со старым поляком в ближайшие отношения для того, чтобы узнать, как относятся польские масоны, к которым, несомненно, принадлежал Рикс, к императору Павлу и какое положение занимают они по отношению к нему.

Рикс с первого же знакомства с Августом Крамером, выказавшим столь солидные сведения в алхимии, остался от него в восхищении и стал приглашать его к себе уже не только как гостя, но и как помощника в алхимических изысканиях.

В скором времени они просиживали вместе за ретортами долгие часы, в продолжение

которых Чигиринский осторожно, отдельными брошенными как бы невзначай фразами выведal у Рикса настроение польских масонов.

Это настроение было не в пользу императора Павла. Польские масоны были возбуждены против него; явно они не хотели выказывать это, но общий тон господствовавшего среди них настроения был враждебен.

— Я одного не понимаю, — отчеканивая слова, спросил по-немецки Чигиринский, с неизменным искусством разыгрывая Крамера, — как вы, поляки, недовольны государем, который по отношению к вам был столь милостив и заявил себя прямо сторонником восстановления Польши?

Рикс, растиравший в это время какое-то снадобье каменным пестиком в каменной ступке, приподнял брови, и на его губах появилась та улыбка, с которой говорят очень осведомленные люди с лицами, не понимающими очень простых вещей.

— Конечно, император Павел выразил желание восстановить Польшу, — ответил он, — но ведь дальше этого желания он не пошел.

Те поляки, которых он освободил из плена, как Потоцкий и Костюшко, дали ему слово в верности и, вероятно, будут держать это слово, но нам, остальным полякам, любящим свое королевство, нет оснований держаться императора Павла.

— А кого же?

— Да хотя бы наследника его Александра Павловича.

— Значит, вы думаете выиграть при вступлении на престол наследника?

— А как же нет? Еще бы!.. Теперь, при страшной изменчивости характера императора, мы не можем быть спокойны за завтрашний день, когда нас всех может постигнуть участь любого, высланного совершенно без причины. Когда же взойдет на престол великий князь Александр, он явится настоящим благодетелем поляков.

— Вы в этом уверены?

— Ну еще бы! Ведь князь Адам Чарторыйский — первый друг великого князя и, конечно, станет его первым советником как государя. При Александре поляки займут такое же первенствующее положение, как теперь нем-

цы!

— Вернее, как теперь один немец — Пален!

— Ну, как же нам не желать скорейшего воцарения императора Александра Павловича?

Постоянное повторение того, что у Павла Петровича «изменчивый характер», стало в то время в Петербурге как бы условной фразой, произносимой на каждом шагу. Она была пущена в обращение во всех слоях общества, и Чигиринский постоянно наталкивался на нее.

Теперь он видел, что вождедения польских масонских организаций простираются дальше, чем можно было ожидать. Там, значит, прямо говорили о том времени, когда вступит на престол великий князь Александр, и желали скорейшего приближения этого времени. Даже масоны-поляки были врагами Павлу Петровичу.

Чигиринский видел, что эта вражда сеялась повсюду опытной и умелой интригой.

IX

Проворов с Еленой довольно долго ждали Августа Крамера. Наконец он пришел, как

обещал, и теперь они втроем сидели, запершись в кабинете, приняв всевозможные предосторожности, чтобы не быть подслушанными, и разговаривали, не стесняясь.

Чигиринский, не разыгрывая немца, говорил своим голосом с горячностью, которая во все не подходила к степенному облику Крамера.

— Ты пойми, — волнуясь, сказал он Проворову, — что дела зашли так далеко, восстановленных против государя такая масса, что предварительными мерами нельзя действовать.

— Какие же мы с тобой вдвоем только могли бы принять предварительные меры? — грустно спросил Проворов.

— Мало ли какие! Против пущенных слухов не в пользу императора можно пускать обратные в его пользу. С умом пущенный слух может сделать очень много, а для этого вполне достаточно двоих! Наконец, я знаю свою силу... Да ведь мы же, вероятно, и не одни в Петербурге, которые верны Павлу. Возможно было бы подготовить объединение, словом, начать действовать так же постепен-

но, как действуют враги. Но теперь, к несчастью, у них сделано слишком много в смысле подготовки, теперь надо искать прямого заговора!

— Заговора?

— Да, все данные к тому, что он существует, и весьма возможно, что близок даже к исполнению.

— Неужели кто-нибудь решится?

— Не решится, а... уже решился! Говорю тебе, что теперь надо искать прямых нитей!

— Если это так, то где-нибудь должны же сходиться эти нити?

— Несомненно, они сходятся в руках военного генерал-губернатора графа Палена. Государь обойден им и словно ослеплен. Как нарочно, он делает промах за промахом!

— В смысле политики?

— Нет, здесь он на твердом пути и неуклонно ведет определенную линию. Он сбит во внутренних своих чувствах.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А вот на днях проезжаю я мимо строящегося Михайловского замка, леса вокруг него уже сняты...

— Да! Постройку своего дворца государь ведет с необычайной быстротой! Ведь он уже готов и, говорят, даже внутренняя отделка доканчивается! Скоро будет освящение.

— Да. На фризе из порфировых плит этого замка, со стороны главного фасада, невольно бросается в глаза надпись крупными бронзовыми буквами: «Дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней».

— Ну так что же?

— Нехорошо это!.. Не надо! На дворце не годится быть такой надписи. Дворец, хоть и жилище императора, все-таки дом, где обитают люди, а святыня Господня подобает только храму! При виде этой надписи у меня так сердце сжалось и невольно мелькнуло: «Ах, зачем это? Не надо!» И тут мне ясно вспомнились слова прорицателя Авеля, который с необыкновенным выражением жалости и скорби повторил мне несколько раз: «Бедный Павел! Бедный Павел!»

— А ты все-таки был у Авеля? — спросила Елена. — Разве он опять появился в Петербурге?

— Нет, я виделся с ним перед отъездом за

границу, а теперь искал его, но не нашел. Мне в лавре сказали, что он исчез неизвестно куда, и говорили о нем так неохотно, точно боялись. Я думаю, уж не сослан ли он опять!

— Ну да! — подтвердила Елена. — Его опять заперли в Шлиссельбургскую крепость за то, что он предсказывал скорую смерть императору.

— Да! — проговорил Чигиринский после долгого молчания. — Павел Петрович как будто не хочет исполнить веления Промысла, и это погубит его! И все-таки мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы помешать злему делу, о котором мы догадываемся.

— Ну а если нельзя помешать?

— Все равно! Догадываться, знать и оставаться в бездействии равносильно тому, что быть в сообществе с злодеями. Невмешательство в данном случае все равно что помощь.

— Уж очень широко ведется дело, — сказал Проворов. — Хотя бы взять указ о помилованных! Ведь этих помилованных теперь даже против их воли гонят из провинции в Петербург. Многие из них обжились там, а теперь являются сюда без всякой надежды на зарабо-

ток, без возможности получить его. Такой массы озлобленности трудно себе представить... Ах, кстати! — вспомнил Проворов. — Ты знаешь, ведь и у нас есть новости! Ты помнишь Нимфодору?

— Приживалку покойной тетушки? Еще бы! Она — особа в высшей степени предприимчивая! Ведь она же в сношениях с доктором Пфаффе, он мне еще недавно говорил о ней.

— Ах, боюсь я этого доктора Пфаффе! — с выражением гадливости произнесла Елена. — Я дам себе обещание не пускать его к нам в дом.

— Относительно Пфаффе не тревожься! — успокоил ее Чигиринский. — Я обезопасил вас от него, сказав, что наблюдение за вашим домом беру сам на себя. Так какие же новости про Нимфодору?

— Да представь себе, она начинает входить в моду в Петербурге.

— В каком отношении?

— У покойной тетушки она исполняла роль гадалки, и ее обязанностью было раскладывать карты. Тетушка увлекалась ее пред-

сказаниями и пустила о ней славу. Нимфодора с честью поддерживала свою репутацию, и теперь, представь себе, за ней прислали от графа Кутайсова, дочь которого желает знать свою судьбу и, прослышав об искусстве Нимфодоры, хочет, чтобы та погадала ей. Это уже поистине — залетела наша ворона в высокие хоромы...

— Да, это очень интересно! — согласился Чигиринский. — И знаешь, может быть, этим путем судьба нам даст средство...

Х

Вернувшись домой, Чигиринский застал Пфаффе у себя и первым делом обратился к нему с вопросом:

— Скажите, доктор, как вы делаете, когда вам нужно переговорить с приживалкой Нимфодорой?

— Очень просто! — ответил Пфаффе. — Я посылаю свою служанку Амалию, и госпожа Нимфодора приходит ко мне.

— Не можете ли вы сейчас послать за ней? Пфаффе самодовольно улыбнулся и не без некоторого торжества заявил:

— Ага, господин Крамер! Напрасно, значит,

вы хотели обойтись без нее. Помните, вы хотели отказаться от услуг доброй Нимфодоры?

— А теперь, как видите, она мне понадобилась, и если вы встречаете затруднение в том, чтобы позвать ее, то я могу обойтись и без вас!

— О нет! — подхватил сейчас же Пфаффе. — Это я так только сказал, для примера, в виде шутки. Если нужно, то я сейчас же пошлю за ней, и мы не успеем выкурить трубки, как она явится к нам.

Действительно, Крамер с доктором Пфаффе не докурили еще своих трубок, которые зажгли, послав за Нимфодорой, как она явилась в своем старомодном широком шелковом роброне.

— Вот, моя добрая госпожа, — начал Пфаффе на ломаном русском языке, — мой приятель Август Крамер желает познакомиться с вами.

Нимфодора сделала реверанс, долженствовавший показать, что она не чужда высокому тону и отлично знает изящное обращение.

— Вы, говорят, хорошо гадаете? — спросил Чигиринский по-русски, произнося слова с

отлично оттененным иностранным акцентом.

— Ах, я не ожидал, что вы так прекрасно владеете русским языком! — воскликнул удивленный Пфаффе.

— Я владею многими языками, но менее всего люблю русский язык и разговариваю по-русски лишь тогда, когда это необходимо! — сказал Чигиринский, отлично разыгрывая Августа Крамера.

— Да, претрудный и претяжелый язык, очень неприятный! — подтвердил Пфаффе по-немецки.

— Ну так вот, говорят, вы прекрасно гадаете, — снова обратился Чигиринский к Нимфодоре.

Та скромно опустила глаза, склонила голову и смиренно произнесла:

— Хвастать не могу, но многие высокие особы очень одобряли.

— Вот именно. Об одной из высоких особ мне и нужно знать. Вы были приглашены в дом графа Кутайсова?

Нимфодора, глядя на собеседников серьезными, хитрыми глазками, уклончиво ответи-

ла:

— Меня приглашают во многие дома!

— Но вы должны говорить все откровенно! Ведь вы за это получаете деньги! — вмешался в разговор доктор Пфаффе. — Поэтому ответьте прямо на вопрос.

— Деньги деньгам рознь! — без всякого смущения возразила Нимфодора. — Я вам соглядала в доме господина Проворова, а кроме того, я за те деньги никакой службы нести не обязывалась.

— Сколько же вы хотите за то, чтобы сообщить и еще сведения?

— Смотря какие. За иные и никаких денег не возьму. Например, рассказывать про то, кто о чем у меня гадает, я ни за что не возьмусь. Как можно!

Нимфодора, видимо, ломалась, желая придать себе больше важности и получить побольше денег.

— Она неглупая, но упрямая шельма! — сказал Пфаффе Крамеру опять по-немецки. — Дешево она не станет говорить.

— Она будет говорить! — уверенно произнес тот и, протянув по направлению к Ним-

Фодоре руку, громко приказал ей спать.

Нимфодора, к удивлению Пфаффе, как была, так и осталась неподвижной, с неморгающими, остекленелыми глазами.

— Что ты делала в доме графа Кутайсова? — спросил Чигиринский.

По лицу старухи пробежала судорога усилия мысли.

— Ты сидишь с картами перед дочерью Кутайсова, о чем она спрашивает у тебя?

Нимфодора улыбнулась и ответила, не меняя выражения глаз:

— О чем могут спрашивать молодые девушки: о своей судьбе! За кого ей суждено выйти замуж...

— Что же ты говоришь ей?

— Я говорю, что ей суждено выйти за князя, что он красавец собой, и знатен, и богат.

— Что же, это так выходит по картам?

— Нет... По картам ей выходит совсем другое. По картам ее судьба быть не за знатым.

— Зачем же ты обманываешь ее?

— Мне так приказано.

— Кто же тебе приказал?

— Ольга Александровна.

— Она тебе платит за это деньги?

— Да. Она и деньги мне дает, и платье, и угощением не обделяет. Это не какой-нибудь немец Пфаффе! Это настоящая русская барыня.

— А как ее фамилия?

— Да Жеребцова же, Ольга Александровна.

— А ты знаешь, кого имеет в виду Ольга Александровна?

— Это чтобы женить на графине Кутайсовой? Да брата своего, князя Платона Александровича Зубова.

— А ты называла имя князя графине Кутайсовой?

— Ну как же можно так сразу? С первого раза надобно издалека начать, а потом можно и к точке подойти.

— Так что, сама Кутайсова еще ничего не подозревает?

— Будто ничего... Разбудите меня, мне тяжело.

— Хорошо. Ты сейчас проснешься и пойдешь домой, забыв, что ходила к доктору Пфаффе и что тебя здесь усыпили.

Чигиринский дунул в лицо Нимфодоры. Она встала как встрепанная, поспешно направилась к двери, ни слова не говоря.

Когда она ушла, доктор Пфаффе, сидевший все время молча и боявшийся дохнуть лишний раз, обратился, пораженный, к Крамеру и с неподдельным восхищением воскликнул:

— Знаете, господин Крамер, я слышал, что такие опыты бывают, но никогда ничего подобного не видал и не мог себе представить в реальности. Вы гениальный человек и, несомненно, высокий масон.

XI

Пфаффе продолжал восхищаться, искренне расточая чрезмерные похвалы Августу Крамеру, а тот после ухода Нимфодоры долго сидел в сосредоточенном молчании, видимо погруженный в серьезные соображения.

Жеребцову он знал очень мало, больше понаслышке. Ему было известно только, что она рожденная Зубова и умом наделена гораздо более всех троих своих братьев. Насколько природа обделила по части умственных способностей мужскую часть семьи Зубовых, настолько, наоборот, щедро наградила Ольгу

Александровну, заслужившую название в петербургском обществе бой-бабы.

— Вы госпожу Жеребцову знаете? — спросил он наконец у Пфаффе.

— О да! — поспешно ответил тот. — Госпожу Ольгу Александровну я знаю как умную, энергичную особу. Она очень уважаемая госпожа.

— Вы знакомы с ней?

— О да! То есть, если хотите, то, пожалуй, нет! Лично я у нее никогда не бывал, но, имея некоторые связи в дипломатическом корпусе, я много слышал о ней. Ее очень хорошо знают в дипломатическом корпусе.

— Ведь она — приятельница с бывшим английским послом Витвортом? Кстати, а вы знаете, за что был удален от русского двора Витворт?

Английский посол Витворт в мае месяце 1800 года должен был выехать из России по именному повелению императора Павла. Этот вынужденный отъезд его возбудил всевозможные толки и догадки, так и оставшиеся в точности не разрешенными.

— Это я не могу вам сказать! — развел ру-

ками Пфаффе. — Говорят слишком разное. Одни находят, что отношения с Англией у России очень натянуты, другие считают, что господин Витворт в своей переписке очень неосторожно отзывался об императоре Павле, а переписка эта была перехвачена и доведена до сведения императора. Видите ли, в коллегии иностранных дел генерал РаSTOPчин враждует с графом Паниным...

И Пфаффе стал подробно объяснять, что будто бы РаSTOPчин, враждуя с прямым своим начальником, графом Паниным, бывшим тогда канцлером, перехватил переписку английского посла Витворта, закадычного приятеля Панина, и представил ее государю.

— Ну да! Это теперь неинтересно! — перебил Чигиринский. — Мы говорили о госпоже Жеребцовой.

— О да, конечно! — подхватил доктор Пфаффе. — Мы говорили о госпоже Жеребцовой, которая вращается среди дипломатов.

— Она знакома также и с прусским послом?

— Ну, разумеется, и очень даже хорошо. И я думаю, я не ошибусь, если скажу, что через

нее у графа Палена существуют с прусским послом более тесные сношения, чем это кажется.

— А вы уверены, что у графа Палена довольно тесные отношения с прусским послом?

— Как же может быть иначе? Граф Пален — добрый немец, а мы все, добрые немцы, не можем не быть заодно.

— Ну а вы слышали, что эта старуха говорила, что госпожа Жеребцова хочет сосватать своего брата, князя Платона, с дочерью Кутайсова?

— Да, я это слышал. Это было гениально, как вы заставили ее говорить.

— И вы соображаете, что это значит? Если это случится, то положение Зубовых упрочится. Ведь граф Кутайсов — самое приближенное к императору лицо.

— В самом деле! Ведь в самом деле это так! Это очень умная комбинация! Конечно, положение князя Платона Зубова тогда будет гарантировано.

— Ну так вот! Теперь, как вы думаете: госпожа Жеребцова делает это по собственному

почину, ради своих братьев, или в этом ей помогают ее политические друзья, которым кажется почему-нибудь нужным или выгодным, чтобы Зубовы упрочились?

— Я полагаю, — стал глубокомысленно рассуждать Пфаффе, — что госпожа Жеребцова настолько умна и дальновидна, что едва ли решилась бы на такое действие, как сватовство брата за Кутайсову, самостоятельно, не заручившись согласием и помощью своих влиятельных друзей. А если они решились оказать ей эту помощь, то имеют на то тоже свои серьезные причины.

— Так что вы думаете, что граф Пален и представители Пруссии считают важным иметь Зубовых в Петербурге?

— Да, я это думаю! — серьезно, видимо взвешивая свои слова, произнес Пфаффе.

— Вы совершенно верно рассуждаете, доктор Пфаффе, и я могу только согласиться с вашими словами.

— О, помилуйте! — воскликнул немец, польщенный таким одобрением.

— Только имейте в виду, что основанием всего нашего разговора был лишь мой опыт

со старухой, который принадлежит к одному из действий оккультных знаний. А вы знаете, в какой тайне надо беречь не только сами эти знания, но и все то, что так или иначе соприкасается с ними; а потому как самый опыт, так и наш последующий разговор должен оставаться в полнейшем секрете, хранить который вы обязаны силой масонской присяги.

— Не беспокойтесь, господин Крамер, я знаю многое и умею молчать.

— Я уверен в этом и говорю вам так только, предупреждая на всякий случай. Но вы меня так заинтересовали характеристикой госпожи Жеребцовой, что мне очень хотелось бы познакомиться с ней поближе. Вы мне не можете доставить как-нибудь случай сделать это?

— Наверное не знаю, не могу вам обещать, надо будет спросить у пани Юзефы.

— Это у сестры господина Рикса?

— Да, и матери хорошенькой панны Рузи, — усмехнувшись и хитро взглядывая на Крамера, заключил доктор Пфаффе, считавший себя знатоком человеческого сердца.

На другой же день доктор Пфаффе со своим постояльцем отправился опять на завтрак к старому Риксу, в расчете, главным образом, повыведать от пани Юзефы, не может ли она найти какую-нибудь лазейку в дом к Ольге Александровне Жеребцовой.

Пфаффе, как опытный дипломат, не сразу заговорил о цели их прихода и только во время завтрака, когда подавали жирную баранину с огурцами, маринованными в уксусе, он, прожевывая кусок, произнес с расстановкой:

— Уважаемая госпожа пани Юзефа, не можете ли вы мне, пожалуйста, сказать, имеете вы вход к Ольге Александровне Жеребцовой, рожденной Зубовой?

Пани Юзефа несколько не удивилась такому вопросу; очевидно, и прежде доктор Пфаффе не раз завязывал через нее знакомства.

— Имею! — ответила она, разрезая огурец и тщательно снимая кожу с его четвертушки. — А в чем, собственно, дело? Вы имеет надобность к Ольге Александровне?

— Нет, не я, но вот мой друг Август Крамер хотел бы быть представленным ей.

— Он ищет ее протекции?

— Не совсем, — вставил свое слово Крамер. — Я хотел бы наблюдать русскую жизнь, а мне сказали, что Ольга Александровна — одна из замечательных женщин Петербурга. Мне хотелось бы увидеть настоящую русскую аристократку.

— Хорошо! — произнесла, раздумывая, Юзефа. — Но под каким же предлогом я могла бы отвезти вас к госпоже Жеребцовой? Я не настолько знакома с ней, чтобы просто представить вас как своего приятеля.

— Ну, Юзефа, ты все-таки должна постараться исполнить просьбу нашего дорогого гостя! — внушительно сказал Рикс, видимо обрадованный, что можно оказать какую-нибудь услугу нравившемуся ему немцу.

— Я и спрашиваю, — подхватила Юзефа, — для того, чтобы обдумать, как лучше поступить, чтобы исполнить их просьбу.

— Представьте меня в качестве человека, который знает прошедшее и может отгадывать будущее. Это, вероятно, заинтересует госпожу Жеребцову. Эти дамы любят подобные опыты.

— А вы умеете читать в прошедшем и отга-

дывать будущее? — спросила, оживляясь, Рузя.

— О да! — воскликнул доктор Пфаффе ободряющим тоном. — Если господин Крамер захочет, он может все!

— А можно вам сделать испытание? — задорно обратилась Рузя к Крамеру.

Тот улыбнулся и, вежливо наклонившись, сказал:

— Пожалуйста.

— Что же, для этого нужны какие-нибудь приготовления? Вы как гадаете — по картам или на бобах?

— Нет, никаких приготовлений не нужно. Мне довольно просто стакана воды.

— Ах, это очень занятно!

— Стакан должен быть хрустальный и через него надо пропустить луч солнечного света! — сказал авторитетно, как знаток дела, старый Рикс. — Наши стаканы чистого хрусталя, из бывшей утвари короля Станислава. Ну а вот солнца, кажется, нам придется подождать сегодня.

— Нам вместо солнца светит паненка, ваша племянница! — опять улыбнувшись, воз-

разил Крамер и, налив себе стакан чистой воды из графина, поднял его на уровень глаз. — Я скажу вам сначала, — произнес он, внимательно вглядываясь в стакан, — что-нибудь из вашего прошлого, чтобы вы могли убедиться, правильно ли я вам буду предсказывать будущее.

Все затаили дыхание, следя за Крамером. Тот некоторое время молча разглядывал воду в стакане, а потом заговорил:

— Я вижу большой зал, много народа, нарядные туалеты. Это блестящий бал! Все танцуют... танцуют польский танец, очень увлекательный... я забыл, как он называется по-польски, но видел не раз, как его танцуют. Паненка пляшет с молодым человеком, и во всей зале они не видят никого, кроме друг друга.

Он мельком глянул на Рузю: она вспыхнула, сидела с лихорадочно загоревшимися глазами и, не опуская их, глядела на Крамера, порывисто дыша, желая как будто и боясь того, что он будет говорить дальше.

— Вот все исчезло, — сказал он, — опять вижу только туман... Но нет, он рассеивает-

ся... А-а! Вот опять я ясно вижу паненку. Она пишет записку: «Пусть мы больше не увидимся, но как можно скорее...»

Рузя вдруг быстрым движением выбила стакан из его руки и, взволнованная, крикнула:

— Не надо, не надо никакого гаданья... Я верю!

Рикс, видя неожиданный эффект, произведенный искусством Крамера, и будучи поражен этим искусством, проговорил почти с благоговением:

— Однако, господин Крамер, вы можете так легко проникать в чужие тайны! Положим, тайны такой девицы, как моя племянница, не могут представлять ничего особенного, но все-таки это ее тайна, и конечно, вы не могли узнать ее заранее.

А доктор Пфаффе, усиленно вытиравший в это время свой кафтан, облитый из расплескавшегося стакана, повторял:

— Это колоссально!

Рузя, после того как выбила стакан из рук Крамера, как бы рассердившись сама на себя за эту выходку, сидела нахмурившись, опу-

стив глаза, молча. Все, конечно, поняли ее смущение и оставили ее в покое.

Это происшествие случилось уже в конце завтрака, и вскоре все встали из-за стола, а когда встали, то Рикс обратился к племяннице и сестре со словами:

— Что же, милые дамы, вы пойдете все-таки на каток, как собирались?

Спросил он это, не совсем веря в то, что получит утвердительный ответ после случившегося, но Рузя совершенно неожиданно вдруг заявила:

— Отчего же, дядя? Я пойду с удовольствием. И вот если господину Крамеру делать нечего, он пошел бы с нами посмотреть, как у нас катаются.

— А в самом деле, — обрадовался Рикс, — это великолепная идея! От нас до катка очень близко — до Полицейского моста рукой подать, и это будет превосходная прогулка.

Крамер выразил согласие не только пойти с дамами, но и кататься на коньках, сказав, что это искусство ему немножко знакомо.

Пани Юзефа облачилась в широкий салоп, а Рузя надела бархатный казакин, оторочен-

ный мехом, и круглую шапочку-конфедератку. Шла она молча, со сдвинутыми бровями, рядом с Крамером, и тот, несколько раз взглянув на нее, недоумевал, что, собственно, происходит с ней. Сердится она, что ли? Но если бы сердилась, она не пригласила бы его вместе с ними на каток. Ясно было, что она что-то соображает, упорно и сосредоточенно.

Пришли на каток. Крамер подвязал себе коньки, затем, как опытный конькобежец, выскочил на лед и, сделав полукруг, вернулся с протянутой рукой к Рузе, тоже довольно уверенно державшейся на льду. Она взялась за его руку и покатила рядом, продолжая молчать по-прежнему.

Так, молча, они довольно быстро укатили между другими парами в отдаленный угол катка, к самой стене елок, огораживающих его. Здесь Рузя замедлила ход и пошла совсем тихо.

— Господин Крамер! — вдруг решительно произнесла она. — Я хочу поговорить с вами как с порядочным человеком.

— Як вашим услугам! — ответил он, стараясь как можно осторожнее вести ее по льду.

— Видите, — продолжала она, — я уже давно заметила, что вы не совсем обыкновенный человек, а сейчас, за завтраком, вы дали доказательство, что обладаете как будто сверхъестественными способностями. С одной стороны, это осложняет дело, а с другой — облегчает его, потому что мне легче быть откровенной. Мне кажется, что вы и без моих слов можете отгадать все. Так вот я и решилась сказать вам! Дядя до такой степени очарован вами, что вы у него через два слова в третье. По его более чем ясным намекам и даже по иным прямо обращенным ко мне фразам несомненно, что он хочет выдать меня за вас замуж... то есть не только хочет, а просто упрямо решил достичь этого во что бы то ни стало! Я его знаю. Ну так вот я со своей стороны должна предупредить вас, что этого никогда не может быть...

— Отчего же?

— Оттого, что мне нравится совсем другой, непохожий на вас!

Улыбка мелькнула на лице Чигиринского.

— Уж это не тот ли, которого я видел танцующим с вами?

Она тряхнула рукой, и у нее с досады вырвалось:

— Все равно! Если вы все можете видеть в вашем стакане, тем лучше для вас, но только я никогда не выйду за вас замуж и предупреждаю вас, чтобы вы и не думали увлекаться мной.

— Почему же вы так уверены, что я со своей стороны могу увлечься вами?

— Потому что, — вдруг вспыхнула она, — если я захочу, то это может случиться...

— Вот как? — сказал Чигиринский, как бы шутя. — А хотите пари держать, что я, Крамер, останусь к вам равнодушен, несмотря ни на что?

— Послушайте, ведь то, что вы мне говорите, почти дерзость!

— Напротив, я хочу только успокоить вас относительно стараний вашего дядюшки.

В глазах Рузи замелькали огоньки.

— А что, если я вам скажу, что вы слишком много хотите взять на себя? До сих пор мне еще не случалось слышать ничего подобного! Хорошо, я принимаю пари... — вдруг заключила она и, вырвав от него руку, ловко и

быстро покати́лась в ту сторону, где сидела ее мать.

Чигиринский смотрел ей всле́д, невольно любуясь ее тонким, красивым станом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Пани Юзефа совершенно искренне, с большим жаром расхваливала Ольге Александровне Жеребцовой Августа Крамера как человека, обладающего необыкновенной прозорливостью.

Жеребцова, видная женщина тридцати с лишком лет, была в полном расцвете сил и отличалась энергией и деятельностью, которые не могли идти в сравнение с несколько безжизненным отношением к окружающему ее братьев, в особенности изнеженного и избалованного князя Платона. Она вечно была чем-нибудь занята и устраивала какие-нибудь дела, за кого-нибудь хлопотала и для кого-нибудь о чем-нибудь да старалась. Близкая приятельница бывшего английского посла Витворта, имевшая и другие связи в дипломатическом мире, она не была чужда политических интриг.

В настоящее время она со всей страстью занялась проектом женитьбы князя Платона Зубова на дочери приближенного к

государю бывшего его камердинера, графа Кутайсова. Эта мысль была подсказана ей графом Паленом, который рассчитывал упрочить этим положение братьев Зубовых, необходимых ему в Петербурге как людей, подходящих для его плана.

Сама Жеребцова не преследовала никаких личных целей, в особенности в данном деле. Ей просто нравилась сама мысль женить брата на молодой турчанке, как звали дочь графа Кутайсова, который был из турченят.

Император Павел осыпал его милостями за его службу и преданность и возвел в графское достоинство для того, чтобы показать некоторым кичливым титулованным особам, что он, император, может всякого пожаловать каким угодно титулом.

Между Платоном Зубовым и дочерью Кутайсова ничего не было общего, кроме разве титулов, пожалованных им с высоты престола. Зубов вовсе не думал жениться, а Кутайсова — выходить за него замуж, но это-то и было занятно. Тут надо было уговорить одного и очень искусно повлиять на другую, и Ольга Александровна взялась за сватовство со своей-

ственной ей стремительностью.

Вращаясь среди петербургской знати того времени, она вместе с тем, по обыкновению большинства тогдашних бар, с заднего крыльца принимала у себя всякий народ, почему-либо способный заслуженно или нет обратить на себя ее внимание. Пани Юзефа была в числе этого народа и, имея знакомства среди масонов, служила переносчицей некоторых сплетен оттуда, которым Жеребцова придавала значение тайных сведений.

Принесенную Юзефой новость о появившемся гадателе-немце она приняла как нечто очень важное и потребовала, чтобы Август Крамер был приведен как можно скорее.

О гадании посредством стакана воды, в котором якобы можно было видеть события и настоящего, и прошлого, и будущего, она слышала и раньше. Граф Калиостро, как известно было, умел смотреть на воду; то же делал и таинственный граф Сен-Жермен. Но Жеребцова никогда не видела ничего подобного и о Калиостро, и о Сен-Жермене знала только понаслышке. Ей невольно пришло в голову: «А что, как Крамер — новая восходящая звезда

вроде графа Сен-Жермена? Ведь если это так, то честь открытия его будет принадлежать мне!» Все это было очень заманчиво, а потому она с жаром отнеслась к известию о Крамере.

Она думала, что пани Юзефа приведет ей немца со двора по черному ходу, но Крамер явился с парадного подъезда, один. О нем доложили Ольге Александровне, когда она сидела у себя в келейном разговоре с братом Платоном, обсуждавшем с ней план своей женитьбы на Кутайсовой.

Почти каждый день повторялось то же самое. Князь Платон после разговора с сестрой уезжал от нее с твердой решимостью, что женится, и давал свое согласие на официальное сватовство. Но как только он уезжал от нее, решимость покидала его, и он снова приходил к заключению, что ему нет никаких оснований жениться, что Кутайсова ему вовсе не пара и что этот союз для него лично никакой выгоды не представляет, если же это и нужно кому-нибудь другому, то какое ему-то дело до этого. На другой день он ехал к сестре, чтобы наотрез отказаться от исполнения плана, но уезжал от нее вновь настроенный на женить-

бу.

Когда доложили о Крамере, и Зубов, и Жеребцова, в сущности, были рады, что явился перерыв или маленькая помеха в надоевшем им разговоре, конец которого им обоим был хорошо известен.

— Кто этот Рамер или Крамер? Я что-то не слышал такой фамилии, — спросил Зубов, рассматривая свои щегольски отточенные ногти.

— Это мне рекомендовали человека с замечательными способностями прорицателя! Говорят, он смотрит в стакан воды и все видит.

— Ах, это я знаю! Это очень интересно... Ты его примешь? Я желаю знать свое будущее в стакане воды! — усмехнулся Зубов, воображая, что он очень мил и сострил очень удачно.

— Да, но я его никогда не видала и совершенно не знаю, такой ли он человек, которого можно принять в гостиной, — сказала Жеребцова нерешительно.

— Все равно! Ведь мы одни! Посмотрим! Крамера велели просить.

II

При своем появлении Август Крамер про-

извел неожиданное, более даже чем благоприятное впечатление. Его статная фигура была облечена в отлично сшитый, дорогой, но не кричащий костюм, несомненно, очень солидный и безукоризненного вкуса. Лицо Крамера выражало большое достоинство, и он вошел со сдержанно-непринужденной покладкой, сразу показавшей, что он умеет свободно держать себя в гостиной.

— Простите, что я так врываюсь к вам, — заговорил он по-немецки, — но я взял на себя смелость представить сам себя, считая, что это несколько не будет хуже представления почтенной пани Юзефы, которая рекомендовала меня вам.

— Mais il est tres bien!note 2 — обратилась Жеребцова к брату.

Эта французская фраза вырвалась у нее как восклицание, против ее воли.

Крамер сделал вид, что не заметил этого, но сейчас же перешел на французский язык.

— Позвольте представиться и вам, князь, — с легким поклоном в сторону Зубова произнес он.

Зубов вскинул бровями и, глянув на сест-

ру, сказал по-английски:

— Блестяще!

— О да, в полном смысле джентльмен! — повторила Жеребцова тоже по-английски.

— Какое у вас прекрасное английское произношение! — проговорил Крамер на том же языке. — Сейчас видно, что вы были приятельницей такого чистокровного англичанина, как лорд Витворт.

Удивление Жеребцовой росло. Она даже несколько растерянно посмотрела на гостя и, переходя снова на французский язык, сказала:

— Что же вы стоите, мсье Крамер? Положите вашу шляпу и садитесь!

Крамер шляпы не положил, но сел в одно из кресел в спокойной позе, как человек, привыкший к такой мебели, как кресло.

Жеребцова, убедившись, что он вполне светский человек, экзамен на которого он только что выдержал блестяще, повела с ним разговор, приличный хозяйке изысканной гостиной, то есть не начала сразу о том, что ее интересовало и зачем, собственно, Крамер появился у нее, а спросила, давно ли он в Петер-

бурге и как ему нравится столица. Он ответил, что внешний вид Петербурга ему очень нравится, в особенности Нева, но в обществе он еще нигде не был и потому чувствует себя совершенно беспочвенным иностранцем.

— Вас надо будет познакомить! Мы с братом возьмем это на себя. Вы долго думаете пробыть в Петербурге?

— Право, не знаю! Я путешествую для своего удовольствия, для того, чтобы видеть свет, и совершенно не могу сказать, что мне вздумается завтра! Весьма возможно, что я останусь до конца зимы в ваших снегах, а может быть, завтра же отправлюсь под знойное солнце Индии...

— А вы были в Индии?

— Нет, никогда.

— Но, кажется, вам известны некоторые индийские тайны, если я не ошибаюсь?

— Простите, но я должен подтвердить вам, что вы ошибаетесь! Никаких индийских тайн я не знаю.

— Однако эта добрая Юзефа рассказывала мне про вас чудеса! Вы видите события грядущего насквозь...

— Ну, это несколько много мне приписывается. Я могу, пожалуй, сказать вам кое-что о сватовстве.

— О сватовстве? О каком сватовстве? — переспросила Жеребцова, встрепенувшись.

Крамер помолчал и пытливо-пристально устремил на нее свои пронизательные глаза.

— О сватовстве, которое вас занимает теперь.

— Это вы говорите обо мне? — спросил довольно наивно князь Платон Александрович.

— Ну да, о вас, князь! — продолжал Крамер. — Не беспокойтесь! — улыбнулся он Жеребцовой, заметив, что та тронула брата за рукав, желая остановить его дальнейшую речь. — Я умею держать секреты и отнюдь не отличаюсь болтливостью. Поверьте, что я сумею сохранить то, что вы не желаете, чтобы было известно до поры до времени.

Жеребцова, несколько не смутившись, сказала:

— Я не знаю, о каком сватовстве вы говорите! Мало ли каких свадеб не заключают в Петербурге.

— Я говорю о сватовстве князя, вашего бра-

та, к графине Кутайсовой, — перебил ее Крамер.

Жеребцова, не ожидавшая такого прямого выпада, осеклась, но, сейчас же овладев собой, проговорила:

— Положим, я была уверена, что этот план известен настолько немногим людям, что до вас он не мог дойти. Но все-таки ваши слова не доказывают какой-нибудь силы с вашей стороны. Вы могли узнать о наших планах как-нибудь случайно, вполне естественным путем.

Она, как умная женщина, видя, что ее секрет открыт, не стала отнекиваться, отрицать и заператься, а на прямые без обвиняков слова Крамера тоже потребовала от него прямого ответа.

И он ответил тоже без всяких околичностей.

— Я отлично понимаю, что вам хочется убедиться в моих способностях, и в этом отношении не буду делать «маленького рта» и охотно готов дать вам доказательство, тем более что это было целью моего прихода к вам.

— Отлично! — одобрила Жеребцова. — От-

кровенность за откровенность. Да, я очень рада была бы убедиться, что вижу в вас действительно необыкновенного человека.

— Ради Бога, не преувеличивайте! Ни на какую необыкновенность я не претендую! Я самый обыкновенный отгадчик! Не колдун, а отгадчик, вот и все...

— Все равно, но мы требуем от вас доказательств!

— Да, мы требуем доказательств вашего провидения! — подтвердил Зубов.

— Хорошо. Угодно вам, я сейчас скажу то, о чем, как вы думаете, никто не знает, кроме вас одних? — внушительно сказал Крамер Зубову.

Тот слегка отстранился и уже не без некоторой робости спросил:

— Это вы насчет чего?..

— Насчет того, как вы перед последним своим отъездом из Петербурга отделались от грозивших вам неприятностей благодаря появлению у вас в кабинете вашего умершего товарища, который сказал вам, каким образом указать государю документы о масонах.

Краска немедленно сбежала с лица Зубова,

и он, бледный, дрожащий, замахал руками и почти крикнул:

— Не надо! Я верю. Это вы могли узнать только сверхъестественным путем! Кроме государя, я никому не рассказывал об этом.

— Какие документы? Что такое? — стала спрашивать Жеребцова, видя, как перебежался ее брат, и удостоверившись воочию, что, очевидно, это было неспроста и что Август Крамер действительно обладает могущественным даром прозрения.

А он скромно сидел на своем месте, опустив глаза, как будто для него самого это было все самым обыкновенным делом и во всем этом он не видел ничего особенного.

III

Утром, как всегда, пришел доктор Пфаффе к прусскому посланнику графу Брюлю. Тот встретил его приветливее, чем обыкновенно.

— Ага! Господин Пфаффе, вы мне нужны!

— Я весь к услугам вашего сиятельства, — отвечал Пфаффе, расплываясь в счастливой улыбке.

— Дело довольно серьезное! — продолжал Брюль. — Вот видите ли: надо не выпускать

из поля зрения одного высокопоставленного лица и настраивать его соответственно видам истины.

— Можно узнать, кто это лицо?

— Если я предлагаю вам стать в положение наблюдателя, то, само собой разумеется, я не должен скрывать от вас того, за кем вы должны наблюдать... Я подразумеваю князя Платона Александровича Зубова. Имеете вы к нему доступ?

— Очень незначительный. Но если я получу хорошие рекомендации...

— Вы их получите. Князь Зубов с братьями возвращен в Петербург исключительно благодаря влиянию графа Палена, и надо постараться, чтобы князь Зубов относился и продолжал относиться к графу как должно. В случае же уклонения его мысли в этом отношении в сторону немедленно сообщить мне. Вам, как доктору, легко будет войти в доверие и устроить прочное наблюдение. Если понадобятся расходы на слуг, вы будете располагать для этого нужными средствами. Надеюсь, это поручение не затруднит вас?

— Нет, ваше сиятельство, конечно, не за-

труднит. Но только я осмелюсь предложить вам поручить это дело не мне, а одному умному человеку, который, кстати, завел уже сношения и с князем Зубовым, и с его сестрой Ольгой Александровной Жеребцовой.

При упоминании о Жеребцовой Брюль не без удовольствия улыбнулся и произнес с оттенком некоторого восторга:

— Очень достойная женщина! Кто же этот умный человек?

— Мой приятель, Август Крамер.

— Крамер? Крамер? — повторил Брюль. — Я такого немца не знаю в Петербурге.

— Он недавно приехал прямо из-за границы, из Берлина. Это серьезная голова. Он еще не успел представиться вашему сиятельству и пришел сделать это сегодня. Господин Август Крамер сейчас ждет в приемной. Я ручаюсь вам, что он добрый немец и вполне способен оправдать высокое доверие.

— А он твердый патриот?

— О да! Он сын того Крамера, который был известен в Геттингенском кружке поэтов.

— Геттингенский кружок? — повторил Брюль. — Конечно, это большая рекоменда-

ция! И вы говорите, он умный человек?

— Да, ваше сиятельство, очень умный!

Брюль позвонил и приказал появившемуся немедленно слуге позвать Крамера.

Когда тот вошел, Брюль окинул его с ног до головы строгим, испытующим взглядом.

— Вы Август Крамер?

— Да, меня так зовут.

— Давно в Петербурге?

— Более месяца.

— Отчего же вы раньше не представились мне?

— Хотел осмотреться. К тому же не было излишней надобности в излишней поспешности.

— Хорошо. Вот доктор Пфаффе вас рекомендует.

— Я, — смело, без всякого смущения, перебил Крамер, — имею рекомендацию и более солидную для вас, граф, чем любезные слова уважаемого доктора! У меня есть к вам письмо... от господина Гаубвица...

— От господина Гаубвица? У вас рекомендательное письмо ко мне от господина Гаубвица? — с повышенным интересом восклик-

нул Брюль и, поспешно сломав печать, принялся читать письмо.

Должно быть, Гаубвиц писал довольно лестные вещи о Крамере, потому что Брюль вдруг сделался до чрезвычайности любезным, протянул гостю руку и заговорил не без суетливости:

— Что же вы стоите, господин Крамер? Отчего же вы прямо запросто не пожаловали ко мне, господин Крамер? Садитесь, пожалуйста! — А вслед за тем обернулся к Пфаффе, стоявшему в умилении перед своим приятелем, который, как оказалось, сразу произвел такое впечатление на графа, и сказал тому: — Вы, господин доктор, можете идти. Мы тут побеседуем. До свидания, господин доктор!

Пфаффе, улыбаясь и кланяясь, попятился к двери, а Брюль, усадив Крамера, стал разговаривать с ним пониженным, конфиденциальным тоном.

— Мне господин министр пишет о вас как об очень верном человеке, которому можно поручить любое серьезное дело. Он пишет, что направляет вас ко мне прямо на помощь, на случай каких-нибудь затруднений ввиду

теперешнего неустойчивого положения в Петербурге.

— Я рад, граф, быть полезным вам, — ответил просто Крамер.

— Видите ли, я говорил сейчас доктору, что нам нужно установить солидное наблюдение за князем Зубовым, и он сказал мне, что вы могли бы взяться за это дело. Если это не слишком мелко для вас, то я полагаю, что таким образом вы можете сразу войти в круг петербургского общества.

— С князем Зубовым я уже сошелся и имел случай поразить его.

— Вы где остановились?

— Пока я занял комнату у нашего соотечественника, доктора Пфаффе.

— Вам лучше всего переехать к самому князю Зубову. Русские чрезвычайно гостеприимны, и, я думаю, будет легко устроить, чтобы князь просто пригласил вас к себе в дом гостить.

— Да, это будет очень удобно! — согласился Крамер.

IV

У генерал-губернатора графа Палена был

интимный обед с очень ограниченным числом приглашенных, только близких людей, или, вернее, тех, относительно которых Пален считал нужным подчеркивать свою к ним близость.

Среди гостей была Ольга Александровна Жеребцова, сидевшая за столом на почетном месте, рядом с хозяином дома.

Обед не отличался особенной тонкостью кухни; это была обыкновенная стряпня со сладкими соусами и жиденьким супом. Но что у Палена было отлично, так это красное вино, он им вполне справедливо гордился и даже тогда, когда ему приходилось объявлять вызванному к нему лицу приказание государя немедленно выехать из столицы, угощал своим красным вином для того, чтобы смягчить неприятность известия. Так, в Петербурге того времени знали, что значит «выпить стакан красного вина у графа Палена». Но за описанным обедом он пил свое красное вино сам и потчевал гостей без всякой оговорки, исключительно для того лишь, чтобы угостить.

За столом свободного непринуждения не

было — все как-то избегали смотреть друг на друга, но, несмотря на это, старались делать вид, что весело, и смеялись неискренним деланным смехом при малейшем к тому поводе, а чаще и вовсе без повода.

Одна Жеребцова оставалась серьезной, очевидно не желая снисходить до подделки веселья. Под конец обеда она улучила минуту и шепнула Палену:

— Мне надо переговорить, граф.

Он закрыл только один глаз, давая этим понять, что готов исполнить просьбу, и, когда встали из-за стола и перешли в гостиную, а мужчины же отправились в бильярдную, чтобы курить, он задержал Жеребцову в маленькой проходной комнате с трельяжем, поставленным так, что за ним очень легко было остаться совсем незамеченными. Они сели на маленьком диванчике за трельяжем, и Пален поспешно спросил:

— Что-нибудь серьезное?

— Нет, — ответила, рассмеявшись, Жеребцова, — пустяки, простая справка! В Петербурге появился один иностранец, по виду очень порядочный человек, но нет никаких

гарантий, что это просто авантюрист. Так я хотела просить вас, нельзя ли негласно навести о нем справки и разузнать, может ли он быть достоин доверия?

— А как зовут этого иностранца?

— Он немец, а зовут его Август Крамер.

— Ах, Август Крамер! — воскликнул Пален. — Как это странно! Представьте себе, я тоже хотел говорить с вами именно о нем.

— Вы его знаете?

— Нет, я его не знаю, но имею о нем самые подробные сведения от вполне серьезного лица. О нем имеются самые лучшие рекомендации! Это добрый немец! Он принадлежит к отличной семье, потому что его отец был членом Геттингенского кружка молодых поэтов.

— Какой это кружок молодых поэтов?

— Геттингенский! — повторил Пален, подняв для большей значительности палец. — Это были последователи Клопштока, люди, настроенные высокопатриотично и ставившие идею германизма выше всего. Среди них, между прочим, был известен Крамер, который, конечно, постарался внушить своему сыну правильные понятия.

— Вы, кажется, граф, знаете все и обо всех! — не без восторженного удивления проговорила Жеребцова.

— Это моя обязанность, милая моя барыня! — скромно сказал польщенный Пален.

Но Жеребцова продолжала:

— Конечно, заслуга его отца до некоторой степени говорит в его пользу, но это может еще и ничего не значить. Необходимо знать, каков он сам, что он представляет собой.

— Он имеет рекомендации от господина Гаубвица, всесильного министра его величества короля прусского Фридриха Вильгельма, и этого, я думаю, довольно, чтобы мы ему оказали доверие.

— Да! Если у него есть рекомендация от господина Гаубвица, тогда, конечно, этим все сказано.

— А вы с ним познакомились?

— Да, и он поразил меня своим ясновидением. Он при мне сказал князю Платону такие вещи, о которых тот не рассказывал никому и о которых даже я не знаю.

— Но теперь-то вы их знаете?

— В том-то и дело, что нет. Крамер очень

искусен в диалектике. Брату он только сделал несколько намеков, после которых тот побледнел и заставил его замолчать, да и потом он ни за что не захотел мне ничего объяснить. Это про прошлое. А относительно будущего тот же Крамер говорил с нами о сватовстве Платона к Кутайсовой так свободно, как будто это дело известно ему до мельчайших подробностей.

— И что же он предрекает? Это сватовство увенчается успехом?

— В том-то и штука, что он так ловко виляет словами, что никак не добьешься у него прямого ответа. Я и брат, мы беседовали с ним добрый час, а когда он ушел, так и остались ни с чем! Никаких точек над «и»... Вообще, это преинтересный господин.

— Так отчего бы вам не приблизить его? Во всяком случае, по-видимому, это человек очень сильный, а с таким человеком лучше вести дружбу, чем отвергать его. Мне кажется, он был бы отличным ментором князю Платону. Отчего бы вашему брату не пригласить к себе приезжего иностранца, оказать ему гостеприимство? Крамер мог бы пере-

ехать к князю в дом и тогда, я думаю, мог бы руководить им! Вот об этом именно я со своей стороны хотел переговорить с вами сегодня. Подумайте об этом, добрейшая Ольга Александровна!

V

Чигиринский, возвращаясь в Петербург из-за границы под видом доктора Крамера, очень хорошо и обдуманно обставил свое вымышленное имя, что было облегчено ему главным образом тем обстоятельством, что он жил и действовал под этим именем в немецких масонских кругах в Берлине, создавших для него даже высокую протекцию всемогущего министра Гаубвица. Имя Крамера, якобы сына деятельного члена германского патриотического кружка, тоже было выбрано весьма удачно.

Под таким прикрытием Чигиринский мог жить и действовать в Петербурге спокойно, не боясь ничего, так как никто не мог предположить, что Чигиринский и этот типичный немец Август Крамер — одно и то же лицо.

Он так и рассчитывал сначала стереть с лица земли целиком Чигиринского на все

время своего пребывания в Петербурге. Но теперь он крепко задумался о том, не рискнуть ли ему хоть на короткий промежуток снова явиться в своем виде. Это было нужно лично для него самого.

После разговора с Рузей на катке невольно радостно билось у него сердце, и он мысленно переживал в воображении по несколько раз снова сладкое ощущение, которое испытал при словах Рузи о том, что она любит другого, причем этот другой, несомненно, был он, Чигиринский.

Это прямое признание в устах Рузи было особенно ценно, потому что она не подозревала, что под видом Крамера с ней говорит тот, кого она поминала и звала в своих мечтах. Ощущение было необыкновенное и от этого казалось еще заманчивее, приятнее.

Чигиринскому захотелось во что бы то ни стало со своей стороны сказать Рузе от лица Чигиринского, что он ее любит, впрочем, не столько сказать ей словами, а главное — повидаться с ней без всякой причины.

Само собой разумеется, что нечего было и думать о том, чтобы признаться ей, что под

обликом Крамера скрывается он, Чигиринский.

Да это и не нужно было делать, потому что стоило хорошенько подумать, чтобы найти несколько способов достичь желаемого, не рассказывая своей тайны. Он, например, просто-напросто мог назначить свидание Рузе, она не постесняется прийти, но весь вопрос, где назначить свидание.

Наконец Чигиринский после долгого размышления решил поступить так: написать Рузе записку от имени Чигиринского с просьбой самой назначить ему место и время, где они могут увидеться.

Предприятие было рискованное прежде всего потому, что было связано с письменным документом, который мог быть перехвачен или каким-нибудь иным путем случайно попасть в чужие руки. Но Чигиринский чувствовал в себе тот подъем особой удали и легкости риска, который обуревают всегда счастливых любовью людей, сознающих себя в положении счастья, когда кажется все достижимым и возможным.

Он купил в магазине бумагу, очень похо-

жую на ту, на которой была написана предупредительная записка Рузи, и, запершись в своей комнате, написал на ней измененным почерком:

«Кто остановил Вашего коня на Неве и кто бережет записку: „Пусть мы больше не увидимся, но как можно скорее уезжайте из Петербурга. Здесь вам угрожает серьезная опасность“, — хочет увидеться с Вами. Дайте ему знать, где и когда. Ответ положите под обшивку внутри шляпы доктора Пфаффе».

Затем Клавдий сложил свое письмо и спрятал его в карман, еще сам хорошенько не зная, как передаст его по назначению. Он рассчитывал, что случай, несомненно, должен представиться, и не ошибся в своем расчете.

Старый Рикс опять позвал их к завтраку и, благодаря тому, что день был ясный и солнечный, опять настоял на том, чтобы Крамер проводил дам на каток.

Здесь Рузя, в то время как ей надевали коньки, положила свою муфту на подоконник павильона, где отогревались конькобежцы.

Сунуть письмо в Рузину муфту было делом

одной секунды, и притом посчастливилось устроить это так, что она, благодаря царившей в павильоне суматохе, и подозревать не могла этого — ей казалось, что Крамер все время, не переставая, разговаривал с ней.

Когда она с муфтой в руках сошла на лед и, покотившись, спрятала в нее руки, то немедленно нащупала зашуршавшую под ее руками бумагу.

В те времена всевозможных любовных авантур и интриг ловко подсунутая записка молодой девушке или женщине была настолько обычным явлением, что Рузя несколько не удивилась. Таинственных записочек не получали только очень некрасивые, а для хорошеньких они служили как бы знаком отличия, тем более что решительно ни к чему не обязывали.

Рузя взглянула мельком на катившегося рядом с ней Крамера, и его степенно-серьезная и даже до некоторой степени важная фигура, конечно, застраховала его от всяких подозрений. Да, собственно говоря, ему и незачем было подсовывать записочки, потому что он один на один в толпе катался с ней и мог

совершенно свободно сказать все, что хотел, не прибегая к таинственности подметной почты. Совершенно ясно было, что записочку подсунул один из тех полужнакомых молодых людей, которые — Рузя знала это — вздыхали по ней и катались в оживленной веселой толпе на катке.

— Скажите, пожалуйста, господин Крамер, можете ли вы при помощи вашего искусства ясновидения узнать, где теперь находится кто-нибудь отсутствующий?

— Для этого я должен, во-первых, знать имя этого отсутствующего, а во-вторых, все-таки иметь какое-нибудь о нем понятие.

— И для этого вам надо опять посмотреть в стакан с водой?

— Опять-таки это зависит от разных условий: иногда на чистом, свежем и ясном воздухе, как, например, сегодняшний, я могу увидеть без всякого стакана.

— Так что вы можете, пожалуй, ответить мне, если я вас спрошу сейчас?

— Спрашивайте.

— Хорошо. Где теперь находится тот молодой человек, которого вы видели тогда за зав-

траком, гадая, что он будто бы танцевал со мной?

— Я могу это сказать вам лишь в том случае, если вам очень хочется это знать. Мне непременно нужен флюид вашей воли.

— Да, мне очень хочется знать, где он.

— Он в Петербурге, ближе от вас, чем вы думаете. Рузя, говорившая до сих пор с большой серьезностью, вдруг звонко расхохоталась и победоносно воскликнула:

— Вот и ошиблись, господин Крамер! Могу вас уверить, что этот молодой человек находится далеко отсюда, он где угодно, только не в Петербурге.

— Очень может быть, что я и ошибаюсь, — усмехнулся, в свою очередь, Крамер. — Мало того, я даже скажу, что очень был бы рад, если бы действительно он был далеко. Но, к сожалению, я все-таки должен настойчиво повторить, что он в Петербурге!

— Почему же «к сожалению»?

— Потому что вы интересуетесь им.

— А вас это задевает?

— Что делать! Ведь мы держим с вами пари, что я должен заинтересоваться вами.

— Разве? Впрочем, что же дальше?

— Дальше?.. Кажется, я начинаю это пари проигрывать.

— Да не может быть! Так скоро!

— Кажется, приходится сознаться, что да.

VI

После катанья Крамер проводил Рузю с матерью до дома, где ждал его Пфаффе в приятном разговоре с Риксом. Он не без важности тоже принял участие в разговоре и, посидев некоторое время, ушел вместе с доктором.

Дома при первой возможности Чигиринский осмотрел шляпу немца и за подшивкой нашел маленький клочок бумаги с надписью:

«Маскарад князя Троекурова. Наденьте голубой польский костюм с белым бантом на плече. Стойте у дверей в зимний сад».

Оказалось, Рузя решила вопрос о месте свидания до гениальности просто.

Близилась святки, когда в Петербурге каждый из вельмож, живших открытым домом, считал своим долгом устроить маскарад, одно из любимейших развлечений XVIII века. Выдумка Рузи была тем более удачна, что в маскараде, согласно обычаю, допустима была

непринужденность общения и Чигиринский мог скрыть свое лицо под маской, так что ему не приходилось выставляться напоказ.

Князь Троекуров был одним из тех богачей, которые не гонятся за чинами и проживают свое состояние, воображая, что на его век хватит.

Таких бар создано много в роскошный екатерининский век, когда задавал тон великолепный князь Тавриды. Все они в конце концов разорились и потомкам своим не передали ничего, кроме долгов, а имени своего не сохранили в истории.

Да, в Петербурге того времени был известен князь Троекуров, и его дом на Фонтанной, великолепно отделанный, служил местом веселых празднеств и пиров, которые с большим искусством и радушием устраивал гостеприимный хозяин.

Чигиринский под видом Крамера отправился к Проворову и потребовал от него достать на свое имя приглашение к Троекурову и дать на этот вечер свою карету и выездных гайдуков.

Все эти хлопоты были сущие пустяки, и на

святках, в день троекуровского маскарада, Крамер, переехавший уже к этому времени к Зубову, явился вечером в дом Проворова и там, переодевшись в нарочно заказанный атласный голубой польский костюм, в карете Проворова, сопровождаемый его гайдуками, убежденными, что они везут на маскарад своего замаскированного хозяина, отправился к Троекурову. Чигиринский надел голубую же атласную маску с густым и длинным шелковым кружевом, так тщательно скрывавшим его подбородок, что нельзя было рассмотреть его лица.

Он нарочно приехал не к самому съезду, а так, чтобы войти, когда на маскараде уже будет значительная толпа, в которой можно было бы затеряться.

В большом зале уже начались танцы, а по ряду гостиных и по галерее вдоль зала ходили отдельные парочки, пользуясь маскарадной свободой.

Чигиринский легко нашел в конце этой галереи большую стеклянную дверь, отворенную в зимний сад, лучший во всем Петербурге и по размерам, и по устройству, и по нахо-

дившимся в нем растениям. В противоположность яркому свету от множества свечей, заливавшему зал и гостиные, зимний сад был освещен таинственными полутонами разноцветных фонариков, и один только каскад блистал и искрился, освещенный каким-то почти волшебным образом.

Чигиринский, обойдя все комнаты, встал у дверей в зимний сад и терпеливо ждал. Мимо него проходили пары и изредка одиночные мужские маски. Он всматривался, стараясь угадать очертания фигуры Рузи, как вдруг сзади его ударили веером по плечу. Он оглянулся и увидел польку в голубом же, под пару ему, костюме.

Голубой цвет — польский национальный, и потому было весьма естественно, что польские костюмы были голубые.

— Что, поляк, — проговорила полька, — тебе не бывает холодно, когда ты стоишь посреди Невы?

Чигиринский должен был сознаться, что не узнал бы Рузи под маской, — так она была искусно одета, если бы она не подала голоса и не сделала этого намека на их первую встре-

чу посреди Невы, когда ее несла лошадь.

— Не только не холодно, — ответил он, — но порой и очень жарко, когда мчится конь, которого надо остановить.

— Дай мне руку и пройдемся, — сказала маска. — А ты можешь остановить лошадь?

Они пошли под руку по галерее, минуя зал.

— Раз мне случилось остановить! — проговорил Чигиринский. — А ты, полька, танцуешь краковяк?

— Еще бы! Какая же полька не танцует!

— А записочку написать можешь?.. И спрятать ее...

— Немцу в шляпу!

— Да, теперь я вижу, что вы — та, которую я ждал!

— Но я еще не уверена, что я говорю с тем, кого искала.

Чигиринский прошептал, едва шевеля губами:

— «Пусть мы больше не увидимся, но как можно скорее уезжайте»...

— Довольно! Довольно! — остановила Рузя. — Как вы могли догадаться, что эта записка пришла к вам от меня? Впрочем, все рав-

но! Но только больше ни слова об этом; вы мне должны поклясться, что не станете напоми-
нать. Если узнают, что вы были предупре-
ждены мной, мне несдобровать! Это надо за-
быть так, как будто этого не было.

— Напротив, я именно хотел спросить у вас: как вы узнали о предстоящей мне опас-
ности и решились предупредить меня?

— Говорю вам, не надо вспоминать об этом! Могут услышать. Все, что я могу сказать вам, вот: я узнала случайно! Потом, когда пройдет время, я расскажу, а сейчас лучше удовлетворите мое любопытство и скажите, как попала ваша записка ко мне в муфту?

— Ну, это очень просто: я пришел на каток переодетым и подсунул мое письмо в то время, когда вы разговаривали с каким-то немцем, с которым потом катались.

— Ах, этот немец — странный человек! Вы знаете, он — ясновидец и в последний раз сказал мне, что вы здесь, в Петербурге. Я не хотела верить, как вдруг прихожу домой, а в муфте у меня записка от вас. Я просто начинаю бояться его! Одно средство — приручить его, чтобы он был не врагом, а другом!

Они повернули назад по галерее и теперь входили в зимний сад.

— Как тут красиво! — невольно вырвалось у Рузи.

— Да, очень! — согласился Чигиринский. — Знаете, войдемте в один из гротов!

— Отчего же, войдем! Там нам никто не мешает, и вы можете на минуту снять маску. Я хочу видеть ваше лицо, чтобы посмотреть, изменились ли вы или остались таким же, каким были три года назад.

Они выбрали один из гротов в самом конце зимнего сада и вошли в него.

VII

Грот слабо освещался лишь через входное отверстие рассеянным светом разноцветных фонариков из зимнего сада. Нужно было, чтобы глаза привыкли, для того чтобы разглядеть что-нибудь.

Рузя сняла маску и потребовала, чтобы Чигиринский сделал то же самое. Он, охотно подчинясь ее требованию, тоже открыл лицо, и она, вглядываясь, приблизилась к нему, так что он увидел ее большие выразительные глаза совсем возле себя.

— Да, — прошептала она, — совсем такой, каким я помню! Ни капельки не изменившийся! — Она осмотрелась и, разглядев теперь внутренность грота, заметила, что в нем была еще совсем темная ниша со скамейкой, покрытой зеленой подушкой, словно она была сделана из дерна, и предложила: — Пойдемте сюда, здесь совсем укромно!

Они сели на скамейку, держась рука об руку.

— Так вы приехали в Петербург, чтобы повидать меня, и не боитесь никакой опасности? — спросила Рузя.

Хотя Чигиринский и не говорил ей, что именно ради нее только явился в Петербург и, очевидно, она сама себя уверила в этом, но он не счел нужным противоречить, потому что в эту минуту чувствовал себя вполне способным пойти на всякую, даже смертельную опасность, чтобы повидаться с Рузей. Он так и выразил это словами:

— Я ничего не побоялся бы, чтобы видеть вас.

— Но неужели вы не можете сделать так, чтобы уничтожить опасность? А то ведь нель-

зя же так жить! Ну, хорошо, вы ездили за границу! Но ведь ваши враги могут вас и там найти!

— Ну уж не совсем-то они так всемогущи! Да и не из боязни я уехал из Петербурга. Это было только одно к одному. У меня были дела неотложные и очень важные.

— Значит, вы вернулись тоже для дел?

— Да, и для дел тоже. Я не могу вам лгать, что я приехал сюда для вас одной.

— Должно быть, это очень важные дела, что вы рискуете ради них показываться в Петербурге, где вас подстерегают!

— Положим, в Петербурге я показываюсь в чужом виде, и даже вы не узнали меня на катке, а в своем виде я появился сегодня только ради вас!

— И не побоялись мне открыться?

— Как видите, нисколько.

— Ну а если я предательница?

— Полноте, какие пустяки!

— Ну, конечно, пустяки! — согласилась Рузя, и они замолчали.

В это время в грот вбежала впопыхах еще одна пара и остановилась, ослепленная тем-

нотой, явно не видя сидевших в нише Чигиринского и Рузю. Затем они сняли свои полумаски и наспех поцеловались.

На освещенном пространстве входа в грот ясно обрисовывались их профили, и Чигиринский узнал в молодом человеке кого-то, как будто виденного им раньше. Ему что-то очень знакомое напомнил этот профиль. Но где он видел его? А что он его видел, было несомненно, и притом при каких-то не совсем обычных обстоятельствах.

Поцеловавшиеся заговорили шепотом быстро-быстро.

— Послушай, я не могу так! — сказал он. — Мы точно у кого-то воруем наше счастье и должны искать случайных темных закоулков, тогда как я имею полную возможность прийти и сделать тебе предложение! Скажи, пожалуйста, чем я не жених?

— погоди! — ответила она. — Только не сейчас, не теперь! Дай улечься этой истории со сватовством Зубова.

— Так это правда? Тебя хотят выдать за Зубова?

— Не меня выдать хотят, а его женить на

мне. «Князь Манвелов!» — вспомнил Чигиринский, узнав наконец молодого ротмистра Конного полка, который был в карауле дежурным в Зимнем дворце, когда он проник туда, чтобы положить на печку в караульном помещении документы о масонах.

— Если так, то я вызову Зубова на дуэль! — решил Манвелов. — Поссорюсь с ним и вызову!

— Постой, погоди, глупый!.. Зачем такие крайние меры? Успеем еще! А пока надо подождать... только ведь подождать! Из этого сватовства ничего не выйдет, я тебе говорю. Его нечего бояться! Разве пока нам нехорошо так? — И собеседница князя, охватив его шею руками, притянула к себе, и они снова поцеловались.

Поцелуй был такой долгий, захватывающий, что Чигиринский как-то бессознательно поднял руки и обнял Рузю, увлекшись примером. Он коснулся ее щеки губами, но сделал это так тихо и осторожно, что влюбленные в гроте, к тому же увлеченные самими собой, ничего не заметили. Рузя отстранилась, сопротивляясь, но, боясь обнаружить себя, не

сделала резкого движения. Чигиринский прижал ее крепче.

Наконец влюбленные разошлись, торопясь на люди, чтобы не было заметно их отсутствие из зала. Они надели свои полумаски и убежали.

Рузя тоже вырвалась.

— Это ни на что не похоже! — сказала она, притворяясь сердитой. — Пользоваться безвыходным положением! Вас бы за это следовало оставить здесь одного в наказание!

Чигиринский сидел, опустив голову, и очень виновато, но вместе с тем блаженно улыбался во весь рот.

— Ну, надевайте вашу маску, — скомандовала Ру-зя, — и пойдемте бродить по залам! Здесь, в гроте, с вами оставаться опасно.

Он послушно надел маску. Рузя протянула ему руку.

— Когда же мы увидимся? — спросила она.

— Чем скорее, тем лучше! Завтра?

— Завтра? Но где?

— Хотя бы на катке. Кто нам там помешает увидеться?

— Вы будете переодеты?

— Зачем? Я явлюсь в обычном виде. Никто на меня не обратит внимания.

— Нет, ни за что! Я этого не хочу и не допущу! Нет, уж оставим лучше до следующего маскарада! Следующий маскарад через три дня у Яковлева, там будет весь город. Наденьте опять сегодняшний костюм и приезжайте туда. Мы там будем без дяди, а сегодня он тут и мешает мне. Но обойдемте залы и расстанемся, а то могут обратить внимание.

Они пошли, и когда попали в большой зал, там играли краковяк, и пары, притопывая, танцевали с увлечением.

— Вот маленькая графиня Кутайсова со своим кавалером! — показала Рузя на Коломбину и Пьеро, которых они видели в гробе.

Те танцевали с большим увлечением.

— А разве это графиня Кутайсова? — спросил Чигиринский.

— Да, это дочь всесильного теперь Кутайсова. Он вышел из камердинеров императора в графы, а теперь делает в Петербурге погоду. А ее кавалера я не знаю.

— Это конногвардейский офицер князь Манвелов. Его я знаю! — сказал Чигиринский.

Они стояли в первом ряду образовавшегося вокруг танцующих круга, и Рузя, разговаривая, помимо своей воли стала притопывать в такт. Чигиринский взял ее за талию, и они пошли танцевать, весело отдаваясь ритму музыки.

Когда кончился танец, они расстались еще не скоро. Им казалось, что они прошли один только раз по комнатам, а на самом деле они гуляли и разговаривали так долго, что Рикс, одетый в старинный красный бархатный жупан польского магната, найдя голубой атласный костюм племянницы, стал присматриваться, с кем это она в паре, стараясь угадать, кто этот одетый ей под стать голубой поляк, с которым она не расстанется весь вечер. Рузя заметила, что дядя следит, и, сказав о том Чигиринскому, простилась с ним и направилась прямо к Риксу.

— Дядя, — сказала она, — поедем домой, скучно!

— Скучно, потому что ты ходила все с каким-то одним. Ты знаешь, кто этот поляк, гулявший с тобой?

Рузя увидела, что дядя не спускал с нее взор.

ра весь вечер, и, чтобы избежать дальнейших расспросов и каких бы то ни было подозрений, решила солгать, чтобы успокоить старика.

— Не знаю! — ответила она. — Но мне кажется, что это господин Крамер...

Она знала, что благоговевший к Крамеру дядя будет очень рад, что она ходила с ним.

— А разве господин Крамер должен был быть на маскараде?

— Отчего же ему не быть тут! — ответила, стараясь быть как можно наивнее, Рузя. — Запретить это ему никто не может! Впрочем, наверное я не ручаюсь, но кажется мне, что это был он. По крайней мере, я не могла от него отделаться.

— Зачем же тебе было отделяться, если это действительно был господин Крамер? Ну, хорошо, теперь я его поддразню — так прямо и скажу, что мне все известно, что он был на маскараде.

И, нахмурившись было, Рикс развеселился и рассмеялся добродушным, поощрительным смехом.

В дом Зубова Крамер переехал по настоянию самого князя Платона и Ольги Александровны Жеребцовой.

Дом был небольшой, но вместительный. Крамеру отвели две отдельные комнаты — спальню и кабинет, где он мог, когда хотел, уединиться.

Он не вошел в жизнь князя Зубова как свой или близкий человек и отделил свое существование от распорядка, установленного у князя. Являлся он к нему каждый раз по приглашению, только когда его звали, и настаивал на том, чтобы обыкновенно ему подавали завтрак и обед, когда он был дома, в его комнату. Когда же ему приходилось бывать у Зубова, он приходил к нему со шляпой в руках, как человек, только что приехавший, а не свой, домашний.

Однако Зубов неизменно приглашал его, какое бы маленькое, келейное собрание у него ни было. На эти собрания являлись по преимуществу одни и те же лица: брат Зубова Валериан, его сестра, Беннигсен и еще несколько человек, составлявших как бы свой, один кружок.

При ближайшем с ними знакомстве стало ясно, что никакой общности жизненных интересов у них не было, но тем не менее казались они связанными. Соединяла их одна какая-то мысль, которую они не высказывали. Но было несомненно, что они держали нечто на уме, говорили полунамеками, значительно покачивали головами, подымали брови и вели себя так, как будто прекрасно понимали друг друга без лишних слов.

Тон и направление давал граф Пален. Съезжались большей частью для карточной игры и, посидев некоторое время за ломберными столами, оставляли карты и шли ужинать, а за ужином-то и начинались разговоры.

Однажды Пален приехал крайне недовольный, даже рассерженный, прямо к ужину, который не подавали в ожидании его. Он принялся есть молча, и кругом все притихли, не желая мешать ему высказаться.

— Нет, это невероятно! — начал, наконец, Пален, будто продолжая вслух ход своих мыслей. — Это невозможно! Дело дошло до того, что мы накануне войны с Пруссией.

— Да не может быть! — слышалось с раз-

ных сторон.

— Да! От короля требуют почти невозможного и невероятного. — Пален говорил просто про «короля», как будто всякий должен был знать, что это прусский король и никого другого он не хотел величать этим титулом. — Совершенно невероятные вещи, — повторил он. — От него требуют, чтобы он занял своими войсками Ганновер; и притом в угоду Франции и ее первого консула... этого Бонапарта или как там его зовут... Как будто король сам не знает, что ему нужно занимать своими войсками!

— Но ведь это равносильно объявлению войны Англии со стороны Пруссии! — сказала Жеребцова.

— Ну, разумеется! — со значительным видом протянул князь Платон Зубов, желая своим уверенным тоном показать, что недаром при Екатерине ведал всеми дипломатическими делами.

— Пруссия чего хочет? — продолжал Пален. — Она хочет пользоваться миром и увеличивать свой рост. Ей надо быть сильной и здоровой, и потом, нельзя требовать от коро-

ля, чтобы он пускался на какие-то бессмысленные авантюры ради каких-то общих комбинаций. А мы между тем требуем, чтобы он лез ни с того ни с сего против Англии!

Это «мы» было произнесено с таким презрительным подчеркиванием, точно «мы» были так уж глупы, что ничего другого от нас и ожидать нельзя было.

— Сумасшествие! — пожал плечами Беннигсен.

— Вот именно! — подхватил Пален. — Прямое и определенное сумасшествие! Пора наконец положить этому предел! Дальше так идти не может: нельзя допустить войну с Пруссией! Подумайте, сколько жизней ни с того ни с сего загублено будет зря! Надо остановить, чего бы это ни стоило и какие бы средства ни пришлось принять для этого.

— Я давно говорю, что надо перейти к делу! — вскидывая голову и подымая брови, проговорил Платон Зубов. — Надо спасти Россию! А то мы все собираемся, разговариваем и так на этих разговорах и останавливаемся! Когда-нибудь надо же начать и сделать.

— Когда хотят сделать яичницу, надо на-

чать с того, чтобы разбить яйцо, — произнес значительно Валериан Зубов.

— А хватит ли на это решимости? — сильно понизив голос, с расстановкой произнес Пален.

— Да! Хватит! Должно хватить, — вдруг, воодушевляясь, ударил по столу князь Платон.

Пален протянул в его сторону бокал с вином и громко, поощрительно сказал:

— Ваше здоровье, князь!

Кругом зашумели, а Пален, держа бокал в высоко поднятой руке, перекрикивая всех, провозгласил:

— За исполнение нашего общего желания!

За ужином много пили, и Платон Зубов, почти совсем пьяный, закричал:

— По-моему, нужно назначить просто-напросто день — и затем точка, *punctum*.

Пален казался воодушевленным, как никогда, глаза его блеснули, и он остановил Зубова размеренно-рассудительным голосом:

— Дайте немного времени — и мы назначим день, он близится, но еще не настал.

— Мартовские иды опасны для Цезаря, —

произнес чей-то голос так, что все слышали, и пояснил: — Так говорили римляне...

— Что же, март месяц близко: он почти у нас на носу! — согласился Пален.

— Да! Чтобы сделать яичницу, надо сломать яйцо, — повторил по-французски Валериан Зубов, видно, понравившееся ему выражение, — и без того обойтись нельзя!.. Что хотите, а без этого обойтись нельзя...

IX

После этого ужина Чигиринский, присутствовавший на нем под видом Крамера, пришел в отведенную ему комнату в таком подавленном состоянии, в каком никогда не был.

Он отлично понимал, что разговор за ужином был не шутка, не пустословие и вовсе не случайность. Ясно было, что создавался разговор в полном смысле этого слова и участники его, по-видимому, были настолько подготовлены, что окончательное решение могло назреть со дня на день. Этого никак не ожидал Чигиринский, он не мог допустить, что дело зашло так далеко.

В настоящее время расстроить созревав-

ший замысел представлялось почти невозможным, потому что он был подготовлен и организован довольно тщательно. Надо было действовать, не теряя времени; значит, оставалось только одно средство раскрыть этот заговор — указать на него.

Но тут возникала новая цепь неразрешимых вопросов. Кому указать? Каким образом? И какие привести доказательства, чтобы поверили этому указанию? О заговоре по своему положению должен был первым узнать граф Пален в качестве военного генерал-губернатора, но к чему же это поведет, если сам же граф Пален — руководитель всего дела и ведет его с безошибочным расчетом, пуская в ход все имеющиеся средства, которые дает ему его власть?

Оставалась еще одна только возможность предотвратить назревавшее злое дело, раскрыв заговор самому государю. Чигиринский, пользуясь силой внушения, мог бы, конечно, проникнуть во дворец, как он уже сделал это один раз, но как ему предстать перед государем с обвинением самого приближенного, всемогущего человека? Если бы были еще в

руках какие-нибудь вещественные доказательства, которые можно было бы представить, тогда другое дело! Но так, на словах, разве может поверить государь совершенно незнакомому ему чужому человеку, неизвестно как проникшему во дворец?

Однако, теряясь в предположениях и догадках, Чигиринский внутренне, в глубине души, был как-то невозмутимо спокоен, твердо уверенный, что раз нужно, чтобы что-либо было сделано, то сделано будет. Он чувствовал в себе достаточно силы, чтобы найти нужный исход, и знал, что найдет его.

На другой день утром князь Зубов потребовал к себе Крамера, и, делать нечего, Чигиринский пошел к нему, несмотря на усталость после ночи, проведенной им почти без сна от не дававших ему покоя мыслей.

Он застал Зубова за туалетом, который тот производил по привычке так же долго и кропотливо, как и в бытность свою фаворитом. Князь сидел перед зеркалом в пудермантеле, и два парикмахера возились около него. Все было, как прежде, с той только разницей, что прежде во время его туалета в соседней при-

емной толпились вельможи и вся петербургская знать, считавшая за честь быть допущенной в уборную во время туалета, а теперь один Август Крамер пришел, да и то не с очень довольным видом.

Он вошел, сел, не очень стесняясь, у окна, близко к Зубову и спросил:

— Вы меня звали? Чем могу вам служить?

Сказано это было таким определенным и серьезным тоном, что Зубов счел своим долгом проговорить с любезностью:

— Если я вас отвлек от занятий, пожалуйста, извините меня! Но я хотел спросить по поводу вчерашнего разговора за ужином...

Крамер слушал, пристально глядя на Зубова, терпеливо ожидая, что будет дальше.

— Я хотел спросить, — продолжал Зубов, — относительно Ганновера... То есть я, конечно, знаю все относительно Ганновера, ведь я заведовал коллегией иностранных дел, но все-таки, может быть, я что-нибудь забыл и хочу возобновить в памяти. Вам, вероятно, это все известно. Скажите, пожалуйста, почему если пруссаки займут Ганновер, как мы совершенно неосновательно потребовали от них, то это

будет неприятно Англии?

«Только это?» — подумал Крамер, ожидавший было, что Зубов коснется вчерашнего разговора по существу, и стал объяснять:

— Дело очень несложно: ганноверский курфюрст Георг Людвиг, умерший в 1727 году, был сыном курфюрстерины Софии, родной внучки Иакова I, короля Англии. Эта курфюрстерина была объявлена в 1701 году наследницей престола Великобритании и Ирландии, а от нее ее права на английское наследство получил курфюрст Георг Людвиг. После смерти английской королевы Анны он взошел на английский престол, и курфюршество Ганновер вступило с Англией в личную унию.

— Вот оно что! — подхватил Зубов, показывая этим восклицанием, что все это было для него совершенно ново. — Впрочем, все эти имена ужасно легко вылетают из головы! Но что вы, собственно, называете личной унией?

— А то, что Георг Людвиг, оставаясь курфюрстом ганноверским, стал королем английским под именем Георга Первого. Он переселился в Англию, а в Ганновере назначил наместника, в помощь которому учредил тай-

ный совет. Сын его, Георг Второй, оставил все это, как было, и наезжал в Ганновер на некоторое время погостить. Теперешний английский король Георг Третий живет постоянно в Англии, а управление Ганновера всецело предоставил наместнику, или штатгальтеру, как его называют, и тайному советнику.

— Так что, в сущности, Ганновер — вассальное государство Англии? — спросил опять Зубов.

— Нет! Во время войны Французской республики, образовавшейся после революции, Георг Третий присоединил ганноверские войска, тысяч шестьдесят человек, к англонидерландскому войску в Бельгии. Затем, по Базельскому миру, в 1795 году Ганновер был причислен к нейтральной области Германии.

— Ну да! Разумеется, все это я знал! — заявил без смущения Зубов. — Но только я вот чего не понимаю: отчего же Пруссия не хочет занять Ганновер, если он нейтральный, и отчего требовать это нелепо с нашей стороны?

Чигиринский как бы махнул рукой на Зубова, видя, что если продолжать объяснения, то не избежать новых и новых расспросов, и

поспешил окончить разом:

— Да ведь вы же слышали, вчера граф говорил, что Пруссия не желает воевать. Ну, и все тут!

Этот довод показался Зубову очень убедительным.

— Да, тогда конечно! — согласился он. — Но какая это трудная вещь — политика! Так это все путается, что просто нет возможности разобраться во всех этих тонкостях. Я знаю только одно, что у нас идет все скверно, из рук вон плохо, и надо быть решительными. Чтобы вышла яичница, надо расколоть яйцо... вот! — заключил Зубов, очень довольный своей деловитостью и серьезностью.

Он был уже причесан, и Крамер поднялся, чтобы уйти. Зубов его не задерживал.

Х

Во время разговора с Зубовым Чигиринский с пристальным вниманием присматривался к нему, стараясь распознать, окончательно ли глуп этот человек или можно еще с ним толково и разумно поговорить и настаивать его.

Теперь Чигиринский убедился, что Зубов

был лишен всякого смысла и был годен лишь на то, чтобы действовать, направленный чужим влиянием, если это влияние ловко попадет в жилу его упрямства, которым он обладал в высшей степени, как все ограниченные люди. Пален знал хорошо, что делал, поставившись получить в Петербурге князя и его брата.

Зубов уже послужил орудием для Чигиринского и, кажется, ему приходилось волей-неволей вывести заключение, что и на этот раз Зубов был единственным человеком, которого он может употребить как орудие для сношения с дворцом.

Первое, что пришло в голову Чигиринскому, — употребить свою силу внушения над слабовольным князем Платоном и заставить его бессознательно служить орудием раскрытия заговора.

Но эта мысль только мелькнула, и Чигиринский понял сейчас же всю несуразность приведения ее в исполнение. Во-первых, внушение имеет свои пределы, и нельзя заставлять человека, даже усыпленного гипнотическим сном, чтобы он говорил или делал что-

нибудь противное его собственному существованию, например донес на себя, как это требовалось в данном случае. Во-вторых, нужно было, чтобы Зубов при разговоре с государем не повторил в состоянии лунатизма подсказанных ему заранее слов, а рассуждал более или менее сознательно, отвечая на вопросы, которые, несомненно, мог ему предложить государь.

Чигиринский решил применить испытанное им уже средство, якобы появление свое с того света, тем более что теперь проделать это ему было легче, как жившему в одном доме с Зубовым.

Он съездил к Проворову и достал свой старый конногвардейский мундир.

«Маскарад так маскарад», — решил он, вешая в шкаф свой мундир с голубым, отороченным лебяжьим пухом костюмом поляка.

Обедал он у Проворова, а к вечеру вернулся домой и погрузился в своей комнате в занятия над книгами.

Лакей принес вечерний чай в комнату, и Чигиринский спросил его, дома ли князь.

Чигиринский, отпустив его, пошел в па-

радные комнаты, к кабинету Зубова, там ему нужно было сделать небольшие приготовления. Он знал, что Зубов долго в гостях после обеда не любил оставаться и что он, вернувшись домой, непременно пойдет, по своему обыкновению, в кабинет, зажжет там свечи и предастся своему любимому занятию — пересыпанию в шкатулке самоцветных камней. Князь Платон стал проделывать это теперь, запирая дверь на ключ, и потому Чигиринскому понадобились приготовления.

Вернувшись к себе в комнату, Клавдий оставил дверь в коридор отворенной и, делая вид, что углублен в чтение, прислушивался к звукам, доносившимся к нему по коридору, начинавшемуся от парадной лестницы.

На лестнице послышалось движение — приехал Зубов.

Затем по отдельным шорохам, а также шагам и отрывочным словам лакея в коридоре можно было, зная распорядки дома, отлично представить себе все, что делалось. Зубов прошел в уборную, надел халат и, шлепая туфлями, проследовал в кабинет. Один из лакеев, почувствовав себя на свободе, щелкнул язы-

ком в коридоре, дворецкий сделал свой обход по комнатам и потушил лампы; на лестнице умолк говор гайдуков, они отправились, как это всегда делалось, в лакейскую играть в карты — и в доме воцарилась такая тишина, что слышно было, как бегают мыши: слышно было, как одна пробежала по коридору, словно там прокатилось что-то. Когда люди затишают, пробуждаются мыши, как верный признак, что люди не нарушат покоя жилища.

Чигиринский, заперев свою дверь, быстро переоделся и, вернув своему лицу природный его вид, стал прежним ротмистром Конного полка екатерининских времен Чигиринским. Затем он неслышно подошел к двери кабинета.

XI

Убедившись, что дверь заперта и что, судя по свету в замочной скважине, Зубов находился действительно в кабинете, Чигиринский был рад, что заранее принял меры и приготовился.

Его приготовление заключалось в том, что он отомкнул обе щеколды, и внизу и вверху, на той створке двустворчатой двери кабинета.

та, которая закреплялась ими, так что, когда замок на другой створке был заперт, то он, если толкнет дверь, не удерживал ее, а обе половинки подавались вперед и растворялись. Чигиринскому стоило только нажать ручку и пихнуть слегка дверь — и она растворилась совершенно бесшумно, потому что и замок, и петли ее были хорошо смазаны.

Зубов сидел, как и следовало ожидать, за столом с зажженными канделябрами и пересыпал драгоценные камни. Чигиринский неслышно подошел к нему по ковру, и тот, инстинктивно почувствовав постороннее присутствие, поднял глаза и обомлел; рука у него дрогнула, и камни просыпались на стол.

— Ты?.. Ты опять?.. Опять ты?.. — бессвязно и нелепо повторял он.

— Тише! — остановил его Чигиринский. — Зачем шуметь? Все равно это ничему не поможет!

Зубов вскочил и кинулся к широкой ленте сонетки, спускавшейся по стене, и дернул ее. Однако эту ленту Чигиринский предусмотрительно подрезал, так что конец ее остался в руках Зубова. Князь беспомощно и растерян-

но смотрел теперь перед собой, беспорядочно размахивая руками.

— Да будет тебе, перестань! — даже несколько возвысил голос Чигиринский. — Разве я при первом своем появлении сделал что-нибудь такое, что тебе следует меня бояться? Кажется, напротив, кроме пользы ничего для тебя не вышло!

Зубов, услышав эти рассудительные слова, как будто немного пришел в себя. Он сел на первый подвернувшийся стул у стены и проговорил:

— В самом деле, ты тогда замечательно посоветовал! Но, знаешь ли, только теперь уйди или исчезни! Все-таки лучше, когда тебя нет! А то и запертые двери на тебя не действуют, и сонетки рвутся!

На недалекого Зубова появление Чигиринского через запертую дверь и эта оборвавшаяся сонетка подействовали потрясающим образом.

— Чего же ты, дурак, меня боишься, если я не сделал тебе ничего плохого? Положим, я — привидение, но ведь привидение, очень хорошо сохранившееся, доброе старое привиде-

ние, и больше ничего!

— А ты, Ванька, остался все такой же шутник! — попробовал усмехнуться Зубов, называя Чигиринского просто Ванькой, как звали его когда-то товарищи по полку.

— Ну, вот так-то лучше! — одобрил Зубова Чигиринский, стараясь придать ему смелости. — Ты теперь слушай, и будем говорить разумно! Видишь ли, согласишься, что с того света по пустякам люди не приходят! И если я явился к тебе как доброе приведение, то, значит, имею на это веские причины. Ты уже мог убедиться, что в первый раз я к тебе не зря пришел, и все мои указания подтвердились.

— Да, точь-в-точь как по писаному! — произнес Зубов, все еще робея и с трудом ворочая языком.

— Ну, так вот ты опять должен отправиться во дворец...

— Сейчас? — спросил покорно Зубов.

— Нет! Сегодня никакой поспешности не нужно. Можешь сделать это завтра или даже в течение трех дней, но не позже. Однако если отложишь долее трех дней, то помни, что ослепнешь и лишишься языка, а нос у тебя

станет сизый и его раздует, как дулю!

Красивое лицо Зубова приняло плаксивое, несчастное выражение.

— Но ведь это же ужасно! Что же я буду делать слепой, без языка и с сизым носом? — воскликнул он.

— Тогда в течение ближайших трех дней поезжай к государю и доложи ему о заговоре, который злоумышляет граф Пален и в котором ты с братом принимаешь участие.

— Я... я... я... — Зубов заикнулся и с трудом выговорил: — Не принимаю... никакого заговора!..

— Послушай, Зубов! Ты, как умный человек, рассуди! Отнекиваться тут нечего — ты видишь, я знаю все так же хорошо, как и ты сам! Из-за того, что вы не назвали всего должными словами, еще не следует, что вы не понимаете того, что намереваетесь сделать. Ну, хорошо, Пален — немец и готов жертвовать своей головой ради пользы своего отечества...

— Я тоже готов пожертвовать, — выговорил Зубов, видимо еще не понимая хорошенько значения своих слов.

— Да ради чего готов ты жертвовать? Ведь

отечество Палена — неметчина, ну, он и готов рискнуть, чтобы уничтожить противное течение прусской политики и сберечь Пруссию от войны. Ну а ты-то ради чего будешь стараться? Конечно, если ваш план удастся, ты можешь получить крупную выгоду, хотя и то едва ли... Ну а если не удастся? Если кто-нибудь другой, а не ты, предупредит государя? А ведь это очень и очень может случиться... Уж буд-то ты так доверяешь тому же Палену? А что, как все это — только вызов с его стороны, чтобы подвести вас всех? Теперь и разбери: с одной стороны — у тебя риск получить не совсем верную выгоду или быть повешенным, а с другой — если ты откровенно расскажешь государю о заговоре, тебе, наверное, без всякого риска предстоят такие милости, которых ты не имел и при покойной государыне! Кажется, тут и выбирать нечего. А кроме всего этого я тебе опять говорю, как тот раз: послушайся меня беспрекословно! Слышишь? Я так хочу!

И Чигиринский неожиданно повернулся и ушел в дверь так, что Зубов, как ему показалось, и моргнуть не успел.

Когда он опомнился, Чигиринский был уже в комнате Крамера, крепко заперев свою дверь на задвижку.

Он был вполне доволен всем происшедшим и не сомневался, что на Зубова, судя по его натуре, все, что он сказал ему, должно было подействовать. Риска здесь никакого не было. Самое большее, что Зубов мог испугаться и никуда не поехать, тогда пришлось бы изобрести какое-нибудь другое средство.

Во всяком случае, нужно было привести себя опять в вид Августа Крамера.

По начавшемуся опять движению в доме Чигиринский понял, что Зубов поднял тревогу, но это его не обеспокоило, потому что в его комнату никому не пришло бы в голову войти, так как, конечно, никто не мог предположить, что ученый немец может явиться в образе умершего русского офицера. Однако самому Чигиринскому нужно было немного разобраться во всем этом, и он решил пойти завтра к Проворову и поговорить с ним.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

На другой день Зубов не выходил из своей спальни; оказалось, он не спал всю ночь, заболел и никуда не хотел выходить и никого видеть.

Он боялся теперь оставаться один в комнате и требовал, чтобы кто-нибудь сидел возле. Лучше всего было бы, чтобы сидел возле него Крамер, но, когда князь спросил о нем, ему доложили, что немец ушел с самого раннего утра и сказал, что до вечера не вернется.

Чигиринский ушел нарочно, потому что знал, что Зубов после вчерашнего непременно потребует его к себе, а он вовсе не хотел допускать такую близость и баловать капризного князя своим присутствием. Поэтому он с утра отправился, неизменно в образе Крамера, к Проворову, где мог отдохнуть с сестрой и зятем, не разыгрывая никакой роли, и поговорить откровенно. Впрочем, ему не столько надо было рассказать Проворову о своих делах или спросить у него совета, сколько хотелось своим рассказом привести самому для себя

события и обстоятельства к более строгой последовательности и стройности.

— Понимаешь, — рассказывал он, — это совершенно определенный заговор!

— Это ужасно! — возмутился Проворов. — Но только я удивляюсь одному: отчего ты не поступил за этим ужином так же, как тогда, в заседании масонской организации? Усыпил бы их и силой своей воли заставил забыть все их махинации! Это напрашивается само собой!

Чигиринский нетерпеливо махнул рукой, видимо раздраженный сделанным ему вопросом.

— Не говори пустяков! Во-первых, для того, чтобы использовать свою силу, да еще в такой степени, надо, по крайней мере, дня три готовиться к этому, почти ничего не есть, что я и проделал, когда шел тогда на масонское заседание! А тут я был совершенно, не подготовлен, никак не ожидая, что вместо простого ужина, самого обыкновенного, попаду на сборище настоящих заговорщиков. Я считал их недовольными, готовыми брюзжать, но чтобы они составляли ядро и чтобы сам гене-

рал-губернатор граф Пален был главой и за-
правилой, это было для меня ново и совер-
шенно неожиданно! Кроме того, есть люди с
такой природой, которая не поддается чужой
воле, как бы она сильна ни была! Такие люди,
напротив, привыкли сами подчинять себе
всех, и они сами того не знают, что могли бы
легко развить в себе силу, может быть гораз-
до более значительную, чем моя. Граф Па-
лен — именно такой человек, и потому он
имеет то огромное влияние, которым пользует-
ся. Не только нечего и думать заставить его
что-нибудь сделать, но даже нельзя прочесть
его мысли, если он этого не захочет. Моя сила
имеет предел, и все основывать на ней одной
невозможно! Надо пускаться на хитрости!
Кстати, вот что я хотел попросить тебя!

— Я уже сказал тебе, что ты можешь распо-
лагать мной, как хочешь, — проговорил Про-
воров. — Я буду помогать тебе, несмотря ни
на какие опасности.

— Нет, опасности никакой быть не может!
Дело решительно ничем не грозит и настоль-
ко нечего его бояться, что я даже Елену хочу
просить...

— В чем дело? — оживилась Елена, присутствовавшая при разговоре.

— Вот что, друзья мои! Закажите вы себе на завтра по голубому польскому костюму, самому обыкновенному, с откидными рукавами и конфедератками на голове — простые атласные голубые костюмы, такие же, как мой, и поезжайте на бал к Яковлеву, который будет завтра; ты — в качестве поляка, а Елена — в качестве польки.

— Что же, это недурно! — весело сказала Елена. — Мы с Сережей когда-то бывали на костюмированных балах. Он был Пьеро, а я — Пьереттой!

— Ну вот, а теперь будете поляком и полькой.

— Что же нам нужно делать? — поинтересовался Проворов.

— Об этом условимся завтра, когда поедем на бал вместе. Я тоже буду в своем голубом костюме; только, пожалуйста, маски общейте кружевом так, чтобы невозможно было узнать вас!

От Проворовых Чигиринский вечером заехал к Риксу и застал там несколько гостей,

сошедшихся случайно. Рузя была очень оживлена и весела, но при взгляде на Крамера притихла и смотрела на него с каким-то подбострастно-суеверным страхом.

— Что с вами? — спросил он ее потихоньку, улучив удобную минуту.

— А что?

— Да вы как-то особенно сегодня смотрите на меня!

— Если вам известно все, что вы хотите знать, то зачем же вы спрашиваете? — И Рузя потупилась, нахмутив брови.

Чигиринский догадался, в чем дело.

— Это, вероятно, оттого, — проговорил он, — что вы убедились в правдивости моих слов о том, что молодой человек, о котором вы спрашивали, действительно в Петербурге. Вы с ним виделись?

— Это просто невозможно! — воскликнула Рузя. — Вы какой-то всеведущий!.. Знаете, господин Крамер, я вас очень прошу, оставьте меня в покое и не следите больше за мной, а то так жить невозможно!

— Но если я следил, как вы говорите, то лишь потому, что вы сами просили меня об

этом! Вы сами задавали вопросы!

— Хорошо. Больше никаких вопросов я вам задавать не стану и прошу вас об одном: забудьте обо мне!

— Вам, может быть, угодно, чтобы я прекратил посещения вашего дома?

— Ах, я вовсе не хочу с вами ссориться! А кроме того, если вы перестанете к нам ходить, подымется целая история с дядей! Нет, приходите, но дайте обещание, что не будете допытываться, пользуясь вашим прозрением, что я делаю, где бываю и с кем вижусь! Вы — странный человек, господин Крамер!

— Это значит, что вы считаете себя проигравшей пари?

— Ну нет, — поспешила возразить Рузя, — относительно пари вы уже мне признались, что проиграли его вы!

В это время вышел из своего кабинета Рикс, где он сидел запершись, и к первому направился к Крамеру.

— А-а! Очень рад, господин Крамер! — весело приветствовал он гостя. — Оказывается, вы не только опытный конькобежец, но и превосходный танцор!

— Почему же танцор?

— Потому что я видел, как вы с моей племянницей танцевали краковяк в костюмированном балу у князя Троекурова. Вы даже польское одеяние себе сшили голубое, под пару ее костюму!

Теперь Чигиринский был поражен внезапностью, и ему надо было сделать над собой большое усилие, чтобы не выдать своего удивления. Ведь если Рикс знал, что он был в костюме поляка на балу у Троекурова, так, значит, ему было известно, что Август Крамер и Чигиринский — одно и то же лицо. А если так, то ему в виде Крамера нельзя уже будет никуда показываться. Словом, это грозило совершенно непредвиденными и очень хлопотливыми осложнениями, которые были совсем нежелательны в настоящее время, когда надо было действовать без помех и всяких препятствий.

II

Обращенные к Крамеру слова Рикса о том, что он якобы узнал его под костюмом поляка, сильно озаботили Чигиринского. В доме Рикса он поспешил замять этот разговор, отде-

лавшись общей фразой, чтобы как-нибудь неосторожным словом не испортить вконец дела, не разобрав его как следует и прежде чем оно было разъяснено. Но, вернувшись домой, он все с большей и большей тревогой стал сомневаться, уж не открыли ли масоны его переодевания, тем более что им была известна роль, которую он играл в прошлом, в образе Германа.

Однако тут же у него явилось соображение, что если бы Рикс в качестве масона узнал что-нибудь из сведений братства вольных каменщиков, то он не приветствовал бы так добродушно-радостно и, как всегда, ласково Августа Крамера. По-видимому, он не подозревал в нем никого другого, кроме этого понравившегося ему немца.

«Я понимаю, откуда это происходит, — соображал Чигиринский, ходя в мягких туфлях по комнате Крамера. — Это неожиданное осложнение явилось оттого, что я имел слабость вплести свое личное дело, свои личные отношения к хорошенькой Рузе в исполнение выпавшей на мою долю серьезной задачи».

Это сознание своей вины было ему чрезвы-

чайно неприятно и больно.

«Ну, что же, — сказал он наконец сам себе, — ну, хорошо, я сделал промах и, может быть, за это буду наказан, что же делать! Я все-таки слабый человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Но неужели из-за сделанной мной глупости должны пострадать высшие интересы, которым я служу? »

И невольно размышление подсказывало ему, что, конечно, от его ошибки ничего не может измениться в предначертании этих высших интересов и судьба останется тою же судьбой, весь же вопрос только в том, будет ли он участвовать в проявлениях этой судьбы или нет. Значит, будь что будет, а он не должен складывать оружия и продолжать вести свою линию.

Как бы в ответ на такую мысль в дверь послышался троекратный масонский удар, и на разрешение войти появился лакей, крайне удививший Крамера своим появлением. Крамер сделал рукой масонский знак, и лакей, в ответ склонив голову, приложил руку ко лбу, что служило для опознания низшей степени (он принадлежал к братству вольных камен-

щиков).

— Что нужно? — спросил Крамер.

— Его сиятельство князь Зубов лежат без сна в постели и очень просят вас, если вы не легли еще спать, пожаловать к ним! — проговорил этот масон, как самый обыкновенный лакей, исполнявший поручение своего барина.

— Хорошо, я сейчас приду к нему! — сказал Крамер, видимо ожидая, что лакей оказал свое масонство не даром, а с какой-нибудь целью, которую сейчас объяснит.

Но тот ничего не объяснил, а сказал все с той же чисто лакейской почтительностью:

— Их сиятельство просят вас пожаловать за мной.

— Ну, за тобой так за тобой! — согласился Крамер и последовал, как был в туфлях, за лакеем, тщательно заперев за собой дверь на ключ.

Он застал Зубова лежащим в постели в ярко освещенной спальне. Князь пожелтел и исхудал, и его красивые глаза с появившейся сильной синевой вокруг казались на бледном лице еще выпуклее и красивее.

— Вы не спали? Я вас не побеспокоил? Как я рад, что вы пришли! — начал Зубов, оживляясь при виде Крамера.

— Да, меня целый день не было дома, и я не знал, что вы больны, — ответил тот и, обращаясь к лакею, добавил: — Ты можешь идти! Я посижу с князем.

— Ничего, пусть он останется! — произнес Зубов тоном ребенка, привыкшего к своей нянюшке. — Владимир, сядь там, где-нибудь подалее.

Лакей Владимир не заставил повторять приказание и скромно сел в кресло у окна.

— Это ваш крепостной человек? — спросил Крамер Зубова по-немецки.

— Нет, он вольнонаемный, я нанял его за границей, и он понимает по-немецки! — пояснил князь Платон. — Скажите, господин Крамер, ведь вы знаете все: могут мертвые вставать из гроба и приходить с того света к нам?

— И сообщаться с нами?

— Да, сообщаться.

— Видите ли, — стал объяснять Крамер, — это вопрос очень сложный, совершенно не уясненный, и тут существует несколько тео-

рий, изложить которые я вам сейчас не возьмусь, потому что и час уже поздний, да и вы нездоровы! Это только больше утомит вас. В этом отношении надо просто считаться с фактами. Саул у волшебницы вызвал тень пророка, это факт! Может быть, и вам случилось видеть...

— Нет, я о себе не говорю! Я спрашиваю вообще...

— Ну, а вообще, — сухо ответил Крамер, — очевидно, умершие могут являться, если нам в Библии прямо указан пример Саула.

— И что же, надо слушать, что они говорят?

— Если они говорят так громко, что их можно слышать, то отчего же не сделать этого?

— Ну а если они потребуют чего-нибудь неисполнимого?

— Едва ли это может случиться, потому что обращаться с невыполнимым требованием к кому-нибудь — суцая нелепость, а едва ли стоит возвращаться с того света для того лишь, чтобы сделать нелепость. Иногда нам кажется, что какое-нибудь требование невы-

полнимо, а глядишь — на деле выйдет очень легко!

— Ну а что будет, если не исполнить?

— Часто люди, не исполнившие требования загробного явления, гложнут, слепнут, и нос у них пухнет и становится сизым.

При этих словах Зубов привстал на постели, пораженный тем, что Крамер повторяет слово в слово ту фразу, которой стращал его вчера явившийся к нему с того света Чигиринский. Особенно его страшил пухнувший сизый нос. Князь сегодня несколько раз требовал себе зеркало и смотрелся, невольно представляя себе, какое будет безобразие, когда на его красивом лице вспухнет вдруг огромная сизая дуля. Он был подавлен.

III

Яковлев был подрядчик-золотопромышленник, приобретший колоссальное состояние не только удачливой добычей золота в Сибири, но и огромными поставками, которые он делал в казну во время роскошного царствования Екатерины II и завоеваний Потемкина. Однако легко нажитые деньги он так же легко и тратил, не желая уступать в

роскоши настоящим барам. А роскошь была умопомрачительная, привлекавшая к нему на балы и празднества все петербургское общество.

Ближних знакомств, кроме определенных прихлебателей, у Яковлева не было, и запросто к нему никто не ездил, но балы, маскарады и другие празднества его были многолюдны.

Зачастую гости даже не знали хозяина в лицо и говорили, что с Яковлевым случился анекдот, когда у него на балу кто-то из зевавших гостей обратился к нему со словами:

— Какая скука!

— Вам-то хорошо! — ответил Яковлев. — Вы тут гость и можете уехать, когда вам угодно, а я здесь хозяин и волей-неволей должен терпеть эту скуку.

Маскарад у него, на который Рузя позвала Чигиринского, был, как и все яковлевские званые вечера, чрезвычайно пышен и не в меру обилен всевозможными излишествами. Перед входом в большой зал с многочисленными толстыми колоннами бил фонтан из духов для распространения приятного запаха

и вместе с тем для того, чтобы гости могли душировать свои платки. В зале буфетные столы, поставленные вдоль стен, ломились от всевозможных яств, прохладительных напитков и сластей. Тут были и яблочный квас, и северная морошка, и варенье из имбиря, привезенное с дальнего юга. Кондитерские произведения представляли собой целые марципановые сооружения в виде замков, мостов и башен. В круглой форме желе горела восковая свечка, так что желе освещалось изнутри.

Несмотря на зимний холод, стоявший на дворе, повсюду были цветы из собственных оранжерей Яковлева, выставленные главным образом с расчетом, чтобы они были видны и заметны. В большинстве комнат от расставленных в них растений в кадках образовался сплошной зимний сад со случайными беседками и закоулками в тени.

В столовой, в порядочной величины бассейне, бил другой фонтан — шипучего вина, которое можно было черпать прямо из бассейна серебряными ковшами, находившимися тут же. В большом зале под главной люстрой висел серебряный вызолоченный шар с

часами на нем, игравшими четверти и половины. Этот шар был подражанием, потому что такой же висел когда-то на люстре у князя Потемкина на его знаменитом празднестве, данном им в честь Екатерины Великой, в Таврическом дворце.

Чигиринский в своем голубом костюме поляка с белым бантом на плече ждал Рузю у фонтана с духами, делая вид, что любителю тем, как переливается пахучая светлая жидкость, играя отражением огней. Гости в масках и разнообразных костюмах прибывали и проходили мимо в зал.

Чигиринский, внимательно всматривавшийся в их толпу, увидел голубое приземистое домино и рядом с ним в голубом же костюме польку с белым бантом на плече. Несомненно, это были пани Юзефа и Рузя.

Чигиринский ждал их с двойным нетерпением, потому что кроме свидания с Рузей он должен был выяснить загадочные слова Рикса к Крамеру, что тот будто бы был на балу у Троекурова.

Рузя, увидев его, сказала матери несколько громко, что он мог слышать:

— Вот господин Крамер! Можно мне пойти с ним? Домино поглядело на Чигиринского и, кивнув головой, ответило:

— Мы отлично можем пойти все втроем! Рузя остановилась.

— Мамочка, — сказала она, — но это же будет смешно, на нас станут показывать пальцами. В маскараде всегда ходят парами, а вдруг мы на смех пойдем тройкой!

— Ну, хорошо, — согласилась пани Юзефа. — Я сяду вот там у стола в большом зале. Ты все-таки подходи ко мне время от времени.

— Да, конечно! — подтвердила Рузя. — Там, кстати, и паштет ваш любимый, и марципаны!

Пани Юзефа, любившая покушать, направилась к паштету и марципанам, а Рузя смело взяла под руку поляка и проговорила:

— Ну что, поляк, ты ждал свою польку?

— Конечно, ждал! — сказал Чигиринский, прижимая к себе локтем ее руку.

— А у тебя какой пароль?

— Пароль у меня — «Нева»... А у тебя лозунг?

— А мой лозунг — «краковяк».

— Скажи, пожалуйста, почему ты назвала меня своей матушке — это ведь она в домино? — какой-то немецкой фамилией?

— Ах, это моя маленькая хитрость! Пропытый раз за нами следил, как я тебе говорила, дядя и видел, что мы слишком ходили вместе и танцевали. После вечера он стал у меня допытываться, кто это был со мной, и я ему солгала, что это господин Крамер.

— Крамер? Это тот немец, с которым ты была тогда на катке?

— Ну да, и которого очень поощряет дядя. Я знала, что он ничего не будет иметь против, если я буду ходить с этим несносным человеком.

Сомнения Чигиринского сразу объяснились, и вполне благополучно; на этот раз не оказалось никакой для него опасности, но все-таки он почувствовал, что это было ему словно предостережением судьбы. Однако что было делать! Уж слишком ему хотелось повидаться с Рузей.

— Разве этот Крамер несносный? — спросил он, продолжая разговор. — Ведь вы же хо-

тели приручить его!

— Но он все знает, и это просто невыносимо! Шагу нельзя ступить! Я боюсь, что он узнает о нашем сегодняшнем свидании. Разве это не несносно? — ответила она.

— Вот что, Рузя, мы должны на некоторое время перестать видеться. Теперь нам надобно ненадолго отдалиться, а потом я дам тебе о себе знать.

— Нет, вы не смейте переходить со мной на «ты», когда называете Рузей!.. Разговаривая со мной как с маскарадной полькой — другое дело! Так принято обычаями маскарада, что маски говорят друг другу «ты». А если вы называете меня моим именем, тогда не смейте!

— Ну хорошо, будь по-вашему!

Они прошли уже большой зал и были теперь в следующей за залом комнате, украшенной беседками из зелени.

— Посмотрите, — остановила Рузя Чигиринского, — прямо перед нами, вот там, стоит такая же точно пара, как я с вами: голубая полька с голубым поляком и по банту у них на плече.

Чигиринский знал, что это Елена и Проворов, одетые так по его просьбе и разыгрывавшие роль, относительно которой он с ними условился.

Он условился с ними на случай, если бы его проделка с переодеванием в Крамера была действительно открыта, как это можно было, казалось, заключить из намека Рикса.

Теперь он знал простое объяснение этого намека, и помощь Проворова должна была служить разве только для мистификации Рузи.

— Да нет! — сказал он ей. — Это не пара живых людей, просто мы видим свое отражение в зеркале.

— Какое же это зеркало, когда они двигаются по-иному, чем мы, то есть, вернее, они стоят неподвижно, а мы двигаемся! — заспорила Рузя. — Я знаю, чьи это штуки! Наверное, это переодетый Крамер. Только кто это с ним и кого он одел в такой же костюм, как у меня?

— Ну, это нетрудно было ему сделать! Он мог попросить любую из его знакомых. Хотите, подойдем к нему и спросим!

— Нет, ни за что! Ну его совсем! Пойдемте от него подальше! — И она круто повернула назад в зал, увлекая за собой Чигиринского.

IV

— Почему же мы должны перестать с вами видеться? — спросила Рузя, когда они очутились опять в большом зале.

— Позвольте мне этого не объяснять! — ответил Чигиринский лишь после того, как сделал несколько шагов молча и, оглянувшись, удостоверился, что кругом все заняты своими разговорами и никто не прислушивается к тому, о чем он говорит с Рузей.

— А если мне все-таки интересно? — настаивала она.

— В свое время вы обо всем узнаете, а теперь дайте мне срок! Сейчас я рассказать ничего не могу, потому что дело не касается меня лично; да и вообще, это не личное дело и говорить о нем я не имею права! Я вам говорю, выждете несколько дней, самое большее — неделю, и тогда я вам снова дам знать о себе, и мы опять найдем возможность видеться. А сегодня вечер наш и постараемся провести его как можно веселее.

Рузя не возражала — она и сама рада была повеселиться.

Они пошли и оглядели все блестящие комнаты, отведали угощения и выпили шипучего вина, зачерпнув его ковшиком из бассейна с фонтаном.

У Яковлева тоже был зимний сад, но без уютных гротов, скорее похожий просто на оранжерею. Вместо прохладной тишины там гремел хор цыган на устроенном для него помосте.

Рузя и Чигиринский послушали цыган, потом танцевали и не заметили, как пролетело время. Они опомнились, только заслышав, что висевший под люстрой шар с часами проиграл одиннадцать часов.

— Батюшки, уже одиннадцать часов, — воскликнула Рузя, — а я ни разу не подошла к мамаше!

— Да, уже поздно! — согласился Чигиринский. — Мне надо собираться.

Они напоследок еще раз обошли гостинные и простились в уголке за группой растений. Рузя проводила Клавдия до vestibюля и там издали увидела стоявшую в ожидании одина-

ковую с ними пару.

— Опять этот Крамер! — сказала Рузя и, оставив руку Чигиринского, одна направилась обратно в зал.

Он посмотрел ей вслед и, убедившись, что она ушла, поспешно направился к Проворову и Елене, стоявшим в вестибюле, как бы показывая этим, что пора и честь знать.

— Что, устали? — спросил их Чигиринский, подходя.

— Да это, брат, тоска! И нелепая безвкусица, и эта пышность со свечами в желе! Кому это может понравиться? — скороговоркой произнес очень недовольный Проворов.

— Я отвыкла от этой сутолоки! А что касается веселья, то, право, в детской гораздо веселее, — заметила Елена.

— Ну ничего, милушка! Зато мне помогла! — воскликнул Чигиринский. — Большое вам спасибо обоим. Вы в течение вечера ничего не заметили?

— Да нет, кажется, ничего!

— И никто к вам не подходил?

— Кроме какого-то капуцина — никто!

— Да, он обратился к Елене и по-польски

сказал: «Не пепшь вепша пепшем, бо пшепепшишь вепша пепшем».

Это была шутливая поговорка, которая звучала: «Не перчи кабана перцем, потому что переперчишь кабана перцем».

— А ко мне он, — продолжал Проворов, — обратился на немецком языке, пожелав от всего сердца успеха.

— Когда это было? Давно?

— Нет, только что, когда мы шли сюда. Повидимому, этот капуцин только что приехал.

— Ну, хорошо! Спасибо еще раз. А что же вы на это?

— Мы, как было условленно на случай, если к нам будут обращаться: Елена молча наклонила голову и поднесла палец к губам, а я произнес значительно немецкое: «О, я!» — и затем мы немедленно юркнули в сторону.

— Ну, поезжайте теперь домой, вышло даже лучше, чем я ожидал, — сказал Чигиринский и, простившись с сестрой и зятем, отправился из вестибюля опять в зал.

Он не сомневался, что этот капуцин был не кто иной, как сам Рикс, пожелавший проверить, действительно ли его племянница хо-

дит с немцем.

У Рузи была привычка необыкновенно грациозно при разных соответствующих случаях подымать палец к губам и опускать голову. Потому он и научил Елену поступить так же на случай, если к ней обратятся, не вступая ни в какие разговоры.

Он нашел Рузю возле ее матери в зале, все у того же стола с марципанами, где пани Юзефа сначала покушала, а потом вздремнула, убаюканная однообразным движением маскарарада.

Они собирались уже домой, как вдруг Рузя, обернувшись, увидела почтительно склоненную в ее сторону фигуру в голубом камзоле с белым бантом на плече. Она не дала этому человеку подойти к ним, а сама быстро направилась к нему и проговорила с нескрываемой досадой:

— Это вы, господин Крамер?

— К вашим услугам! — сказал Чигиринский голосом Крамера и с его акцентом.

— Я так и знала. Мы сейчас собираемся с мамашей домой.

— Это значит, что, нагулявшись с одним

голубым поляком, вы хотите поскорее отделаться от другого?

Рузя, испугавшись, что Крамер, заговорив с ее матерью, может выдать, что она не с ним ходила целый вечер, нетерпеливо тряхнула головой.

— Ах, да я вовсе не хочу от вас отделаться! Дайте вашу руку и пойдете! — И она обернулась к голубому домино. — Мамочка, еще один тур! — сказала она в полной уверенности, что идет теперь с Крамером.

Расчет ее состоял в том, чтобы, пройдя с Крамером по комнатам, отвести его подальше от матери и, оставив, вернуться к ней одной и поскорее уехать. К тому же теперь она могла заверить честным словом или клятвой, что действительно ходила на балу у Яковлева с Крамером.

V

Вскоре они заметили в толпе пробиравшегося издали прямо по направлению к ним капуцина.

— Внимание! — сказал Чигиринский своей даме. — Этот капуцин — ваш дядя Рикс!

— Не может быть! — возразила Рузя. — Се-

годня его нет с нами, мы здесь одни, а он остался дома.

— Нет, на этот раз вы не уйдете от меня! — настойчиво произнес подошедший Рикс в костюме капуцина. — Теперь я вас не отпущу, потому что сейчас вы очень нужны, господин Крамер!.. Пойдемте скорее, вас сестра зовет.

При слове «сестра» Чигиринский вздрогнул. В первый миг ему представилось, что Рикс говорит ему о его, Чигиринского, сестре Елене, которая зовет его, то есть, другими словами, значит, Риксу опять известна проделанная с переодеванием Проворовых махинация. Но сейчас же выяснилось, что здесь он опять впал в недоразумение, потому что Рикс повел их по направлению к голубому домино, то есть к своей собственной сестре, пани Юзефе. Это могло бы быть истолковано Чигиринским как новое предупредительное указание судьбы, но он не обратил на него никакого внимания.

Возле пани Юзефы в ее голубом домино стояло другое, черное, обшитое массой дорогих, настоящих кружев. У черного домино был приколот, очевидно напоказ, желтый

бантик, рядом же с ним Чигиринский с Рузей узнали под маской Кутайсову, в том самом ее костюме, в котором они видели ее в гроте зимнего сада у князя Троекурова.

— Господин Крамер, — приседая и размахивая руками, плавно заговорила пани Юзефа, — вот Ольга Александровна хочет говорить с вами.

— Я — Жеребцова, — сказала черное домино. Крамер поклонился и почтительно проговорил:

— Я и без пояснений знал, что это вы! Иначе я никуда не годился бы как отгадчик! Этот титул, кажется, вы уже установили за мной.

— Однако не слишком ли уж много вы берете на себя? — с несколько даже брезгливой насмешкой заметила Жеребцова. — Конечно, после того как пани Юзефа назвала меня Ольгой Александровной, а я сама сказала свою фамилию, вам нетрудно говорить теперь, что вы меня узнали, но если уж вы действительно можете так, без всяких приготовлений, с первого взгляда узнавать даже замаскированных, так скажите, пожалуйста, кто рядом со мной под маской?

— Если бы я был представлен графине, то спросил бы позволения назвать ее, но теперь, раз я незнаком, я исполняю ваше приказание и говорю, что рядом с вами молодая графиня Кутайсова.

Произнесено это было Крамером необычайно спокойно и так просто, как будто он не видел тут решительно ничего особенного, но все, не исключая и Рузи, невольно ахнули.

Чигиринский, разумеется, отлично сознавал, что такое счастливое стечение обстоятельств едва ли когда-либо опять представится, и если Жеребцова или кто-либо из присутствующих сейчас будут заставлять его делать то же самое, то он с позором должен будет сложить оружие, но он действовал на «ура», пользуясь минутой и не заботясь о будущем. Сколько раз в его подобных же поступках, сделанных с отчаянной смелостью, выручала его впоследствии та же смелость. Главное же, в этот момент впечатление было огромное, а пока это только и требовалось.

— Нет, это чудовищно! — воскликнула Жеребцова. — Это необъяснимо чудовищно!

— Да, это не может не поразить! — под-

твердил со своей стороны Рикс тоном знатока, понимающего толк в этих вещах.

Пани Юзефа как открыла рот под своей маской, пораженная, слегка присев и растопырив руки, так и осталась.

— Скажите, пожалуйста, что случилось с моим братом? Отчего его нет здесь? — поспешно, с беспокойством стала спрашивать Жеребцова у Крамера. — Он должен быть тут непременно, я жду его. С ним что-нибудь случилось?

Тогда Чигиринскому стало все ясно.

Очевидно, молодая Кутайсова стала проситься на этот маскарад Яковлева; зачем ей это нужно было, Чигиринский знал, но дома графиню не захотели пустить снова в маскарад — это показалось слишком часто, и Ольга Александровна Жеребцова вызвалась шапронировать молодую графиню, то есть повезти ее с собой и смотреть за ней.

С такой важной почетной дамой, разумеется, Кутайсова могла ехать, а Жеребцова приколола свой желтый показной бант к своему домино с тем, чтобы их мог узнать замаскированный Зубов, который, по ее настоянию,

должен был приехать.

Но он не приехал, и Жеребцова, не отпуская от себя Кутайсову весь вечер, добросовестно, как строгая патронесса, смотревшая за ней, наконец подошла к пани Юзефе, которая, вероятно, мастерила им костюмы, и потребовала от нее указания, где тут ее знакомый Крамер, чтобы спросить его, что он знает о князе Platone.

О том же, что Кутайсова проскучала весь вечер возле Жеребцовой, можно было догадаться по ее отнюдь не оживленной фигуре, а главное, потому, что вблизи, но, правда, на почтительном расстоянии, Чигиринский увидел аркадского пастушка, умильно и тоскливо не спускавшего взоров с Кутайсовой. Этот аркадский пастушок был не кто иной, как князь Манвелов, виденный им в гроте.

Все это нетрудно было сообразить и так же легко решить, как комбинацию простого карточного пасьянса.

— Князь Платон Александрович, — ответил Крамер Жеребцовой, — вчера слег в постель и, насколько я знаю, не вставал сегодня целый день.

— Что-нибудь серьезное? — забеспокоилась еще больше Жеребцова. — Я знала, что только важная причина могла ему помешать быть здесь.

Говоря эти слова, она обернулась к Кутайсовой, а та чуть заметно двинула плечом и стала смотреть на аркадского пастушка.

В это время оркестр заиграл менуэт, и в зале стали составляться пары для танца.

— А что же графиня не танцует? — весело спросил Крамер.

Жеребцова, думая, что он хочет пригласить Кутайсову, ответила не совсем охотно.

— Я не знаю... Если она хочет...

Кутайсова под своей маской стояла неподвижно, как каменное изваяние. Жеребцова по-французски представила ей Крамера.

— Мы сейчас найдем кавалера! — весело и резво заявил тот. — Вот аркадский пастушок! Посмотрите, как он мил! Идите танцевать с ним, графиня!

И он, схватив аркадского пастушка за руку, подтащил его и заставил взять руку Кутайсовой.

Фигурка графини в один миг преобрази-

лась, и она поспешно, боясь, чтобы ее не остановили, пошла с пастушком, легко скользя по паркету в такт начинавшегося танца.

Пары задвигались и замелькали по залу.

— Вы знаете, кто этот аркадский пастушок? — строго, почти сердито спросила Жеребцова.

— Нет! — рассеянно ответил Крамер. — Почему же я могу знать? Ведь человеческой памяти не хватит, чтобы перечислить всех присутствующих здесь. По-видимому, это очень милый молодой человек, совсем порядочный, которому чрезвычайно хотелось танцевать, да и графине тоже...

Жеребцова нетерпеливо махнула несколько раз веером.

— Но ведь нельзя же представлять незнакомых!

— Если я сделал не так, простите меня как иностранца, не знающего здешних обычаев! Обыкновенно в маскараде маски танцуют, не будучи представлены друг другу. В этом смысл маскарада!

Жеребцова почувствовала, что Крамер был прав и что она получила урок, и поспешила

заговорить о другом:

— Я вас спрашивала о брате: что такое с ним?

— Я думаю, пустяки!.. Вы знаете мнительность князя Платона! Он готов лечь в постель от простой заусеницы.

VI

Князь Зубов третий день не вставал с утра с постели, и Чигиринский, узнав об этом от прислуги, стал опасаться, что его ухищрения были напрасны и природная робость или — вернее — трусость князя Платона преодолет и он не решится поехать к государю с откровенным рассказом затейного Паленом дела. У него не хватает этой решимости, несмотря на рассудительные, приведенные ему доводы, что рассказать гораздо выгоднее, чем молчать, так как умолчание влечет за собой риск даже быть повешенным, и несмотря на угрозы сверхъестественного страха, ловко обставленные Чигиринским и в виде выхода с того света, и в виде прорицателя немца Крамера.

Но такие слабовольные люди, как Зубов, обыкновенно пасуют перед малым усилием, которое им нужно сделать сейчас, и, как ни

страшатся последствий, все-таки этот страх всегда недостаточно силен, чтобы подвинуть их на то или на другое немедленное действие. Надо было пойти к нему опять и попытаться добиться от него решимости.

Чигиринский пошел в спальню к Зубову и застал его в полном изнеможении.

— Ах, господин Крамер! — вздохнул он. — Вы видите перед собой несчастного человека!

— Почему же несчастного?

— Да как же! Разве легко лежать и сознавать, что завтра начнешь слепнуть и глохнуть и нос станет расти и делаться сизым?

— Но ведь это же не так неизбежно! Это зависит от вас самих!

— Нет, это помимо меня!

— Отчего же? Вам стоит только встать и поехать, попросить аудиенции. Государь вас примет, как это делал прежде...

— Постойте, господин Крамер! Разве я вам рассказывал все?

— Нет, кажется, вы мне ничего не рассказывали.

— Тогда как же вы говорите это, как будто знаете все?

— Ах, князь! Пора же вам привыкнуть, что, когда меня интересует какое-нибудь дело, я узнаю его до малейшей подробности! Немудрено, значит, что я и теперь знаю все.

— Так вы говорите, чтобы я ехал?

— Я вам искренне советую это.

— Значит, ехать, говорите вы?

— Да, ехать и говорить все.

— Но ведь это же значит выдать себя с головой!..

— Ну вот! Зачем же себя? Выдавать себя не нужно! Напротив, вы явитесь в данном случае преданным человеком!

— Да, да! Ведь и в самом деле я являюсь преданным человеком! — согласился Зубов.

— Вот видите! Чего же вам опасаться?

— Ну а вдруг?

— Какое там еще «вдруг»? Вы знаете рыцарский характер императора? Он будет чрезвычайно тронут и наградит вас.

— Он-то наградит, а другим это может не понравиться! — заметил князь Платон.

— А как узнают эти другие, о чем вы будете говорить с государем? Ведь не станет же он рассказывать об этом, а вы и подавно тоже не

будете! Надо только, чтобы были приняты меры. Вот и все!

— Но ведь я же совсем болен! Вы видите, я лежу в постели расслабленный и больной и никуда не могу двинуться!

— А вы желаете выздороветь, чтобы сейчас встать и поехать? Да?

— Да, если бы я мог это, но вы видите, я совсем болен.

— А нос-то вдруг станет сизым?

— Ах, этот нос! Не напоминайте мне о нем, ради Бога!.. Я не могу, это выше моих сил!..

— Ну так если хотите сейчас выздороветь и поехать, то закройте глаза и подчинитесь мне... совсем... всецело!.. Закройте глаза!.. Вы спите... слышите?..

Зубов закрыл глаза и остался неподвижен в постели.

— Я приказываю тебе, — произнес Чигиринский негромким, но выразительным голосом, — когда ты сейчас проснешься, быть здоровым, встать и ехать тотчас же, куда надо и куда ты боишься отправиться. Преобори всякую робость!

В эту минуту в спальню быстро вошла Же-

ребцова и громко сказала:

— Здравствуй, Платон, что с тобой?

Крамер, убежденный, что никто не мог им помешать, вспомнил, что Ольга Александровна могла на правах сестры без доклада и предупреждений войти в спальню к больному брату.

— Тише! Тише! — остановил ее Крамер. — Вы видите, он спит, вы его испугаете! Выйдите в соседнюю комнату, я его сейчас разбуджу и позову вас.

Эти слова были настолько тверды и требование настолько определено, что Жеребцова подчинилась и на цыпочках вышла из комнаты.

Только что она вышла, лакей Владимир, сидевший на своем кресле у окна во все время разговора Крамера с Зубовым, а при появлении Жеребцовой вставший, подошел к Крамеру совсем близко и, приложив руку ко лбу, то есть делая масонский знак подчинения, проговорил:

— Куда это вы его посылаете?

Крамер посмотрел на него удивленно, но ничуть не смутился.

— Не знаю! — ответил он. — Очевидно, туда, куда он сам хотел ехать, как вы слышали. Больной хотел выздороветь, и я ему помог в этом!.. Вот и все. А я его никуда не посылал.

Владимир опустил голову и смиренно отошел к окну, а Крамер приблизился к Зубову и три раза дунул ему в лицо.

Тот открыл глаза, улыбнулся и свободно, глубоко вздохнул.

— К вам приехала сестра Ольга Александровна, может она войти? — спросил Крамер и, не дожидаясь ответа, громко сказал по направлению к двери: — Ольга Александровна, пожалуйста!

Жеребцова вошла и быстро заговорила, обращаясь к брату:

— Как же тебе не стыдно было не дать знать, что ты болен? Ведь ты же хотел непременно быть вчера на маскараде у Яковлева! Ах, между прочим, какая там аляповатость была! Настоящий лубок, и я напрасно надевала домино и прикалывала желтый бант, как было условлено. Ты не приехал, и перед графиней было неловко! Спасибо, господин Крамер на маскараде сказал, что ты нездоров, но

что это пустяки. Теперь тебе лучше?

Зубов беспокойно заметался в постели.

— Я отлично себя чувствую! Я совсем здоров. Мне надо сейчас ехать... сию минуту... как можно скорее... Владимир, подай мне парадный кафтан и вели закладывать немедленно карету!

Жеребцова в полном недоумении смотрела на брата и наконец воскликнула:

— Постой! Куда ты? Тебя не разберешь: то ты болящий и чуть не умирающий, а то тебе нужно ехать куда-то! Скажи, по крайней мере, хоть куда.

— К государю! К государю! Жеребцова сразу осеклась.

— Да? Ну, это другое дело! — протянула она. — Но только послушай! Все-таки чрезвычайно неловко перед Кутайсовыми!.. Ты из дворца поезжай к ним, все-таки лучше! И я там буду.

— Хорошо! Хорошо! — согласился Зубов. — Только теперь мне надо поскорее.

— Дай честное слово, что ты приедешь к Кутайсовым!

— Даю! Даю! Честное слово, приеду!

— Ну, хорошо! Я тебе верю и ухожу, не прощаясь. Значит, увидимся у Кутайсовых? — И Ольга Александровна вышла из комнаты, пригласив с собой и Крамера. В гостиной она остановилась и спросила его: — Скажите, пожалуйста, что это ему так приспичило? Государь его вызвал, что ли?

— Право, не знаю, Ольга Александровна, он мне ничего не говорил.

— А зачем он едет? Вы не знаете?

— Тоже не имею понятия.

— Но ведь вы можете это узнать!

— Самое лучшее, спросите сами вашего брата, а если это его секрет и он вам не расскажет, то я заранее прошу вас уволить меня от разоблачения чужих секретов.

— Вы всегда себе на уме, господин Крамер, и, кажется, вас никогда нельзя застать врасплох! Между прочим, вчера вы очаровали маленькую Кутайсову! Она просто без ума от вас и в восторге от того, что познакомилась с вами!

— Знакомство довольно странное: мы были в масках, и она моего лица не видела, а я — ее...

— Вот потому-то она и просила меня непременно привезти вас к ним. Приезжайте сегодня, я буду там и представлю вас графу.

Крамер отвесил низкий поклон.

— Непременно приеду, с большим удовольствием.

— Хотите, я отвезу вас сейчас ко мне, мы позавтракаем и потом поедем вместе?

Крамеру осталось только поблагодарить.

VII

Крамер завтракал у Жеребцовой, а потом она повезла его в своей карете к Кутайсовым.

По дороге она завела с Крамером как будто случайный разговор о том, что она завидует ему, что он так вот может, путешествуя, переезжать с места на место, видеть людей, новые места.

— Но все это хорошо, — заявила она таким тоном, будто всецело была поглощена заботой о самом Крамере, — все это хорошо, пока у вас есть силы и охота подвергать себя вечным случайностям и неудобствам кочевой жизни. Но придет время, когда вам захочется отдохнуть!

— Ну что же! Тогда я постараюсь сделать

это! — спокойно согласился Крамер.

— Да, но для этого нужны средства! Нужно обеспечение, нужно иметь свой собственный уголок, а ведь вы, насколько я знаю, совершенно бездомны: «Все свое ношу с собой».

— И вполне доволен этим!

— Охотно верю, что до поры до времени это так, но надо же вам подумать о будущем!

— Короче, вы делаете этот подход для того, чтобы предложить мне более или менее крупное вознаграждение? — спросил Крамер.

— Я вам не сказала этого и, кажется, даже не намекнула!

— Ольга Александровна, если вчера я мог узнать ваше лицо, несмотря на покрывавшую его маску, то неужели вы думаете, мне составляет труд сегодня прочесть ваши мысли? Не отнекивайтесь! Вы хотите предложить мне вознаграждение, и я даже знаю за что!..

— Правда, я забываю, что говорю с человеком, совершенно непохожим на других обыкновенных смертных! Пусть будет так, я добьюсь того, чтобы вы были вознаграждены, если вы мне поможете...

— Если я вам помогу женить вашего брата

на графине Кутайсовой? — подсказал Крамер.

Жеребцовой стало не совсем ловко, но она постаралась усмехнуться и промолвила, пытаясь овладеть положением:

— С вами приятно говорить, потому что вы всегда идете прямо к делу, без дальних рассуждений и экивоков. Отлично, будем говорить начистоту! Что вы хотите получить за то, чтобы помочь женитьбе брата?

Крамер долго смотрел в окно кареты, грузно качавшейся на своих высоких стоячих ресорах по ухабам петербургской мостовой. Потом он обернулся к Жеребцовой:

— Ольга Александровна! Неужели вы думаете, что всех и все на свете можно купить? Неужели люди не заслуживают в ваших глазах лучшей оценки?

— Не будем, господин Крамер, оценивать людей и удаляться от предмета! Никто вас не хочет купить, а просто-напросто не все ли вам равно, за кого маленькая графиня Кутайсова выйдет замуж? А между тем князь Платон Зубов — блестящий жених и может вполне составить ее счастье. Поэтому, помогая ему, вы нисколько не поступите против своей

совести, а будете действовать только как друг нашей семьи, за вашу же дружбу наша семья, в том числе я первая, готова вознаградить вас всем, чем вы желаете.

— Благодарю вас! Но, видите ли, до сих пор я привык сам делать другим одолжение, а не получать его.

— Не будьте слишком горды и не торопитесь с ответом! Ведь то, что я вам предлагаю, не пустяки, а, напротив, может упрочить вашу судьбу.

— Поверьте, я знаю свою судьбу точно так же, как вашу и вашего брата, — улыбнулся Крамер.

Чигиринский, войдя в роль гадателя, разыгрывал ее в образе Крамера с той профессиональной уверенностью, которая больше всего действует на людей.

«Неужели он и в самом деле выше других?» — подумала Жеребцова, искоса взглядывая на Крамера.

У Кутайсовых они застали самого графа, который принял их; он извинился, что дочь чувствует себя усталой после вчерашнего маскарада, но добавил, что она сейчас вый-

дет.

Жеребцова стала расхваливать ее и очень ловко перешла на своего брата, весьма убедительно уверяя, что он тяготится холостой жизнью, что он прекрасный человек и может составить истинное счастье той, которой будет суждено выйти за него замуж.

Кутайсов, простой, несложный человек, возвеличенный случайно, потерял уже голову от этого своего величия и, поддавшись уже на происки умной и энергичной Жеребцовой, сам был не прочь породниться со светлейшим князем Зубовым. Он радовался своему почету и блеску и хотел увеличить его еще больше.

— Я не понимаю, — сказал он Жеребцовой, — если князь Платон так увлечен, как вы говорите, моей дочерью, что же он медлит и не поговорит со мной?

— Ах, граф! Неужели вы не знаете сомнений, всегда сопровождающих влюбленность мужчины? Князь Платон не уверен, то есть он не знает, любит ли его молодая графиня!

— Но об этом ее нечего и спрашивать! Я гораздо лучше знаю, кого выбрать ей в мужа, и

в этом деле ее мнение не требуется! Я прикажу, так и будет! У вас, в чужих краях, — смеюсь, обернулся он к Крамеру, — кажется, на это иначе теперь смотрят, а мы живем по-старому!

Крамер, пристально посмотрев в темно-карие, казавшиеся совсем черными глаза Кутайсова и восточное лицо графа с определенно очерченным острым носом, выдававшим его турецкое происхождение, ответил:

— В каждой стране свои обычаи.

VIII

Дочь Кутайсова не заставила себя долго ждать и, появившись в гостиной, низко присела перед Жеребцовой.

— Так это вы — господин Крамер? — заговорила она бойко и оживленно. — Вот вы какой! А я ни за что не узнала бы вас вчера в красивом костюме поляка!

Ее приход как раз совпал с приездом графа Палена.

Тот явился к Кутайсову в очень хорошем расположении духа и сказал, что государь сегодня утром изволил назначить князя Платона Зубова шефом Первого сухопутного корпу-

са, графа Валериана — директором Второго корпуса, а графа Николая — шефом Сумского полка, так что он может теперь иметь вход ко двору.

— Это уж надо благодарить всецело графа! — пояснил он Жеребцовой, делая в сторону Кутайсова плавный жест рукой. — Это по его просьбе государь оказывает милость вашим братьям.

Лицо Кутайсова осветилось самодовольной улыбкой. Видимо, ему было очень приятно, что его протекция оказала такое сильное влияние.

— А вам, граф, скажу по секрету, — склонился доверчиво Пален к Кутайсову, — уже пожалован орден Андрея Первозванного и велено заготовить об этом рескрипт.

— Так это правда? — воскликнул Кутайсов. — Вы это знаете наверное?

— Кому же и знать, как не мне, все, что делается во дворце и в городе! Такова уж моя должность! Ах, господин Крамер, здравствуйте, очень рад вас встретить!

— А вы знакомы? — удивился Кутайсов.

— Да, мы встречались у князя Зубова.

— А вот вчера моя дочь видела господина Крамера в маскараде у Яковлева и поразилась ясновидению господина Крамера, — произнес Кутайсов.

— Да, в самом деле, это было очень поразительно! — подтвердила Жеребцова.

— Это очень интересно! — сказал Пален. — Как же это произошло?

Жеребцова во всех подробностях рассказала о том, как Крамер узнал их вчера под масками.

— Ну, это просто маскарадная интрига, — улыбнулся Пален, — и в этом нет ничего необыкновенного!

— Ах, нет! Вы не знаете, что господин Крамер действительно может показать в стакане воды все тайное! — опыт? — возразила Жеребцова, как бы взяв немца под свое покровительство и желая показать Палену, что она не такая легковверная.

Пален, считавший, что он по должности военного губернатора должен быть осведомлен обо всем, счел своим долгом немедленно же ознакомиться со сверхъестественными способностями Крамера.

— Вы, может быть, покажете нам сейчас маленький спросил он у него. Чигиринский почувствовал, что положение его становится рискованным, но делать было нечего, и он проговорил, пожав плечами:

— Ах, это, граф, такие пустяки, что, право, нечего обращать серьезного внимания!

— Я и не смотрю на это серьезно! — сказал Пален. — Но ведь мы в гостинной, и отчего же нам не заняться пустяками?

— Мне все равно, как вам угодно! — слегка поклонился Крамер, тогда как у него мелькнуло: «Ну как он загнет мне загадку, из которой не вывернусь?»

Но выручила дочь Кутайсова. Она стала просить, чтобы Крамер был настолько добр и погадал ей, непременно ей и никому другому.

— В самом деле! — одобрил Пален. — Скажите графине судьбу, а мы посмотрим, как удастся опыт.

— Ну, мы-то, конечно, не верим этим пустякам! — важно заявил Кутайсов для того, чтобы показать свою солидность и просвещенность.

— Нет, не скажите, — не согласился Па-

лен, — я знаю этот опыт со стаканом . чистой воды! Иногда это бывает поразительно. А господин Крамер — слишком серьезный человек, чтобы, если он говорит, это не было интересно.

Дочь Кутайсова распорядилась уже, чтобы принесли стакан воды, и спрашивала, не нужно ли еще чего-нибудь. Крамер успокоил ее, что больше ничего не требуется, а затем, взяв стакан с водой, отошел к окну и стал рассматривать воду на свет.

— Я вижу аркадского пастушка, — сказал он через некоторое время.

Все посмотрели на Кутайсову. Она вдруг вся вспыхнула.

Крамер взглянул на нее и спросил:

— Вы желаете знать вашу судьбу? Вы выйдете замуж за аркадского пастушка.

— Поразительно! — произнесла Жеребцова. — Мой брат Платон участвовал в живых картинах в Царском Селе в Китайском театре, был одет аркадским пастушком и имел такой успех, что все это и сейчас помнят.

— Я вижу грот в зимнем саду, — продолжал Крамер, — и туда вбегают две маски.

Чигиринский видел, что Кутайсова стоит вся красная, ни жива ни мертва, и почувствовал, что выдаст ее с головой, если расскажет, что было в гроте.

— Говорить дальше? — бросил он отрывисто в ее сторону. Графиня закрыла лицо руками и бессильно опустилась на диван.

— Нет, не надо!.. Довольно!.. Я верю, верю вам! Ради Бога, ничего не говорите!

Пален видел впечатление, которое произвело гадание Крамера на молодую девушку, и понял, что действительно ей сказали что-то значительное для нее, о чем мог узнать только ясновидящий человек. Для него это было убедительно, и он предложил с полной серьезностью:

— Ну а теперь, господин Крамер, посмотрите в стакан для меня, что вы увидите обо мне?

Крамер опустил стакан на подоконник и тяжело вздохнул.

— Нет, граф, не могу! Два раза подряд этот опыт произвести трудно. Он все-таки требует слишком много усилий.

— Ну, хорошо, — согласился Пален, — то-

гда в другой раз как-нибудь, от меня вы так не уйдете!

IX

Жеребцова очень заинтересовалась предсказанием Крамера Кутайсовой относительно аркадского пастушка и просила его на другой день приехать к ней на обыкновенное ее собрание несколько раньше, желая переговорить с ним.

Собрания людей, вдохновляемых или, вернее, искусно подготовляемых Паленом, по преимуществу происходили у Жеребцовой.

Крамер был аккуратен и приехал, когда еще никого не было. Ольга Александровна встретила его очень любезно и, торопясь, чтобы им никто не помешал, заговорила сейчас же о деле, ее интересовавшем:

— Скажите, пожалуйста, господин Крамер, ваше вчерашнее предсказание молодой графине Кутайсовой было сделано в каком смысле?

— Решительно ни в каком смысле! Я просто говорил то, что видел!

— Но все-таки вы действовали как друг или враг?

— Ни то ни другое. Я просто говорил правду.

— Но эта ваша правда разумела под аркадским пастушком князя Платона или кого-нибудь другого?

— Видите ли, я, конечно, мог бы уклониться, сказать вам, что не знаю, но я терпеть не могу лжи и сам никогда не лгу, а потому отвечаю вам прямо: нет, под аркадским пастушком я подразумевал вчера не вашего брата, князя Платона, а другого.

— Другого? Кого? Можете вы мне сказать?

— Ни в коем случае!

— Но отчего же? Ведь если мы с вами союзники...

— Нет, Ольга Александровна, никакого союза мы с вами не заключали.

— Ну не будем говорить об этом! А сами вы знаете имя и фамилию этого человека?

— Нет, увольте меня, я вам ничего не скажу, потому что мне иначе придется выдать чужую тайну.

Жеребцова, убедившись, что, сколько она ни спрашивай, ничего не добьется от этого немца, замолчала, все-таки подумав: «Нет,

этого я так не оставлю, а добьюсь своего! »

Тут начали съезжаться свои люди и стали составляться карточные партии.

Но прежде чем расселись по ломберным столам, неожиданно, раньше, чем обыкновенно, приехал Пален. Он был так взволнован, каким его никто никогда не видел. Обычно сдержанный, уравновешенный, на этот раз он был неузнаваем. Он как-то растерянно огляделся по сторонам, размахивая руками, и глаза у него бегали, как живчики.

Едва поздоровавшись, он начал рассказывать, не ожидая вопросов, торопясь словами и теряя обыкновенную плавность своей речи.

— Ну, уж я испытал сегодня тяжелые минуты! Я думаю, в моем положении еще никто никогда не был! Представьте себе... — Он огляделся кругом и продолжал: — Кажется, здесь только свои?.. Представьте себе, что случилось со мной сегодня утром! Обыкновенно я являюсь к государю в семь часов утра с рапортом о состоянии столицы. И вот сегодня я вошел в кабинет императора в семь часов утра, чтобы подать ему свой рапорт, и вдруг

застаю его озабоченным и очень-очень серьезным. Он запирает дверь на замок и молча смотрит на меня в упор, минуты с две. Понимаете, что должен был я в это время почувствовать? Потом он говорит наконец: «Граф Пален, вы были здесь в 1762 году?» Я ответил ему: «Да, ваше величество! Но что вам угодно сказать этим?» И он мне сказал: «Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола?»

— Неужели? — спросила Жеребцова. — Так он и сказал?

— Да, так и сказал.

— Но вы, конечно, ответили, что не участвовали?

— Да, я ответил: «Ваше величество, я только был свидетелем переворота, а не действующим лицом. Я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в Конном полку!» В самом деле, я был тогда капралом в конной гвардии, и только через два года меня произвели в вахмистры, а потом, лет через пять, — в ротмистры в армию. Итак, я сказал, что в 1762 году я ехал на лошади со своим полком, ничего не подозревая, что происходит. «Но

почему, ваше величество, задаете мне подобный вопрос? » — спросил я, однако. На это император ответил мне: «Почему? Потому, что хотят повторить 1762 год! »

Круг, образовавшийся около Палена, при этих словах расширился. Все невольно отступили назад, но никто не проронил ни звука, и все слушали, затаив дыхание.

— Я затрепетал при этих словах, — продолжал рассказывать Пален, — но тотчас же оправился и продолжал: «Да, ваше величество, хотят. Я это знаю и участвую в заговоре».

Вздых облегчения пронесся в собрании. Жеребцова подняла голову и с восторгом глянула на Палена. Крамер взглянул на Платона Зубова: тот стоял как ни в чем не бывало, с наивно скучающим видом. Казалось, в эту минуту ему хотелось только одного: поскорее сесть, потому что он устал на ногах.

Пален развел руками и, убежденный, что он изображает Павла Петровича, проговорил:

— «Как? Вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне такое говорите?! » — «Сущую правду, ваше величество! Я участвую в нем и должен показать вид, что участвую,

ввиду моей должности, ибо как бы я мог узнать, что намерены они делать, если бы не притворился, что хочу способствовать их замыслу? Но не беспокойтесь, вам нечего бояться! Я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнения между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу! Он был иностранец, а вы русский! Он ненавидел русских, презирал их и удалил от себя, а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью! Он не был коронован, а вы коронованы! Он раздражал и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его. В его время не было никакой полиции в Петербурге, а ныне она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова без моего ведома. Каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери! У нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было только семь лет». — «Все это правда, — сказал император, — но все-таки не надо дремать»*.

Когда Пален кончил, никто не решился за-

говорить первый, а он с видом победителя или, вернее, фокусника, которому только что удался поразительный опыт проворства и ловкости рук, сказал не без самодовольства:

— Теперь мы более или менее гарантированы! Но все-таки лучше немного повременить и не собираться. Теперь ко всяким собраниям, даже к самым невинным, карточным, конечно, будут относиться с подозрением. Надо немножко усыпить и убаюкать! Но только я желал бы знать, кто мог сообщить императору такие ужасные вещи? Надо найти виновника во что бы то ни стало!

И он подозрительно оглядел всех присутствовавших. Все стояли одинаково потупившись. Зубов внимательно рассматривал свои ногти.

— Надо узнать, кого вчера видел государь и с кем говорил, — сказала Жеребцова.

— Я сам сегодня просматривал камер-фурьерский журнал, — поспешил заявить Пален. — Государь вчера чувствовал себя нездоровым, после развода никуда не выходил из внутренних покоев и принял там очень немногих: Голенищева-Кутузова, князя Зубо-

ва и, конечно, Кутайсова. Разумеется, все они вне подозрений.

— Ну еще бы! — протянула с уверенностью Жеребцова. — А Растопчин разве не был?

— Он был с обыкновенным докладом.

— Ну вот вам и разгадка! Что же тут дальше искать? Конечно, это Растопчин!

— Да! Да! Это Растопчин, — подтвердил Пален, — другому некому! Надо будет принять меры, чтобы он последовал участи Аракчеева, Линдевера и других.

Весь этот разговор Палена с императором Павлом исторически верен от слова до слова, засвидетельствован им самим и им самим передан несколько раз разным лицам, которые записали его с точностью, безусловно, тщательной.

Жеребцова опустилась в кресло и облокотилась на руку.

— Против Растопчина ничего другого придумать нельзя! — сказала она, раздумывая. — Он очень хитер и пронырлив! Уж на что Панин — и тот ничего не мог поделать с ним! Сам пострадал, Растопчин же не только остался, а стал управлять вместо него колле-

гией иностранных дел!

— Просто возмутительно! — произнес с негодованием князь Зубов.

Он держал себя как ни в чем не бывало, и Крамер, все время следивший за ним, успокоился, что его до наивности непроходимая глупость не даст ему выдать себя. Князь Платон был словно забронирован этой наивностью своей природы, несложной, почти первобытной по уму.

Такие люди бывают или в самой первобытной среде, или, наоборот, в среде упадка и вырождения.

Когда Зубов не ощущал непосредственной опасности перед собой, он был вполне равнодушен и ничто его не озабочивало и не пугало, потому что для этого надо было сообразить о том, что грозило, а соображать он не мог, на это его не хватало.

— Ну что же, — успокоил Пален, — авось и с Растопчиным справимся так же, как справились с другими! Итак, господа, — обратился он ко всем присутствующим, — теперь до поры до времени, как говорит русская пословица, надо быть тише воды, ниже травы! Когда

будет нужно, я дам знать, и Ольга Александровна пригласит нас опять к себе. А пока поедем домой, я, по крайней мере, так устал за сегодняшний день, что хочу сделать это немедленно.

И он стал прощаться.

Жеребцова уговаривала было остаться поужинать, но никто не хотел есть, и все поспешили последовать примеру Палена, столпившись в передней и торопя лакеев, вечно сонных. Каждому хотелось поскорее очутиться дома и перестать быть вместе с другими.

Зубов взял Крамера в карету и, когда они очутились там вдвоем, вздохнул и, очень довольный, сказал с чисто детской искренностью:

— Ну уж и натерпелся же я страху! Как он стал рассказывать, а потом посмотрел на меня...

— Ну, что же тут было страшного? — перебил Крамер. — Чего же вам было бояться?

— Да как же! Ведь это вчера я был у государя!... Ведь вы знаете...

— Решительно ничего не знаю...

— Как же? Вы вчера говорили мне, что все

знаете!

— Но после вашего разговора с императором мы не виделись, поэтому я никак не могу знать, о чем вы с ним говорили.

— Ведь вы всегда все знаете.

— А этого не знаю и знать не хочу. Да и вам советую забыть, как будто ничего не было.

— А все-таки я, — заключил Зубов, — очень доволен, что я не ослепну, не оглохну и нос у меня не будет сизый.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Первого февраля 1801 года был назначен переезд императора Павла Петровича из старого Зимнего дворца во вновь отстроенный Михайловский замок.

Этот дворец, поспешно отстроенный, носил в своих помещениях ужасающие следы сырости, которая и ко времени переезда императорской семьи была еще чрезмерно велика. Нагреть и осушить воздух не могли и печи, топившиеся день и ночь. Бархат, покрывавший сплошь стены некоторых покоев, подернулся плесенью. Фрески, украшавшие стены, совершенно слиняли. Несмотря на то что в большом зале замка поддерживался огонь в двух: больших каминах, в углах его образовался сверху донизу слой льда.

В день переезда императора Павла в Михайловский замок не было даже вахтпарада. Государь поутру, в семь часов, в сопровождении обер-штальмейстера графа Кутайсова, прибыл из Зимнего дворца в замок, к полудню прибыла императрица Мария Федоров-

на, а затем состоялся обеденный стол, к которому были приглашены обер-камергер граф Строганов, генерал от инфантерии Кутузов, обер-гоф-маршал Нарышкин, обер-штаблмейстер граф Кутайсов, адмирал граф Кушелев и действительный тайный советник князь Александр Борисович Куракин. За столом государыня изволила пить, как сказано в камер-фурьерском журнале, за здоровье его величества.

Вечером, в семь часов, в театре Михайловского замка состоялось первое театральное представление, французские актеры исполнили две оперы: «Ревнивый любовник» и «Женихи».

На второе февраля был в замке маскарад для дворянства и купечества, на который было роздано три тысячи сто билетов.

Ожидали, что этот переезд из Зимнего дворца будет совершен пышным кортежем, в парадных каретах; говорили, что по Невскому проспекту будут расставлены шпалерами войска по пути следования императорской фамилии. Словом, ждали зрелища, и Рикс пригласил Крамера к себе, чтобы смотреть из

окна, выходявшего на Невский.

Крамер явился на приглашение и с трудом пробрался через собравшуюся на улице толпу к дому католической церкви, где жил Рикс.

Но никаких войск не было, и никто не знал, что это значит. Не было известно также никому, что император в семь часов утра последовал в замок в сопровождении одного только графа Кутайсова.

У Рикса тоже никто ничего не знал, все смотрели в окно и высказывали различные предположения. Одни предполагали, что шпалеры войск отменены потому, что не у всех полков в исправности форма и что только гвардия одета как следует, но ее, занимавшей караулы в городе, не могло хватить на необходимое пространство. Другие выдавали за верное, что торжественный въезд отменен, потому что император захотел совершить свой переезд без всякой пышности, домашним образом.

Всякая карета, проезжавшая по проспекту, вызывала любопытство, и все кидались к окну снова. На улице даже два раза кричали «ура!» каким-то придворным каретам, оче-

видно приняв их за экипаж императрицы.

Старый Рикс высказывал большое волнение и особенно беспокоился. Он тормозил Крамера, беспрестанно подзывая его к окну и заставляя смотреть на улицу.

— Вот это уж императрица едет!.. Наверное императрица! — воскликнул он. — Господин Крамер, поглядите! Станьте сюда, на мое место!

Крамер подошел к окну и, чтобы лучше взглянуть, оперся рукой о подоконник, а потом, через некоторое время, заметил, что попал пальцами в черную липкую мазь, которой был запачкан подоконник.

Все, и он сам первый, рассмеялись этому.

Рикс объяснил, что, очевидно, это он сам запачкал подоконник краской для печатного станка, которую ему принесли, чтобы он, как химик, испробовал ее. Доктор Пфаффе тщательно исследовал мазь и подтвердил, что это действительно краска.

Крамер пробовал вытереть пальцы бумагой, услужливо поданной ему Риксом, но это помогло мало, так как, сколько он ни прикладывал пальцы, они отпечатывались на бума-

ге, но чище от этого не становились. Пришлось пойти вымыть руки.

Крамер прошел в кабинет к Риксу, где стоял умывальник и, оттерев наконец краску мылом и щеткой, вернулся к остальным, находившимся в столовой.

Чтобы попасть туда, надо было пройти через переднюю, и там по дороге Крамер заглянул на всякий случай в шляпу доктора Пфаффе. За кожаной ее обшивкой лежала узкая лента записки. Чигиринский взял ее и спрятал в карман, опасаясь, что его застанут за чтением. Очевидно, сама Рузя искала сообщения с ним как Чигиринским.

С Крамером она была очень мила и разговорчива и, между прочим, очень настойчиво спрашивала, пойдет ли он на маскарад завтра в Михайловский замок.

— А вы там будете? — спросил он. Рузя положительно сказала, что не будет.

— Нет, знаете ли, довольно этих маскарадов! — заявил Рикс. — Да и вы, господин Крамер, лучше зайдите завтра ко мне, мы с вами давно не занимались нашими опытами. В самом деле, мы проведем вечер гораздо лучше

за делом. Кстати, вы хотели показать мне вашу алхимическую таблицу. Захватите ее с собой.

Крамер сказал, что хотя ему было бы очень интересно посмотреть на новый замок, но он тоже устал от маскарадов и с удовольствием придет к Риксу.

II

Вернувшись домой и запершись у себя в комнате, Чигиринский первым делом достал из кармана полоску бумаги, вынутую им из шляпы Пфаффе, и прочел ее. Там было поспешно написано всего несколько слов: «Михайловский замок. Маскарад. Оденьтесь коричневым монахом. В руках держите книгу Мармонтеля».

Рузя вызывала Чигиринского на маскарад завтра, и выдумка ее была очень находчива, потому что костюм коричневого монаха весьма легко было достать (он был в большом ходу на маскарадах), а книгу Мармонтеля, очень распространенного автора того времени, можно было купить в любой книготорговле.

О своем костюме она не писала, потому

что ей или было некогда писать, или она сама еще не знала, в чем будет одета. Очевидно, она сама разыщет монаха по книге, которая будет у него в руках.

Все было великолепно, дело осложнилось лишь тем с первого взгляда, что Чигиринский, согласно обещанию, должен был идти под видом Крамера к старому Риксу.

Но он сейчас же сообразил, что, напротив, это выйдет еще лучше, потому что он успеет от Рикса проехать в карете в Проворову, накинуть там одеяние монаха, которое настолько скроет его благодаря капюшону и суконному языку с отверстиями для глаз, спускающемуся на лицо, что не представляется надобности преобразовываться из Крамера в свой естественный вид. На последнем балу он разыгрывал роль Крамера, оставаясь Чигиринским, а теперь он будет Чигиринским, оставаясь Крамером. Рикс, конечно, будет потом уверять, что Крамер весь вечер сидел у него, и это тем более еще утвердит Рузю в том, что Чигиринский и Крамер — разные лица.

Он сейчас же отправился к Проворову и

поручил ему приготовить все нужное для маскарада.

— Как? Опять маскарад? — испугался Проворов. — И опять мне тащиться с Еленой?

— А что же? Разве тебе невоготу? Ты непонятливый?

— Нет, нисколько; если нужно, я не отказываюсь. Я так только говорю! От слова ничего не сделается, — оправдывался Проворов.

— Нет, на этот раз я отправлюсь один, и мне никого не нужно! — успокоил его Чигиринский. — Достань только мне обыкновенный коричневый костюм монаха, надеваемый поверх кафтана, да завтра вечером пошли за мной карету и оставь ее до ночи в моем распоряжении.

— Ты что же, к нам заедешь переодеться?

— Да нет же! — сообразил вдруг Чигиринский. — Я отлично могу накинуть на себя костюм монаха в карете! Это мне еще сподручнее будет! Превосходно, так и сделаю!

На другой день вечером карета Проворова в назначенный час была у подъезда зубовского дома. Крамер вышел — на нем был суконный плащ, — нашел в карете сверток с костю-

мом монаха и велел ехать на Невский проспект, в дом католической церкви.

Рикс ждал его у себя в кабинете, где между книгами, ретортами и другими алхимическими аппаратами был накрыт маленький столик с ужином и бутылкой старого венгерского вина. Он встретил гостя, потирая руки и высказывая радость несколько преувеличенную, что сразу бросилось в глаза Чигиринскому.

— Как я рад, господин Крамер, что вы пожаловали так аккуратно! Моих дам нет, и мы будем одни. Ну, принесли вы свою алхимическую таблицу?

Чигиринский достал из принесенного им свертка скрученный пергамент, разграфленный на клетки, в которых были понаставлены астрологические знаки и цифры.

Рикс развернул, долго смотрел и наконец проговорил:

— Но тут без ключа ничего не сообразишь!

— Конечно, — согласился Чигиринский. — Но этот ключ у меня есть — я нашел его после долгих трудов и поисков.

Чигиринский не лгал. Он действительно в

течение своих многократных поездок за границу много занимался, между прочим, и алхимией по редчайшим старинным книгам древнегреческих библиотек, и в особенности знаменитой в этом отношении библиотеки бельгийского Льежа.

— И он у вас здесь, с собой? — спросил Рикс.

— Да, я захватил и его, потому что без ключа таблица сама по себе ничего не значит.

— А покажите!

— Ну, нет, — возразил Чигиринский, — позвольте не делать этого! Ключ найден мной и составляет мою тайну. Мы можем произвести опыт, я буду руководить по своему ключу, но весь ключ я не могу дать, и вы, как алхимик, должны это понять.

— Ну, что же делать! — покорно вздохнул Рикс. — В сущности, я понимаю вас. Ну, попробуем какой-нибудь несложный опыт, чтобы только убедиться, действительно ли найденный вами ключ верен!

Они оба подошли к очагу, нарочно устроенному в кабинете старика для алхимических хитростей, и стали варить на огне в

небольшом яйцевидной формы сосуде на львиных лапках зеленое месиво, следя за пещочными часами и подливая в сосуд то из одной, то из другой склянки.

У Чигиринского в небольшом сафьяновом карманном портфельчике был его ключ — маленький четырехугольник пергамента, испещренный тоже знаками и цифрами. Он несколько раз вынимал его из кармана и справлялся с ним. Рикс старался заглянуть, но каждый раз Чигиринский быстро и ловко прятал портфельчик обратно в карман.

Опыт удался как нельзя лучше, и Рикс казался очень довольным.

— Ну, а теперь подкрепим наши силы! — пригласил он. — Мы тут вдвоем и закусим! Здесь есть паштет, который пани Юзефа делает великолепно, потому что сама его любит, и старое венгерское вино.

Он откупорил бутылку и налил в две заранее приготовленные большие рюмки на высоких ножках цветного стекла янтарную прозрачную влагу. Чигиринский заметил при этом, что в одной рюмке вино как будто казалось мутным.

«Уж не хочет ли старый опоить меня сонным зельем, чтобы воспользоваться моим ключом? — подумал он. — Положим, Рузи и ее маменьки нет дома — они, вероятно, отправились на маскарад, но все-таки этот ужин в кабинете с алхимией мне подозрителен! »

— А не лучше ли уменьшить огонь в очаге? — спросил он. — Иначе, пожалуй, атанор *note 3* может не выдержать, и тогда все погибнет.

— В самом деле! — испуганно воскликнул Рикс и кинулся к очагу.

Чигиринскому нужен был только один миг, чтобы переставить рюмки. Он это мог сделать в совершенстве, потому что нарочно практиковался в этом, принимая эту предосторожность всегда, когда ему случалось пить вино или что-нибудь другое один на один с масонами. А Рикс был завзятый масон и к тому же страстный алхимик.

Старик, поправив огонь на очаге, быстро обернулся, но Чигиринский стоял уже возле него и внимательно глядел на тлевшие уголья, как будто всецело поглощенный опреде-

лением степени их жара.

— Так, я думаю, хорошо? — сказал Рикс.

— Да, я тоже думаю, что так хорошо! — повторил Чигиринский.

— Ну, пойдете теперь ужинать!

— Пойдете, я с большим удовольствием!

— Берите же ваше вино, и выпьем на вечную дружбу! Они взяли рюмки и чокнулись.

— Нет, нет! До последней капли! — настоял Рикс. — Вот видите, как я! — И он, запрокинув голову, вылил в рот из своей рюмки последние остатки вина. — Вот так! — заключил он.

III

Переодевшись в карете в костюм монаха и подъезжая к Михайловскому замку, Чигиринский чувствовал себя в отличном расположении духа, потому что испытывал сознание, что он имеет полное право доставить себе удовольствие посещения маскарада и свидания с Рузей, хотя принятые им меры относительно раскрытия заговора не имели существенных результатов вследствие находчивости Палена и неизмеримой дерзости, до которой тот дошел в своем предательстве. Но все-таки нечто было сделано. Пален объявил пе-

рерыв собраний стоворщиков и предложил некоторое время сидеть смиренно, чтобы усыпить «бдительность», как он говорил.

Чигиринский знал, что он, участвуя в заседаниях заговорщиков, будет осведомлен, когда они предпримут что-нибудь новое, пока же он мог быть спокоен и предоставлен самому себе. Таким образом, он мог без помехи поехать на маскарад и веселиться там, если это ему нравилось.

К сожалению, на маскараде в Михайловском замке было вовсе не весело, а тоскливо и хмуро.

Стоявший там от сырости туман был так густ, что свечи в люстрах не могли разгореться, трещали и меркли, несмотря на то что этих свечей была гибель — несколько тысяч, и в высоких покоях стояли сумерки. В этих сумерках, сырости и холоде слонялась толпа скучающих масок, не находивших в себе сил веселиться при такой тяжелой обстановке.

Чигиринский был очень рад, что ему пришлось надеть прямо поверх кафтана его суконный костюм средневекового монаха — тот был достаточно теплый и в нем не приходи-

лось ощущать особенно сильно холода и сырости.

Чигиринский рассчитал, что лучше всего ему стать с книгой Мармонтеля в руках где-нибудь на виду при входе в главный зал и ждать, пока Рузя разыщет его сама.

Он не ошибся: вскоре подошла и она, одетая католической монахиней, с косынкой на голове, которая закрывала всю нижнюю часть ее лица, так что были видны одни только глаза. Таким образом, это одеяние требовало маски и Чигиринский узнал Рузю сейчас же по глазам.

— Какая у тебя книга в руках, господин монах? — спросила она, подходя.

— Та самая, которую мне приказали через голову доктора немца, — ответил он.

— Если ты всегда исполняешь так послушания, из тебя, монах, выйдет прок! Пойдем со мной.

Чигиринский дал девушке руку, и они пошли.

— Ты не ожидал, что я так вызову тебя? — начала она. — Я только боялась, каждый ли раз доставляет тебе письма почтовая контора.

— Да, кстати! — сказал он. — Я хотел предупредить: будь осторожнее со шляпой немца! Она может служить почтовой конторой лишь тогда, когда я предупрежу об этом. Хорошо, что на этот раз вышло удачно, а в другой раз может и промах быть...

— А это разве чем-нибудь грозит?

— Главным образом, тем, что я не попаду на свидание. А что, сегодня ты меня вызвала так себе, благодаря лишь удобному случаю? Ты здесь с матерью?

— Нет, я одна. Мамаша думает, что я на Петербургской стороне, в масонском доме, у статского советника Поливанова.

— Вот как? А тебе знаком этот дом?

— А как же! Именно по дороге оттуда меня понесла лошадь на Неве, и тут была наша первая встреча. Помнишь?

— Конечно, помню! Но зачем же ты все-таки едешь к Поливанову?

— Ах, эти петербургские масоны очень смешны! Один камер-юнкер Тротото чего стоит! Они там у Поливанова, в сущности, больше угощаются и пьют. Раз, говорят, допились до того, что их нашли утром в храмине масон-

ской ложи в самых невероятных позах: один другого держал за нос, а камер-юнкер Тротото просто сидел под столом. Вообще, к ним серьезно масоны-поляки не относятся, и дядя Рикс поручил мне изредка наведываться к ним и узнавать, что у них там делается. В тайны настоящих польских масонов он меня не хочет посвящать и говорит, что это не моего ума дело, но на петербургских он смотрит совсем иначе.

— А ты отлично сделала, что вызвала меня сегодня! Я чрезвычайно рад.

— Ну, а что твои дела? Ты освободился от них?

— Нет еще, но имею маленькую передышку.

— Значит, я ничему не помешала и не оторвала тебя? Сначала я вызвала, просто желая воспользоваться случаем маскарада в новом замке, на который так легко было достать билеты, а теперь я крайне рада. Мне нужно сообщить тебе нечто очень важное, о чем я узнала вчера вечером, уже после того, как сунула записку в шляпу доктора Пфаффе.

Они говорили урывками, делая большие

паузы, когда кто-нибудь оказывался слишком близко возле них: и у Чигиринского, и у Рузи была отличная сноровка маскарадного разговора, при которой подслушать их было невозможно, несмотря на то что они ходили все время в толпе.

Да и толпа эта была не очень тесная в Михайловском замке. Съехалось почти на тысячу человек меньше, чем было роздано билетов, и Чигиринский с Рузей могли говорить свободно.

— Даже очень важное? — переспросил он голосом, в котором звучала благодушная любовная насмешка.

— Да, очень важное! — повторила она. — Ты не смейся... Сегодня я могу сказать тебе, что ты совершенно свободен; всякая опасность для тебя миновала, и ты можешь более не скрываться! Теперь масоны против тебя ничего не имеют.

— Что такое? Что ты говоришь?

— Говорю то, что знаю наверное! Теперь тебе ничто не угрожает!

— Постой! Я это слышу и понимаю. Но объясни, в чем дело?

— Да, и объясню! — возбужденно ответила Рузя. — Все эти масонские истории мне до смерти надоели, не хочу я в них путаться. Я желаю просто жить, как все другие девушки, быть свободной, веселой, и радоваться, и любить...

— Кого?

— Того, кто заслужит это!

— А я разве не заслужил?

— Это что за самонадеянность?! Пока вы для меня ничего не сделали.

— Как и ты для меня?!

— Нет, я чрезвычайно много сделала. Вот я вам сообщаю, что вы избегли всех опасностей.

— Правда, Рузя, вы предупредили меня и этим сделали очень много! Я не подумал об этом. Так вы все-таки объясните, что значат теперь ваши слова?

— Ну что же! Я вам расскажу и надеюсь, что вы меня не выдадите. Ведь вы меня любите?

— Люблю, Рузя! Клянусь вам, я в жизни своей никогда не обманывал.

— Ну, хорошо! Дядя Рикс думает, что я глу-

па и могу только забавляться такими пустяками, как эти петербургские масоны; но на самом деле я понимаю гораздо больше, чем он думает. Конечно, во всех этих алхимиях и разных тайных науках я ничего не разумею, потому что просто не хочу этого и мне скучно. Но я отлично могу сообразить, когда масоны хотят пойти на дурное дело, вроде того, как они хотели отравить вас... Да, отравить! — повторила Рузя. — И я это узнала благодаря тому, что отец Грубер после смерти польского короля поселил нас в доме католической церкви неспроста! Кроме вас, я никому бы не рассказала об этом, но, раз тут дело идет о вас, я рассказываю, и вы должны ценить это!

— Рузя!..

— Ну, хорошо, хорошо!.. Я верю! Отец Грубер, как правоверный член ордена Иисуса, не любит масонов и говорит, что они принесли Польше много вреда. Я, как послушная дочь католической церкви, хорошо известна отцу Груберу, и он верит, что я могу понять гораздо больше того, чем думает дядя Рикс. Он знает, что дядя Рикс — один из деятельных поль-

ских масонов, и поручил мне следить за ним с тем, чтобы я осведомляла его, конечно для пользы самого же дяди, обо всем, что тот делает. Для этого отец Грубер предложил нам квартиру в церковном католическом доме с таким расположением, что моя комната приходится стена о стену с большим кабинетом дяди. В толстой стене существует потайной шкаф, из которого не только слышно, что делается в кабинете, но и видно через маленькое, искусно устроенное отверстие. Я слушала в шкафу очень часто, что говорилось и делалось в кабинете у дяди Рикса, когда он там заперся с кем-нибудь, уверенный, что никто их услышать не может. Секрет шкафа был сообщен для этого нарочно мне отцом Грубером, и я обо всем передавала ему.

— Значит, вы от патера Грубера ничего не скрываете? И обо мне ему тоже говорили?

— Нет, зачем же? Ведь он поручил мне следить только за масонами, то есть за настоящими масонами, польскими, чтобы оберегать дядю! И потом, мы с вами ничего дурного не делаем, и то, о чем мы говорим, интересно для нас самих и, право, ни для кого более. Ну,

так вот, после того как умер король Станислав Август, мы все переехали в квартиру католической церкви; ранее же этого, когда мы жили у себя, а дядя Рикс — в Мраморном дворце с королем, где ему неудобно было иметь частые свидания с масонами и заниматься алхимией, он приезжал в эту квартиру, или, вернее, в устроенный тут кабинет, и считал себя в полной безопасности. Отец же Грубер наблюдал из тайного шкафа иногда сам, но чаще всего посылал туда меня, потому что я знала все масонские связи дяди, занималась для него перепиской и вообще была осведомлена о многом, что помогало мне легко разбираться в наблюдениях и осведомлять отца Грубера. Вскоре после бала в Мраморном дворце, для которого дядя Рикс достал деньги у масонов при посредстве доктора Пфаффе, я была проведена в шкаф, принадлежавший тогда к квартире самого Грубера. Здесь я услышала совещание дяди Рикса с доктором Пфаффе о каком-то Германе, который оказался смертельным врагом масонов. Дядя получил о нем сведения из-за границы, где этот Герман был судим заочно на тайном съезде ма-

сонских делегатов всех стран и присужден к немедленной смерти везде, где бы ни был открыт кем-либо из серьезных истинных братьев-масонов. Они говорили, что этот Герман скрывается теперь в России под видом молодого человека по фамилии Чигиринский. Доктор Пфаффе заявил, что он знает этого Чигиринского и следит за ним в доме его приятеля, где тот живет. На балу, после того как мы с вами танцевали, я спросила у камер-юнкера Тротото, который всех и вся знает в Петербурге, кто был молодой человек, танцевавший со мной, и он назвал мне вас Клавдием Чигиринским, сказав при этом, что отлично знал другого, вашего брата, двойника, который как две капли воды был похож на вас и который сделал большой вред масонам. Для меня это было свидетельством о ваших прекрасных внутренних качествах, потому что отец Грубер всегда говорит, что всякий истинный человек должен быть противником масонства. Вы же принадлежали к семье, которая была, значит, знаменита своим противодействием братству вольных каменщиков. Таким образом, все, что я слышала о вас, говорило в вашу

пользу. Представьте же себе мое удивление и негодование, когда я услышала заявление дяди Рикса, что молодой человек, танцевавший со мной краковяк на балу, то есть вы, и есть тот самый Чигиринский, который выдавал себя за доктора Германа! Мне хотелось тогда же крикнуть, что они ошибаются, что это не вы, что это ваш брат, похожий на вас двойник, но я удержалась, потому что, конечно, ничего не достигла бы своим криком, а выдавала бы тайник патера Грубера, словом, поступила бы, как глупая девчонка. Дальше они, как истые масоны, решили тотчас же исполнить постановление высших степеней и «наказать предателя», как они выразились, без промедления, как только его настигнут. Решено было применить отраву при помощи записки. Это делается довольно хитро: пишется записка какого-нибудь невинного содержания, а затем складывается, и под тем местом, где будет печать, наклеивается внутри записки несколько кусочков мелко истолченного стекла, совсем незаметного для глаза. Стекло посыпается порошком, записка запечатывается. С внешней стороны она совсем безопас-

на, ее можно трогать и держать в руках сколько угодно, но тот, кто станет ее распечатывать, непременно оцарапает слегка, почти незаметно, палец о стекло; под кожу проникнет яд порошка, и этого достаточно, чтобы отравить человека. Такую записку они хотели послать вам.

IV

Маскарад продолжался, несмотря на то что император Павел удалился во внутренние покои в три четверти десятого. Императрица же оставалась до первой четверти двенадцатого часа.

Ряды масок значительно поределели, но и после полуночи все еще не покидали длинной анфилады дворцовых комнат.

Чигиринский с Рузей продолжали ходить, не обращая на себя внимания своими скромными костюмами, и разговаривать. Рузя рассказывала:

— На другой день утром дядя Рикс велел мне, между прочими бумагами, написать записку о том, что «молодая особа, видевшая Вас на балу в Мраморном дворце, интересуется Вами и просит прийти в Летний сад на

главную аллею в час дня». На адресе он приказал надписать имя Чигиринского и принести ему эту записку с бумагами же в известный мне кабинет дома католической церкви. Я все это исполнила и затем через отверстие шкафа видела, как дядя Рикс приготовил записку, наклеив стекло и осторожно насыпав порошок, аккуратно сложил и, оставив записку на столе, взял шляпу, после чего ушел домой. Сейчас же бросилась я к отцу Груберу и рассказала ему все. Он похвалил меня и сказал, что, конечно, нельзя допускать убийства и что следует оградить дядю от греха так, чтобы он и сам этого не подозревал. Он велел мне написать другую записку, содержание которой вы знаете...

— Помню наизусть! — сказал Чигиринский.

— И сложить ее точь-в-точь, как сложена первая. После этого он мне показал, что тайный шкаф имеет выход также и в кабинет, столь удачно замаскированный лепными украшениями стен, что нельзя и предположить о его существовании. Хорошо, что я не знала об этом выходе, иначе мне не выдер-

жать бы! Я выскочила бы в кабинет во время разговора дяди с доктором Пфаффе. Теперь я спокойно взяла составленную дядей записку, сожгла ее в очаге и на место ее положила другую, запечатав ее тут же лежавшей масонской печатью. Удалилась я через шкаф, а потом сидела в шкафу до тех пор, пока не вернулся с доктором дядя Рикс и отдал ему мою записку, которую он бережно и с опаской спрятал, сказав, что имеет возможность доставить ее сегодня же по назначению. Теперь за вас я была спокойна, но все-таки меня интересовало получить от вас какие-нибудь известия. Спросить я ни у кого не смела, даже у патера Грубера, чтобы не выдать ему, что я заинтересовалась вами. Наконец, из тайного шкафа я услышала, как Пфаффе говорил, что вы уехали и что записка никакого действия не имела. Он упрекал дядю, что средство было ничтожно и надо было употребить более сильный состав. А дядя упрекал его в том, что, очевидно, записка не была доставлена по назначению, так как иначе действие ее было бы несомненно и принесло бы должные плоды. Он очень сердился и кричал на Пфаффе, что

он знает свои средства и что они действуют идеально, а потому с его стороны не может быть ни ошибки, ни промаха.

— Неужели ваш дядя такой бессердечный человек, что мог так легко отнестись к тому, чтобы отправить на тот свет человека? — спросил Чигиринский.

— Вы не знаете старого Рикса. Многие считают его добродушным, а на самом деле все, кто знает его близко, совсем другого мнения о нем! Вот сейчас к нам ходит Август Крамер, немец, которого привел доктор Пфаффе и о котором вы знаете немножко. Этого немца дядя Рикс очень ласкает и играет с ним в самую искреннюю дружбу, а на самом деле он ему завидует и следит за ним.

— Отчего же он ему завидует?

— Оттого, что тот обладает чрезвычайной силой, которой, по-видимому, самому дяде Риксу никогда не иметь. Дядя говорит, что Крамер нашел ключ к алхимической таблице и может делать золото.

— А он следит за ним? Зачем?

— Он следит, потому что не доверяет никому; это одно из основных его правил. При пер-

вом же появлении Крамера он высказывал доктору Пфаффе предположение, не есть ли этот немец тот самый сильный человек, который когда-то выдавал себя за доктора Германа. Пфаффе уверял его, что это невозможно, что Август Крамер — величайший человек, выше Калиостро, Сен-Жермена. «К тому же, — сказал он, — мы ведь знаем, что под именем Германа был некто Чигиринский, которого мы тоже видели». Дядя возражал, что это явная ошибка, что где же незначительному молодому человеку разыграть роль доктора, известного всем масонам? Не вернее ли, что под именем доктора Германа был не кто иной, как этот Крамер, приехавший так же, как и тот, из-за границы и обладающий такой же, если не большей, силой. Наконец, вчера господин Крамер пришел к нам, чтобы посмотреть на переезд царской фамилии из Зимнего дворца в новый замок. Говорили про этот переезд очень много, сообщали, что он будет очень пышный, и Крамер, как иностранец, хотел познакомиться с русскими придворными церемониями. Он пришел к нам, но никакого торжества переезда не было. По Невско-

му ездили, как обыкновенно, кареты; в одной из них, кажется, проехала императрица — я хорошенько не видела. Вот и все! Но дядя неспроста зазвал немца: он готовил ему ловушку. Чтобы смотреть на улицу, все подходили к окну, и Крамер тоже. Дядя запачкал подоконник краской и подозвал его, тот замарал пальцы; дядя подал ему приготовленный заранее лист бумаги, и немец стал прикладывать к ней пальцы, чтобы обтереть их. Получились довольно точные отпечатки пальцев на бумаге, а это дяде Риксу только и нужно было. Я потом слышала его объяснение доктору Пфаффе, когда они заперлись в кабинете, что у каждого человека извилины кожи, которые можно рассмотреть простым глазом, имеют свой рисунок и что этот рисунок никогда не повторяется у различных людей. Поэтому-то очень часто масонские акты скрепляются не подписью, а старинным рукоприкладством, то есть договаривающиеся смазывают какой-нибудь краской, цвета крови, себе пальцы и прикладывают их к рукописи. Это делается для того, чтобы потом можно было легко узнать человека подписавшегося, а

также потому, что подделка такой подписи немыслима. В старину так прикладывали руки просто потому, что не умели писать, теперь же этим обыкновением масоны пользуются с более тонким расчетом. Дяде Риксу пришло в голову установить тождество доктора Германа и подозреваемого им Крамера сличением оттисков пальцев. Он под вымысленным предлогом достал у петербургских масонов пергамент с приложением руки Германа, которую тот сделал в бытность его в Петербурге. Этот пергамент он и доктор Пфаффе сличили с оттиском пальцев Крамера, и — представьте себе! — оба отпечатка точь-в-точь совпали. Надо было видеть торжество дяди! Он говорил, что тут ошибки быть не может, что случайностей никаких не бывает и что нет способа вернее установить, что изменник доктор Герман и Август Крамер — одно и то же лицо. Пфаффе был чрезвычайно поражен, но против очевидности спорить, как он заявил, он не мог и должен был согласиться, что дядя прав. Он хвалил проницательность дяди, удивлялся ей и называл дядю великим масоном. Тут же у них было решено

немедленно, без рассуждений, устранить Крамера, чтобы можно было донести верховному совету братства, что воля высших степеней исполнена. При этом дядя, торжествуя, несколько раз повторял доктору Пфаффе, что предположение о каком-то молокососе Чигиринском совершенно неосновательно и что теперь это доказано. Конечно, принимать Чигиринского за доктора Германа было нелепостью, и они решили оставить тебя в покое, так что, понимаешь, теперь всякая опасность для тебя миновала, и ты можешь открыто являться в Петербурге, где угодно. Приходи к нам прямо. Я представлю тебя дяде и матери как кавалера, с которым танцевала тогда на балу в Мраморном дворце и встретила сегодня на маскараде в Михайловском замке. Уж так и быть, сознаюсь — я им признаюсь, что вместо масонского дома Поливанова поехала сегодня на маскарад. Только, конечно, приезжай к нам не в этом костюме монаха, а оденься как можно лучше. Знаешь, мне от всего этого так весело, что я, кажется, сейчас же сорвала бы с тебя этот суконный покров, чтобы посмотреть на твое лицо!

— Что ты! — испугался Чигиринский, помня, что он оделся монахом, оставаясь Крамером. Теперь же в особенности ему не хотелось, чтобы Рузя знала, что он и Крамер — одно и то же лицо. — Так что бедняга Крамер, — спросил он, — приговорен ими к смерти, потому что, насколько я знаю, на языке масонов «устранить» — значит покончить с человеком навсегда?

— Да! — ответила Рузя. — Пока мы ходили вот тут по маскараду в холоде и сырости, весьма вероятно, Крамер перестал существовать на белом свете.

— Как так?

— Дядя Рикс сегодня велел приготовить ужин на двоих у себя в кабинете, приказав поставить две рюмки и достать бутылку старого венгерского вина. Он собирался ужинать с Крамером, и я сильно боюсь, чтобы он не подсыпал бедняге чего-нибудь в вино.

— Неужели яду? Разве старик способен на что-нибудь подобное? — воскликнул Чигиринский.

— Не знаю. То есть, очевидно, способен, если хотел отравить тебя при помощи записки.

— А тебе известны случаи, что Рикс отравлял кого-нибудь и достигал желаемой цели?

— Нет. Прямых таких случаев я не знаю, но что от этого старика можно всего ожидать, я верю. На самом деле он вовсе не такой почтенный, каким кажется.

— Так зачем же ты продолжаешь жить у него и быть вместе с ним?

— А что же мне делать? — промолвила Рузя. — Я живу вместе с матерью, то есть там, где живет она. А насколько мне сладко жить под кровом старого Рикса, об этом лучше не спрашивай!

— Рузя, я завтра же приеду к тебе свататься. Будь моей женой, тогда никакой Рикс на свете не будет тебе нужен.

— Ну вот! Как же это так? В первый раз приедешь в дом и сейча: свататься! — воскликнула девушка, освобождая руку. — Надо погодить, а там увидим... Уже поздно! Боюсь, дома начнут беспокоиться. Приезжай же завтра без всякой опаски! — И Рузя шмыгнула в дверь и мелькнула в следующей комнате, быстро удаляясь.

Чигиринский не пошел за ней. Он вдруг

остановился, вспомнив: «А что же теперь с Риксом?» »

Слушая рассказ Рузи, он наслаждался главным образом звуком ее голоса, думал о ней и о себе и только сейчас сообразил, что сам избежал смертельной опасности и что вино потемнело в рюмке не оттого, что в нем было сонное зелье, а оттого, что оно было отравлено. И это отравленное вино старик Рикс выпил до последней капли.

V

Сообразив, что Рикс должен был отравиться, Чигиринский в первую минуту хотел бежать к нему на помощь, но сейчас же вспомнил, что было слишком поздно. Если вино было действительно отравлено, то, с тех пор как Рикс выпил его, прошло столько времени, что яд должен был подействовать, и всякая помощь оказывалась излишней.

«Что же, — сказал себе Чигиринский после раздумья. — Если с ним случилось что-либо, никто не виноват в этом, кроме него самого. Этот яд он сам налил, и самому же ему пришлось его выпить! Так хотела, видно, судьба! Вот уж именно „не рои другому яму — сам в

нее попадешь“. Господи! Как странно иногда и чудесно складываются обстоятельства! »

Найдя свою карету, Чигиринский велел везти себя к Проворову. Ему не хотелось возвращаться под впечатлением всего только что слышанного в чужой для него дом Зубова.

Дорогой, чем больше он думал о Риксе, тем несомненное становилось для него, что катастрофа для старика была неминуема и что Рузя по возвращении домой не застала его в живых.

Костюм монаха он снял в карете и, став опять Крамером, закутался в плащ. Сделал он это потому, что вспомнил о докторе Пфаффе.

Он остановил карету, не доезжая проворовского дома, у квартиры жившего неподалеку немца. Вход он знал хорошо и легко нашел дверь на лестнице, слабо освещенной лунным светом.

На двери висел, по заграничной привычке, молоток, для того чтобы гости давали знак о себе. Чигиринский стукнул властным, требовательным троекратным масонским ударом. За дверью послышались шаги грузных башмаков служанки Пфаффе Амалии, и затем ее

голос спросил изнутри:

— Кто там? Чигиринский повторил удар.

— Ну да! Да!.. Но я же спрашиваю, кто стучит? — повторил голос Амалии.

— Да отворите же, Амалия! Это, верно, прислали за мной! — сказал за дверью явственно голос самого Пфаффе.

Чигиринский ударил молотком третий раз трижды, усиливая звук.

— Ну, да поскорее же!.. Это" за мной приехали от господина Рикса! — опять сказал Пфаффе.

Для Чигиринского вдруг стало все совершенно ясно. Если Пфаффе ждал к себе посланного от Рикса, то не могло быть сомнения, что это было условлено между ними для того, чтобы доктор мог явиться первым и засвидетельствовать естественность смерти Крамера, которого они решили отравить. Он понял также, что в этой решимости старика Рикса не последнее значение имел и ключ к алхимической таблице, получить который так хотелось Риксу. У мертвого Крамера он мог взять этот ключ безбоязненно.

Дверь отворилась. Пфаффе, увидев на по-

роге Крамера, попятился назад и, открыв от изумления рот, выпучил глаза, не находя слов и не зная, что ему сказать или сделать.

— Что с вами, господин доктор? — спросил Крамер, и его голос зазвучал металлически-резко. — Вы как будто не рады видеть меня?.. Правда, я являюсь к вам не совсем в урочный час. Но мои отношения с вами позволяют мне беспокоить вас, несмотря на время дня и ночи.

— Нет, напротив!.. Напротив!.. Я очень рад!.. — залепетал Пфаффе, обретая наконец дар речи лишь после того, как убедился, что его гость не привидение, а живой человек. — Напротив! Я очень рад! — повторил он. — Вы чувствуете себя, вероятно, не совсем здоровым и хотите, чтобы я помог вам?

— Нет, мой дорогой, — перебил его Крамер, — я чувствую себя превосходно и хочу поговорить с вами ради вашей же пользы и вашего интереса... Амалия, — обернулся он к служанке, — подите к себе и ложитесь спать! Вы больше нам не нужны! А вы, господин доктор, пожалуйста в комнату, и будем говорить...

Пфаффе, не скрывая уже своей растерянности, повиновался и вошел за Крамером в свою комнату, как будто был здесь не хозяином, а гостем.

— Садитесь! — предложил ему Крамер.

Пфаффе сел, как это делают марионетки кукольного театра.

— Видите ли, добрейший господин Пфаффе! — продолжал Крамер. — Вы напрасно думаете, что я, почувствовав себя дурно, приехал к вам, чтобы искать вашей помощи как доктора. Август Крамер ни в какой докторской помощи не нуждается, тем более что вы сами нуждаетесь если не в моей помощи, то в совете...

— О, господин Крамер, я всегда ценю ваши советы!..

— Вот видите ли, добываемый из бруцины алколоид, который употребляют обыкновенно братья-масоны для отравы, — слишком сильный яд, чтобы я мог, выпив его и почувствовав себя дурно, добратся до вас! Значит, одно из двух: или я известного вам угощения Рикса не выпил и потому остался здоров, или обладаю такой сверхъестественной силой,

что и бруцина на меня не действует.

— Какая бруцина?.. Почему Рикс?.. Я никакой бруцины не знаю... и господин Рикс — тоже...

Пфаффе бормотал, сам не зная что.

Крамер выждал некоторое время и дал ему оправиться.

— Ну, полноте! — заговорил он наконец. — Вы поддались влиянию этого сумасбродного старика и ждали от него посланного для того, чтобы засвидетельствовать мою смерть. Ну а я вот сам приехал к вам для того, чтобы сказать вам, что я жив, а некоторое время спустя к вам приедут для того, чтобы позвать вас к Риксу, который умер.

Пфаффе побледнел, словно стал мертвецом и, тяжело дыша, произнес:

— Старый Рикс умер?

— Да, и в этом вам придется удостовериться в скором времени. Он понес должное наказание за то, что не выполнил в точности данных ему приказаний. Ему было приказано найти и устранить человека, который, выдав себя за доктора Германа, нанес большой вред масонству, а он хотел вместо этого покончить

со мной для того, чтобы похитить у меня ключ от алхимической таблицы и воспользоваться им.

— Ах, господин Крамер! Вы опять, как всегда, знаете все! — воскликнул Пфаффе.

— Да, я знаю все! Пора же вам наконец привыкнуть к этому. Я знаю весь ваш разговор со стариком и эту проделку с запачканными пальцами. Бумага с отпечатком моих рук у вас?

Растерянный Пфаффе ответил, не думая о том, что говорит:

— Да, господин Крамер, она у меня! Я взял ее как совершеннейшее доказательство того, что я буду участвовать в вашем устранении, потому что выдать свидетельство об естественной смерти...

— Когда заведомо знаешь, что она последовала от отравления, конечно, это соучастие!..

— Ну, так как же мне не взять было бумаги!

— Где она?

— У меня.

— Дайте мне ее!.. Дайте мне сейчас! — приказал Крамер.

Пфаффе вынул из кармана сложенный лист бумаги с отпечатками пальцев и подал Крамеру. Тот взял, свернул ее жгутом и спокойно зажег на свечке.

Пфаффе смотрел, как медленно тлела бумага, и не возражал. Он был в таком состоянии, что находился всецело во власти Крамера и не мог ему ни возражать, ни противодействовать. Известие о смерти Рикса так ошеломило его, что он окончательно потерял душевное равновесие.

— Теперь и рассудите, господин Пфаффе, — начал опять Крамер, — не выгоднее ли вам бросить всякие злоумышления против меня и перестать заниматься делом, которого вам никто не поручал и которое выше ваших способностей и силы?

— Господин Крамер! Даю вам клятву, что никогда не только не предприму ничего против вас, но и вообще не буду делать ничего в тайной области братства без вашего совета и руководства!

— На этот раз я вас прощу и вы не понесете кары, которую заслужили бы. Главным образом виноват Рикс, и он наказан! Довольно.

Относительно же доктора Германа и того, кто действовал под его именем, не заботьтесь. Скажите только, один ли вы с Риксом преследовали меня и какого-то глупого, ничтожного Чигиринского или были еще масоны, враждебные им?

— Нет, господин Крамер, ручаюсь вам, что мы были одни. Рикс не сообщал польским масонам своих предположений, желая все дело провести лично и отличиться пред высшими степенями с тем, чтобы самому занять главенствующее положение среди польских масонов. Русские же братья сначала очень ретиво принялись за розыски и как будто нашли улики против Чигиринского, но потом вдруг совершенно оставили это дело. Я всегда говорил, что какой-то неизвестный человек не мог бы разыграть роль высшего масона. Другое дело, когда Рикс высказал предположение относительно вас.

— Я предложил вам забыть об этом, — спокойно произнес Чигиринский. А затем вдруг, даже неожиданно для самого себя, громко приказал доктору Пфаффе: — Спи!

Тот немедленно впал в летаргию, и Чиги-

ринский внушил ему забыть навсегда о докторе Германе.

Но ему пришлось быстро разбудить несчастного немца, потому что в дверь снаружи опять застучал молоток. Это была Рузя, которая приехала за доктором Пфаффе.

Вернувшись домой с маскарада, девушка застала мать спящей и, когда та проснулась, на вопрос Рузи, где дядя, ответила, что он вчера ужинал у себя в кабинете с Крамером и, проводив его, опять заперся у себя и не выходил с тех пор. Они пошли в кабинет и нашли там Рикса, лежавшего на полу мертвым.

Пфаффе задрожал всем телом, выслушав рассказ Рузи, и потребовал немедленно, чтобы и Крамер поехал с ними.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Неожиданная смерть Рикса, определенная доктором Пфаффе как удар, последовавший от переутомления и непосильной для старика умственной работы, не произвела большого впечатления ни на его сестру, ни на племянницу. Они казались только пораженными, но никакого особенно сильного горя не выказывали.

Вскоре же выяснилось, что у Рикса и других близких не было и не нашлось друзей, которые пришли бы его оплакивать.

Похороны были очень приличны, и это все, что можно было сказать о воздаянии должного памяти камердинера бывшего польского короля.

Состояние Рикса, довольно значительное, переходило по закону к его брату, жившему в Варшаве и бывшему с ним и с пани Юзефой в ссоре. Рикс после себя не оставил завещания.

Чигиринский, уже не переодетый Крамером, а в своем виде, явился на похороны. Рузя познакомила его с матерью, и он сразу стал

бывать у них запросто, оказывая им множество мелких услуг, в которых они нуждались, попав в очень неприятное в материальном отношении положение.

Квартира в доме католической церкви осталась за ними в продолжение шести недель, а затем они должны были очистить ее, не имея возможности оплачивать ее стоимость, да и патеру Груберу не было основания держать их, потому что наблюдать теперь за Риксом было не нужно и он мог использовать кабинет с потайным шкафом как-нибудь иначе.

Но в течение шести недель кабинет оставался нетронутым, и Крамер под предлогом того, что ему надо было закончить алхимические опыты, начатые с покойным Риксом, просил позволения заниматься в этом кабинете. На самом деле ему нужен был только предлог для того, чтобы отлучаться ежедневно из дома Зубова и, преобразившись в Чигиринского, являться к Рузе и пани Юзефе и проводить с ними время. Но вместе с тем он неустанно следил за тем, когда собрания у Жеребцовой возобновятся вновь.

Наступил март месяц. Девятого числа, в весеннее равноденствие, Зубов наконец сказал Чигиринскому-Крамеру, что сегодня опять соберутся у Ольги Александровны.

Крамер отправился к ним: приехали все обычные посетители этих собраний, опять ждали Палена.

Наконец тот явился и взволнованным голосом сообщил, что Пруссии готовится ультиматум. Русское правительство требует от нее немедленного занятия прусскими войсками Ганновера, в противном случае объявляет ей войну.

Раздались возгласы и выражения недовольства. Пален не стеснялся в выражениях своего гнева.

Из его дальнейших слов было видно, что император Павел принимает меры к ограждению своей безопасности, что ради этого он так торопился с переездом в новый Михайловский замок и даже пренебрег условиями всякой предосторожности в смысле простуды, рискнув занять не просохшее, новое помещение. В Михайловском замке он-де считает себя недосягаемым, потому что там имеются

рвы и цепные мосты, да и входы в замок оберегаются часовыми.

Кроме того, Аракчеев и другие приверженные Павлу лица возвращены им в Петербург и находятся уже на пути в столицу.

Граф Пален и все остальные были очень возбуждены и решили собраться через день, вечером одиннадцатого марта.

Чигиринский видел, что наступил момент действовать. Средства, которые имелись в его распоряжении, были уже не так малы, как это могло казаться с первого взгляда.

Во-первых, теперь он мог во всякое время дать знать непосредственно самому императору об опасности через отца Грубера, поручив Рузе предупредить патера. Грубер имел доступ во внутренние покои императора, сумев понравиться императрице Марии Федоровне тем, что умел варить шоколад особенным, известным иезуитам способом. Важно было раз попасть поближе к императору, удержаться же там далее зависело уже от его ловкости, а отец Грубер был умен и ловок.

Во-вторых, Чигиринский надеялся на Конногвардейский полк и преданность государю

его офицеров. Проворов возобновил знакомство со всеми прежними товарищами, служившими еще в полку, а также сошелся со многими офицерами других гвардейских полков и там давно уже вел свою линию, подготавливая на всякий случай противодействие каким-либо попыткам повторения 1762 года.

Разница положений теперь и тогда была слишком разительна. Тогда русские люди шли против некоронованного немца, ненавидящего все русское, теперь против русского императора шли немцы во славу германизма.

Чигиринский предложил Проворову, объездив всех, кого он может, и разузнав подробно о настроении, приехать к нему утром одиннадцатого числа в дом Зубова и спросить там Крамера, потому что самому ему, пожалуй, в этот день лучше не отлучаться без крайней необходимости.

Между прочим, десятого числа к нему забежал Пфаффе. Доктор был вне себя от радости и, захлебываясь, стал рассказывать Крамеру, что вот какое счастье выпало на его долю: он едет на родину, в Германию, и имеет при этом даровой проезд, так что дорога ему

ни копейки не будет стоить, сделает он ее на казенный счет. Он рассыпался в заочных благодарностях своим высоким покровителям и говорил, гордясь, что высокопоставленные соотечественники не оставили его на чужбине своими милостями.

— Видите ли, господин Крамер, — воскликнул он, — после этого случая скоропостижной смерти несчастного Рикса я много думал о себе и своем положении и пришел к заключению, что голова моя слишком глупа для того, чтобы вести такие сложные и деликатные дела! Да, я слишком глуп для этого и ничуть этого не скрываю, напротив, горжусь. Ну так вот, я попросил одного высокого покровителя, чтобы он дал мне возможность уехать из России навсегда на мою родину. И он дал мне эту возможность. Я получил назначение быть причисленным к штату коллегии иностранных дел и меня посылают курьером в Берлин с депешами русского правительства. Вы только подумайте, как это выгодно: ехать не только даром, но и в полной безопасности, потому что курьера оберегают, и я, как чиновное лицо, поеду с особым паспортом.

— Когда же вы едете?

— Представьте себе, сегодня мне велено готовиться, а завтра выезжать.

— Завтра я желал бы еще видеть вас, — заметил Крамер.

— Но это невозможно. Завтра я должен, получив пакеты в коллегии, заехать к графу Палену по его приказанию и затем прямо уже на тройке отправиться на почтовый двор, где будет все готово для моего отъезда.

— Отлично! Тогда, едучи по Невскому, вы можете на минуту остановиться у дома католической церкви и забежать в квартиру Рикса. Я буду там, в его алхимическом кабинете, и передам вам важные бумаги, которые вы отвезете братьям-каменщикам в Берлине.

— Ах, господин Крамер, нельзя ли мне получить эти бумаги сегодня, потому что я не знаю, как же я завтра смогу...

— Очень просто: вы остановите ямщика и вылезете из саней, приказав ему обождать, а затем через десять минут к нему вернетесь и поедете дальше. Сегодня же я не успею приготовить бумаги — они едва успеют к завтра.

— Вы этого непременно требуете?

— Да, я этого требую, и слушаться меня обязывает вас повиновение братству.

Пфаффе вздохнул и проговорил:

— Что делать! Но зато уже в последний раз. Хорошо, я забегу завтра по дороге.

II

Одиннадцатого марта утром Проворов приехал к Чигиринскому в дом Зубова.

— Есть новости, и большие, — сказал он, когда они заперлись в комнате Крамера. — Сегодня Пален после парада в экзерцисгаузе велел всем гвардейским офицерам ехать к себе на квартиру, а потом явился сам и дал им такой разнос, что никто ничего подобного никогда не помнил. Кажется, если бы можно было их всех посадить под арест, он сделал бы это. Все-таки он приказал им отправляться по домам и сидеть там тихо. В городе прямо говорят: «Мы накануне важных событий».

— Это повторяют все последние дни, — заметил Чигиринский. — Я не сомневался, что сегодняшней день будет решительным. Скажи, кто нынче держит караулы в замке?

— Семеновцы, а внутренний караул, у покоев государя, занимают конногвардейцы. За

старшего у них сегодня Андреевский. Я с ним говорил. Он предупрежден и будет смотреть в оба.

— А князь Манвелов?

— Он влюблен в Кутайсову и из-за своей влюбленности все забудет и перепутает.

— Ты не нашел нужным предупредить через него Ку-тайсова, чтобы он дал знать графине, а она — отцу? — спросил Чигиринский.

— Кутайсов без ума от Зубовых и после получения ордена Андрея Первозванного только и бредит Паленом. Что тут может сделать маленький Манвелов!

— Ну, что ж делать!.. К счастью, у меня уже есть возможность дать знать куда следует иным, более верным путем, а именно через патера Грубера. Ну, спасибо за сообщения! Поезжай и сделай еще, что найдешь нужным и полезным! До свидания! Я поеду сейчас хлопотать.

Крамер проводил своего гостя до лестницы и поехал на квартиру Рикса. Там он засел в кабинете и сделал вид, что занят письмами и составлением бумаг.

Его сильно интересовало, заедет ли Пфаф-

фе или нет, потому что случай был слишком достойный внимания. Посылка курьера в Берлин как раз сегодня наводила на мысли, а возможность иметь в руках письма, которые везет этот курьер, представлялась чрезвычайно заманчивой. Чигиринскому надо было иметь их в руках самое большее на четверть часа.

К сожалению, окна Крамера выходили на двор и в них нельзя было видеть, когда подъедет Пфаффе. А вдруг он не решится и проскачет мимо?

Чигиринский в волнении ходил по кабинету, прислушиваясь.

Наконец в дверь постучали. Чигиринский поспешно сел к столу и громко сказал:

— Войдите! Дверь не заперта.

Пфаффе появился красный и запыхавшийся и, не здороваясь, мог только выговорить:

— Готовы ваши бумаги? Дайте их!

— Сию минуту, доктор! — сказал Чигиринский. — Заприте дверь на засов, присядьте! Мне надо сказать вам несколько слов, которые вы передадите в Берлине,

Пфаффе торопливо задвинул на большой

дубовой двери кабинета засов и, приблизившись к столу, присел на кончике стула.

Чигиринский протянул к нему руку, сказав: «Спи!»

Пфаффе, как был на стуле, так и замер без движения.

Чигиринский ощупал быстро пальцами его грудь и убедился, что в боковом кармане Пфаффе шуршала бумага. Он спокойно растегнул его камзол и вынул два пакета. Затем, положив тот, который был побольше, на голову немца, туда, где кончается лоб и начинаются волосы, он повелительно произнес:

— Чье это письмо? Смотри!.. Ты можешь видеть. Пфаффе послушно ответил:

— Собственноручное письмо государя к русскому послу в Берлине.

— Читай!

И Пфаффе прочел:

«Михайловский замок, сего одиннадцатого марта. Заявите, милостивый государь, королю, что, если он не хочет принять решения занять Ганновер своими войсками, вы должны оставить его двор в двадцать четыре часа. Павел».

Чигиринский на место большого конверта положил маленький и спросил:

— А это что?

— Это записка графа Палена.

— Читай!

«Его императорское величество, — прочел Пфаффе, — сегодня нездоров. Это может иметь последствия» .

Чигиринский положил оба пакета назад в карман Пфаффе, сел к столу и, дунув в лицо немца, привел его в себя.

— Вот бумаги, — заговорил он, протягивая небольшой сверток в ту минуту, когда Пфаффе очнулся. — Вы их передадите мастеру лужи Северной Звезды. Ну, а теперь счастливого пути! Желаю вам благополучно вернуться на родину.

Немец с чувством простился с Крамером и стремглав побежал, чтобы поскорее сесть в курьерскую тройку и оставить Петербург навсегда.

Чигиринский был доволен больше, чем мог этого ожидать.

III

Оставалось решить вопрос, каким образом

сообщить Рузе о том, что она должна была передать патеру Груберу. Становиться ли опять для этого Чигиринским, то есть ехать к Проворову, переодеваться и терять много времени, или же говорить с ней в лице Крамера?

Чигиринский решился на последнее. Отчего же, в самом деле, не мог Август Крамер сделать важное предостережение? Даже напротив, от его лица оно могло иметь особенный вес и значение.

Об этой собственноручной записке Палена на французском языке: «*Sa Majeste Imperiale est indisposee aujourd'hui. Cela pourrait avoir des suites*», посланной Паленом в Берлин одиннадцатого марта 1801 г., говорит в своей истории Франции Биньон. Затем Тьер свидетельствует, что генерал Берновиль, тогдашний французский посланник в Берлине, сообщил о ней особой депешей своему правительству.

Чигиринский вышел из кабинета в переднюю, позвал служанку и велел ей попросить к нему в кабинет паненку. Служанка сказала, что Рузя заперлась в своей комнате и что, когда она запирается там, она не велит себя тре-

ВОЖИТЬ.

Чигиринский понял, что это значит: Рузя запиралась у себя в комнате, когда наблюдала в шкафу. Отсюда было несомненно, что она и теперь была незримой свидетельницей всей сцены с доктором Пфаффе.

— Ничего не значит! — приказал он. — Исполните, что я вам говорю! Подите и стучите к паненке до тех пор, пока она не выйдет, и попросите ее сюда, ко мне!

Он достал империял и сунул в руку служанке, и та пошла исполнять приказание.

Через некоторое время пришла Рузя, чрезвычайно удивленная, зачем она понадобилась Крамеру. Тот попросил ее сесть и выслушать его.

— Вы, конечно, — начал он, пристально глядя на то место стены, где можно было предположить таинственный шкаф, — только что слышали из вашего тайника все, что произошло между мной и доктором Пфаффе?

Рузя попыталась извернуться:

— Какой тайник? И что я слышала?.. Я ничего не понимаю...

— Неужели вы не имели еще возможности

убедиться в том, что я знаю все, что хочу знать? — прервал ее Крамер. — Так не будем же играть в прятки! Дело очень важное и стоит во сто раз больше тех сведений, которые вы сообщали отцу Груберу о вашем дяде Риксе.

Это было сказано Крамером так определенно, что возражать, казалось, нечего.

— Хорошо! — согласилась Рузя. — Пусть я слышала и знаю, что вы тут проделали сейчас с немцем.

— Вы сообразили, что это значит?

— Нет. Я поняла только, что Россия грозит Пруссии разрывом дипломатических отношений и что граф Пален сообщает в Берлин о болезни государя.

— А между тем государь здоров.

— Да, правда. Мне еще вчера отец Грубер говорил, что его величество чувствует себя прекрасно.

— Ну вот видите! Значит, это извещение о болезни, да еще такой, которая может иметь последствия, — ни более ни менее, как иносказание. Так вот, подите сейчас же к па-теру Груберу и расскажите ему откровенно

все, что вы знаете, а от меня передайте ему, чтобы он сделал все возможное, чтобы предупредить государя о том, что граф Пален — предатель. Пусть пошлет вдогонку за курьером и найдет у него записку графу. Он готов идти на все, чтобы не допустить войны с любезной ему неметчиной. Ведь патер Грубер живет с вами по той же лестнице?

— Да, и дверь его никогда не запирается. Я сию минуту подымусь к нему, — ответила Рузя.

— И спуститесь сюда, чтобы сказать мне, намерен ли он сию минуту отправиться в Михайловский замок.

Рузя, быстрая, скорая и решительная в своих движениях, кинулась к секретному шкафу, очутилась через него в своей комнате и, схватив широкий плащ и накинув его на себя, побежала к Груберу.

Чигиринский остался ждать и от нечего делать подошел к окну.

Двор был совсем пустынный: какая-то женщина прошла через него с ведром в руках.

Вдруг, с той стороны, где были ворота на

улицу, не видные Чигиринскому, потому что они находились по той же стене, что и окно кабинета, появились полицейские солдаты, за ними офицер, и вместе с офицером Чигиринский увидел зубовского лакея Владимира, масона, который ходил у Зубова за ним. Лакей и полицейские оглядывали окна, и Владимир показывал, тыкая пальцами.

«Что это такое?» — подумал Чигиринский.

Не будь здесь зубовского лакея, он, может быть, и не обратил бы внимания на появление полиции. Она была довольно многочисленна в Петербурге и исполняла самые разнообразные обязанности.

Но тут действовал этот Владимир. Чигиринский угадал инстинктом, что тут дело касается именно его как Крамера.

Он увидел дальше через окно, как офицер расставил часть полицейских у всех дверей, выходящих во двор. Значит, были отрезаны все выходы.

Чигиринский задвинул болт на крепкой двери, твердо решившись не сдаваться, если это пришли за ним.

«Ну что же, — думал он, — в крайнем слу-

чае, если даже меня арестуют, меня выручит патер Грубер, который должен будет засвидетельствовать, что я дал ему ценные сведения! Этот лакей Владимир был шпионом Палена, приставленным к Крамеру на всякий случай. Только почему же такая поспешность ареста и почему меня ищут даже в чужом доме? Да!.. Сегодняшний разговор с Проворовым? Очевидно, Владимир подслушал его, дал немедленно знать, и сейчас же было послано меня арестовать. Владимир знал, что я хожу сюда каждый день, и пошел сегодня тоже... Как все это просто!»

В это время раздался стук в дверь.

Чигиринский не двинулся.

«Бояться нечего, — мелькнуло у него. — Государь будет предуведомлен через Грубера, замысел Палена не удастся, и в конце концов окажется арестованным он, а не я».

— Господин Крамер, — раздался голос за дверью, — отоприте! Вы арестовываетесь по приказанию господина военного генерал-губернатора.

IV

В монографии, посвященной царствова-

нию императора Павла Петровича ^{note 4}, историк описывает последний день царствования этого государя следующим образом:

«Наступил понедельник одиннадцатого марта 1801 года. Патер Грубер, пользуясь завоеванным им исключительным положением, явился в Михайловский замок и направился в кабинет государя.

На этот раз патер встретил неожиданное препятствие в лице военного губернатора графа фон дер Палена, который загородил ему дорогу и сказал, что император так занят государственными делами, что не может принять отца иезуита.

С этими словами он быстро вошел в кабинет Павла.

Не желая в этот день по известным ему соображениям допустить иезуита до объяснений с императором, военный губернатор преднамеренно буквально завалил Павла докладами и не давал ему покоя и возможности перевести дух.

Государь приметно начинал терять терпение, раздражался и наконец, при поднесении последнего доклада, обратился к Палену с

гневным вопросом:

— Нет ли еще чего-нибудь?

Пален, ловко воспользовавшись таким душевным состоянием Павла, ответил:

— Все, ваше величество, только там, за дверьми кабинета, кажется, отец Грубер хочет еще утомлять вас своим столь известным проектом о соединении русской церкви с латинской.

Государь, уже приведенный в раздраженное состояние, приказал Палену сказать патеру Груберу, чтобы он убрался со своим проектом.

После этого эпизода дневные занятия и установившееся препровождение времени продолжались в обычном порядке».

Об ужине одиннадцатого марта в Михайловском замке сохранился рассказ генерала Кутузова, записанный графом Ланжероном:

«Мы ужинали вместе с императором. Нас было девятнадцать человек за столом; он был очень весел и много шутил с моей дочерью, которая в качестве фрейлины присутствовала за столом и сидела против государя. После ужина он говорил со мной и, пока я отвечал

ему несколько слов, он взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лица кривыми. Он посмеялся над этим и сказал мне: „Посмотрите, какое смешное зеркало! Я вижу себя в нем с шеей на сторону“. Ужин кончился в половине десятого; заведено было, что все выходили в другую комнату и прощались с государем. В этот вечер Павел Петрович также вышел в другую комнату, но ни с кем не простился, а сказал только: „Чему быть, того не миновать!“

V

Полковник Конногвардейского полка Саблуков, бывший в этот день дежурным по караулам, записал в своих записках одиннадцатого марта:

«В три четверти десятого вечера мой слуга вошел в комнату и ввел ко мне фельдъегеря. „Его величество желает, чтобы вы немедленно явились во дворец“. — „Очень хорошо!“ — отвечал я и велел подать сани. Получить такое приказание через фельдфебеля считалось вообще плохим предзнаменованием и предвестником бури. Я, однако же, не имел дурных предчувствий и, немедленно отправив-

шись к моему караулу, спросил офицера Андреевского, все ли обстоит благополучно. Он ответил, что все совершенно благополучно, что император и императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имели вид очень милостивый. Я сказал ему, что за мной послал государь и что я не приложу ума, зачем бы это было. Андреевский также не мог догадаться, ибо в течение дня все было в порядке. В четверть одиннадцатого часовой крикнул: „К ружью!“ Караул выстроился. Император вышел из двери кабинета в башмаках и чулках, ибо он шел с ужина. Ему предшествовала любимая его собачка шпиц, и следовал за ним дежурный генерал-адъютант Уваров. Собачка подбежала ко мне и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видела; я отстранил ее шляпой, но она опять кинулась ко мне с ласками, и император отогнал ее ударом шляпы, после чего шпиц сел позади Павла на задние лапки, не переставая пристально глядеть на меня. Император направился ко мне и сказал по-французски: „Вы — якобинцы!“ Несколько озадаченный этими словами,

я, не подумав, ответил: „Точно так! “ Он возразил: „То есть не вы, собственно, а полк! “ Я оправился и ответил: „Пусть уж я, но относительно полка вы ошибаетесь! “ Он сказал мне по-русски: „А я лучше знаю сводить караул! “ Я скомандовал: „Направо кругом марш! “ Корнет Андреевский вывел караул и отправился с ним домой. Собачка шпиц не шевелилась, она все время во все глаза смотрела на меня. Затем император продолжал говорить по-русски и повторил, что мы якобинцы. Я отверг подобное обвинение, утверждая, что оно незаслуженное. Он снова ответил, что он лучше знает, и прибавил, что он приказал вывести полк из города и расквартировать его по деревням, причем сказал мне весьма мило: „Ваш эскадрон будет помещен в Царском Селе. Два бригад-майора будут сопровождать полк до седьмой версты. Распорядитесь, чтобы полк был готов к выступлению в четыре часа утра, в походной форме, с поклажей“. Затем, обращаясь к двум лакеям, одетым в гусарскую форму, но не вооруженным, он сказал: „Вы оба займете этот пост“, — указав на дверь, ведущую в кабинет. Уваров все

время улыбался за спиной императора, а верный шпиц продолжал серьезно глядеть на меня. Император затем поклонился с изысканной вежливостью и удалился в кабинет.

Ночь была холодная и дождливая. В главном карауле все дремали. Вдруг прибегают лакей с криком: «Спасайте!» Поручик Полторацкий обнажил шпагу и, обращаясь к солдатам, воскликнул: «Ребята, за царя!» Все бросились за Полторацким, перебежали двор и поднялись по парадной лестнице, но вдруг на верхней площадке появились граф Пален и генерал Беннигсен. Раздалась команда: «Караул, стой!» — а затем они услышали слова: «Государь скончался апоплексическим ударом. У нас теперь новый император Александр Павлович!» В первом часу пополуночи граф Пален явился в Михайловский замок к наследнику цесаревичу Александру Павловичу с известием о скоропостижной кончине императора Павла».

Горесть Александра Павловича была неописуема: он заливался слезами.

В это самое время князь Платон Александрович Зубов разбудил цесаревича Констан-

тина Павловича и привел его к воцарившемуся императору. Только с трудом граф Пален уговорил Александра выйти к собранным в Михайловском замке войскам.

— Не будьте ребенком, — сказал граф Пален, — начинайте царствовать и покажитесь гвардии. Благополучие миллионов людей зависит от вашей твердости!

Желание военного губернатора было наконец исполнено. Император Александр обратился прежде всего к Семеновскому караулу со словами:

— Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке! В ответ на эти слова раздалось: «Ура!»

Затем государь вышел к войскам, после чего в два часа пополуночи сел в карету с цесаревичем Константином Павловичем и отправился в Зимний дворец.

Императрица Елизавета Алексеевна осталась в замке утешать вдовствующую императрицу Марию Федоровну.

ЭПИЛОГ

А что же Чигиринский? Когда за дверью кабинета раздался голос, оповещающий об аресте, Чигиринский ощутил какой-то особенный прилив сил и несокрушимую уверенность, что он выйдет легко из этого положения.

Он огляделся и в тот же миг весело улыбнулся. Выход нашелся тут же, сам собой.

Чигиринский направился к умывальнику, который стоял в кабинете и в котором он, между прочим, отмывал свои запачканные краской пальцы, удалил маслом, взятым из коллекции бутылок, стоявших на полке возле очага, со своего лица наложенный на него грим, снял парик, спрятал его в книжный шкаф за книги и вернулся к своему естественному виду Чигиринского, человека, вовсе не похожего на Крамера.

Он уже видел, что Рузя, уходя, впопыхах не затворила двери потайного шкафа, и скрылся в нем, причем плотно запер дверь, которая, он знал, так сливается со стеной кабинета, что отыскать ее невозможно. Таким

образом, теперь полицейский офицер, стучавшийся в кабинет и грозивший выломать дверь, мог приводить в исполнение свою угрозу.

Сначала Чигиринский хотел остаться спрятанным в шкафу, но потом ему пришло в голову выйти из шкафа в сторону комнаты Рузи и показаться в виде Чигиринского.

Комната Рузи была пуста, и Чигиринский вышел из нее в столовую, тоже никого не встретив.

В доме была суматоха, пани Юзефа показала заплаканная и встретила Чигиринского словами:

— Ах, мой добрый пан! Какие неприятности... Жаль, что вы пришли сегодня позже обыкновенного! Я так перепугалась!.. Как на грех, Рузя куда-то исчезла, я совсем одна и ничего не знаю. Ну, теперь я очень рада, что вы пришли!

— Пани Юзефа, у меня случилось несчастье: лопнул рукав под мышкой в камзоле, — произнес Чигиринский. — Не можете ли вы мне дать камзол вашего покойного брата?

Причина просьбы была не особенно хоро-

шо обоснована, но пани Юзефа была настолько перебедровавшаяся, что не вдумывалася. Напротив, она обрадовалася хоть маленьким хлопотам, которые отвлекали ее испуг.

В передней полицейские высаживали дверь в кабинет, но крепкая дверь не поддавалась их усилиям.

Пани Юзефа кинулась в спальню покойного брата, говоря:

— Что же, в самом деле, одежда все равно так висит! Я очень рада, если она пригодится.

Чигиринский снял камзол с одного рукава, рванул, выпорол его часть под мышкой, а затем, надев обратно, пошел за пани Юзефой и, войдя в спальню, сказал успокоительным тоном:

— Пани Юзефа, да вы посмотрите, может быть, можно так оставить? Незаметно, если приложить рукой?

Пани Юзефа деловито оглядела Чигиринского сзади.

— Нет, — заявила она, — никак невозможно, совсем разодрано. Наденьте лучше кафтан брата! Где это с вами могло случиться так? Ведь почти весь рукав выхвачен!

— Да здесь, при входе к вам! Меня стал не пускать какой-то человек и хотел схватить, я рванулся, так что он от меня отлетел! Чуть не началась драка! Я бы ему показал!.. Да хорошо, полицейский объяснил, что только отсюда никого выпускать нельзя, а впускать можно!

— Ай-ай-ай! Какие неприятности! — закачала опять головой пани Юзефа. — Ну, надевайте братнин камзол и приходите в столовую! Я все-таки боюсь одна!

Когда Чигиринский, переменяв камзол, вошел в столовую, то застал там вернувшуюся Рузю.

— Да ведь я только на минутку забежала к патеру Груберу! — оправдывалась она перед разразившейся целым потоком упреков матерью.

— Да, как же! — не унималась та. — Тут такое несчастье, а тебя нет! И вот пана, — она показала на Чигиринского, — не хотели пустить сюда и даже разодрали ему рукав.

В передней рублили дверь принесенным от дворника топором.

— Пойдемте посмотрим, что они там дела-

ют? — предложила Рузя и направилась в переднюю.

Чигиринский пошел за ней.

— А это кто? — спросил полицейский офицер, увидев его.

Рузя твердо ответила:

— Мой жених, Клавдий Чигиринский.

— Где вы живете? — спросил офицер. Чигиринский назвал улицу и дом Проворова. Выломав наконец дверь и никого не найдя в кабинете, полицейские сделали тщательный обыск, а в это время Чигиринский, объявленный теперь самой Рузей ее женихом, предложил пани Юзефе сегодня же перебраться вместе с дочерью в дом его приятеля, женатого на его сестре. Свое предложение он подкрепил указанием на то, что вскоре истекало шесть недель со смерти Рикса и они должны были оставить квартиру в доме католической церкви.

На другой день, когда стало известно о внезапной кончине Павла, пани Юзефа и Рузя пользовались уже гостеприимством Елены, и все они поспешно собирались в Крым, торопясь приехать в Москву до весенней распути-

цы.

Чигиринскому удалось все-таки выяснить, что на Крамера донес действительно лакей Владимир, который подслушал его разговор с Проворовым.

— Скажи мне, пожалуйста, — спросил Чигиринский у последнего, — говорил я тебе тогда в разговоре в доме Зубова одиннадцатого марта, что имею путь через Грубера?

— Да, ты мне сказал это! — подтвердил Проворов. — Я помню.

— Ну, тогда все понятно!

Чигиринский женился на Рузе по дороге в Харьков, а еще ранее того, в Москве, ей было сшито приданое, так что в Крым Проворовы и Чигиринские приехали счастливыми парами и зажили мирно в чудном имении, где хозяйничал Проворов.

Нимфодору они хотели взять с собой, но она отказалась, потому что ее репутация в Петербурге как гадалки была настолько прочна, что ей было невыгодно покидать столицу.

Она предсказала по картам Кутайсовой, когда ее сватовство с Зубовым после смерти Павла Петровича расстроилось, что молодая

графиня выйдет замуж за князя Манвелова, но ее предсказание не сбылось, графиня за князя Манвелова не вышла.

Ни Зубовы и никто другой из ближайших друзей графа Палена не имели значения во все царствование императора Александра I. Они жили частной жизнью, не имея на дела никакого влияния.

Пруссия не заняла Ганновера, и мы ей войны не объявили, а, напротив, продолжая политику Екатерины II, помогали ее развитию и вместо дружбы с Наполеоном воевали с ним, спасая от него Европу и ту же Пруссию.

Note1

Костюшко честно сдержал данный им обет и даже по воцарении Александра I ни в 1806 году, ни в 1812 году не последовал с другими поляками за воевавшим с Россией Наполеоном.

[^^^]

Note2

Однако он очень хорош (фр.).

[^^^]

Note3

Особый сосуд алхимиков в виде яйца на трех львиных лапах; под ним поддерживается огонь.

[^^^]

Note4

Н.К. Шильдер. Император Павел I. Историко-биографический очерк.

[^^^]